

ПОЭТЫ
УРАЛА

2

ПОЭТЫ
УРАЛА

АНТОЛОГИЯ

**Поэты
Урала**

УРАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОЭТЫ УРАЛА

*

АНТОЛОГИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

Редакционная коллегия: Татьяначева Л. К. (главный редактор), Васильев С. А., Давыдычев Л. И., Дергачев И. А., Каримов М. С., Крупаткин Б. Л. (зам. главного редактора), Маркова О. И., Пермяк Е. А.

ПОЭТЫ
УРАЛА

*

АНТОЛОГИЯ

ТОМ
2

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1976

С62
П67

Составитель раздела
«Дореволюционная поэзия Урала» —
И. А. Дергачев
Составитель раздела
«Поэзия советских лет» —
Л. Л. Сорокин

П $\frac{70402-063}{\text{М } 158(03)-76}$

© Средне-Уральское книжное издательство, 1976

ЛВОВ
МИХАИЛ ДАВЫДОВИЧ

Родился в 1917 году в селе Насибаш Верхнекигинского района Башкирской АССР в семье сельского учителя.

В городе Миассе закончил педагогический техникум, в Уфе учился в пединституте.

Работал на Челябинском тракторном заводе в редакции газеты «Наш трактор», в областном радиокомитете.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

В годы войны трудился на военных стройках Урала, ушел на фронт в составе Уральского добровольческого танкового корпуса.

Первая книга стихов вышла в Челябинске в 1940 году.

Автор более двадцати книг, изданных в Москве, Челябинске, Казани, среди которых «Мои товарищи» (1945), «Стихи» (1947), «Мирный человек» (1954), «Живу в двадцатом веке» (1957), «Стихотворения» (1959), «Мужество» (1961), «Эти годы» (1963), «У нас в России» (1964), «Волжская радуга. Время. Лирика» (1965), «Избранная лирика» (1966) и другие.

За книгу «Письмо в молодость» присуждена премия «Орленок» Челябинского обкома ВЛКСМ.

Секретарь Правления Московской писательской организации.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета» и медалями.

Член КПСС с 1950 года.

* * *

Я был на стройках Южного Урала.
Я видел, как выстраивался в ряд,
Сверкая полированным металлом,
За новым агрегатом агрегат,
Как будто артиллерия морская,
И выдох пушек, вспышками огня
Великий труд победы освещая,
Как легкий дым, окутывал меня.

В жару июля и в мороз крещенский,
В волнах пшеницы, в угольной пыли
Мой путь лежал от энска и до энска,
По городам промышленной земли.
Я видел, как победа выростала.
Свидетельствую: пролетят года —
Спасительное мужество Урала
Отчизна не забудет никогда.

Урал, Урал... Заводы... Шахты... Горы...
Страной железа видишься ты мне.
Твои сыны, литейщики, шахтеры,
Себя как дома чувствуют в огне.
С рождения металлом окруженный,
Уралец — прирожденный металлист,
А значит, он и воин прирожденный,
И слесарь от рожденья, и танкист.
Пройдут года — над веком небывалым
Потомки совершат свой поздний суд.
Железо назовут они Уралом
И мужество Уралом назовут.

1942

И думал с тоскою: «Теперь хорошо бы,
Как после работы и после учебы,
К тебе возвратиться домой на Каштак».
И мой экипаж согласился: еще бы!
Давно бы зазноба спасла от озноба,
И рюмку она поднесла бы не так.
И мой экипаж согласился: конечно,
И танки не вечны, и войны не вечны,
И мы возвратимся когда-то домой,
Родных и друзей расцелуем, обнимем,
И сядем за стол, и чокнемся с ними,
Но путь наш домой лежит через бой.
Со мной ничего не посмеет случиться,
Я должен любить еще, жить и учиться,
Об этом я знал и за крайней чертой,
Когда ничего уже не осталось:
Ни сил, ни патронов, лишь только
усталость,
Когда я держался на хватке одной.
Я с детства учился так в жизни
держаться,
Так впутаться в жизнь, так с нею
связаться,
Так крепко ее привязать у седла,
Чтоб жизнь от тебя не могла отвязаться,
Чтоб жизнь от тебя не могла отказаться,
Чтоб жизнь без тебя обойтись
не могла.
Да, верю я в жизнь,
и не ставь мне в вину ты
Ни это пристрастие, ни эти минуты.
Мальчишкою тоже меня не зови.
Ведь молодость хочет быть абсолютной
И жизнь принимать от салюта к салюту,
И хочется верить тебе и любви.
Опять протяни мне далекие руки

Готовность к смерти — тоже ведь оружие.
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1942

ВРЕМЯ ·

Мы бронзой покрываемся в походе,
Над нами солнце всходит каждый день,
И каждый день на западе заходит,
И мир цветной повторно входит в тень.
Еще штыками обернутся песни.
Еще придут и отшумят бои.
Придет домой седеющий ровесник.
Придут не все ровесники мои.
Оставшимся счастливо оставаться.
Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться —
И мы вернемся бронзою к нему.
У вас сады. У вас цветенье лета.
И юноши по мрамору идут
Сквозь волны круглосуточного света,
И холодно быть памятником тут...
Когда ты выйдешь с лекций на закате,
О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщи хрестоматий,
О наших запыленных именах,—
Почувствуй нас взволнованней, чем лектор:
Ведь и от вас мы отвели беду,
Товарищ мой, бредущий по проспекту
В трехтысячном немислимом году.

1940—1944

У ВХОДА В СКАЛАТ

А. В. Лозовскому

Полковник, помните Скалат,
Где «тигр» с обугленной кожей
И танк уральский, в пепле тоже,
Лоб в лоб уткнулись и стоят?
Полковник, помните, по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же тапковый характер —
Прорваться или же сгореть.

1944

ВЫСОТА

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.

И высота была взята,
И знают уцелевшие солдаты:
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

1944

* * *

На миг в прошедшее заглянем.
Челябинск. Госпиталь. Концерт.
Как будто слушали с вниманьем,—
Аплодисментов нет в конце.
Ведущий этим был встревожен,
И раненый поднялся вдруг.
— Простите, хлопать мы не можем —
У нас нет рук.

Мгновенье это походило
На замешательство в бою.
Искусство слов не находило
И молча медленно склонило
Пред жизнью голову свою.

1957

* * *

Как будто я за веком следом ездил,
Его дыханье трогало меня,
И спал и стыл я на его железе,
И обжигался у его огня.
Я с ним узнал и тишину и грозы.
Мне от него ни душу, ни глаза,
Как руку от железа в час мороза,
Без крови оторвать уже нельзя.

1946

* * *

С. Хакиму

Сколько нас, нерусских, у России,
И татарских и иных кровей,
Имена носящих не простые,
Но простых российских сыновей!

Пусть нас и не жалуют другие,
Но вовек — ни завтра, ни сейчас —
Отделить нельзя нас от России:
Родина немыслима без нас!

1957

НА СТАНЦИИ СЕРГАЧ

Поезд стал. Остановка — Сергач.
На перроне — как облако, стужа.
На перроне — пронзительный плач.
Это женщина встретила мужа.
Повторяет: — Сергей! Мой Сергей!
(Видно, здесь, в Сергаче, все Сергеи.)
Прижимается к мужу серьгой
И рыдает сильней и сильнее.
А Сергей, возвышаясь над ней,
Принимает все это спокойно,
Хоть в разлуке родные родней.
В общем, держится очень достойно.
Отчего же рыдает она?
Отчего безутешна супруга?

Иль из плена вернула война
Через многие годы супруга?
Или что-нибудь в духе ином,
Иль сама она к мужу вернулась?
Я смотрел, опьянен не вином,
И слеза на глаза навернулась.
Не развод, не тюрьма, не война —
Оказалось, он ездил по делу
И соскучилась очень она,
Стосковалась о нем... за неделю.
И скрывать ей не надо того,
Что безмерно, беспамятно любит.
Вот и плачет и гладит его,
На глазах у народа голубит.

1960

ВПАДАЛИ РЕКИ В РЕКИ

Мустаю Кариму

Был пароход наш белый,
Шел пароход по Белой,
Еще водой не бедной.
Давал гудок победный.
И всматривались люди
в поселки и холмы.
Мы палубу по кругу
измерили ногами.
Уснули мы на Белой —
проснулись мы на Каме.
...Уснули мы на Каме —
на Волге встали мы.

Впадали реки в реки,
как будто руки в руки...
Из рук да в руки реки
передавали нас!
Мы так и представляли!
Скульптурные, как греки,
Культурные, как греки
(Гомеровские греки),
Мы солнцу подставляли
то профиль, то анфас.
И Волга нас качала.
И нас Казань встречала,
И говорила очень приятные слова.
И Горький с нежным Нижним
встречал нас у причала.
А впереди сучала
уже о нас Москва.
И влажная купальщица махала мне с мостка.
Махали наши реки
волнистыми платками.
Как крылья за спиною —
их ситцевый туман.
И вот уже ни Белой,
и вот уже ни Камы.
Идем Московским морем
в Москву, как в океан!
Впадали реки в реки,
и воды прибывали.
И люди приготовились
к последнему броску.
С ладони на ладони
меня передавали
Родные реки наши.
Вот как я впал в Москву.

ПЕСНЯ

Восторженно
 годы прожить!
Признательно
 жизни служить!
Как день начинается
 каждый с восхода,
С восторга начав,
 не сникать до захода,
Чтоб годы,
 как песню,
 сложить!
Пронзительно
 милых любить,
Скульптурный их образ
 лепить
В душе и в глазах —
 у себя и у мира.
...Когда еще будет
 свой дом иль квартира,
А как мы умели любить!
О утро
 и жизни и дня,
Когда ты —
 и солнцу родня!
И не было женщин —
 а были богини!
Мы годы прожили —
 не стали другими,
Не станем —
 до крайнего дня.
Вздымала нас жизни волна,
И жили мы сразу
 сполна,

ГОЛЬДБЕРГ
АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1909 году в городе Днепропетровске в семье музыканта.

С 16 лет начал трудовой путь. Работал лифтером, буфетчиком, сотрудником Московского обкома профсоюза работников кооперации и госторговли, литсотрудником газет «Рабочая Москва» и «Вечерняя Москва».

В годы Великой Отечественной войны работал в газете Челябинского тракторного завода.

Первый сборник стихов «Во имя отчества» вышел в Челябинске в 1941 году.

Автор сборников «Мужество» (1944), «Звезда шахтера» (1951), «В той степи глухой» (1958), «Любовь остается» (1962), «Там, на вершине» (1973) и других.

В СТЕПИ ЗА САЛАВАТОМ

Хлеба, хлеба
В степи за Салаватом,
А старики о давнем говорят,
Рассказывают чинно,
Что когда-то
Здесь отдыхал с дружиной Салават,
Что здесь встречал башкирочку в сережках
С тугой косой до красных сапожков.
Что здесь бродил с ней
Стежкою-дорожкой
И осыпал росой своих стихов.
Что здесь хотел
В любви признаться милой,
Но (как о том преданье говорит)
В тот самый миг
Дозор ударил в било,
И закрубился прах из-под копыт...
...Утихла степь,
Запахло горькой мятой.
Осел туман.
Костер в степи погас...
Хлеба, хлеба,
Хлеба за Салаватом.
В хлебах роса вечерняя зажглась.
За парой пара
Тянется по стежке,
Стекает месяц с полутемных скал.
И кто-то шепчет девушке в сережках
Все то, что Салават не досказал.

1968

А ПОМНИШЬ?

А помнишь?
Степь какой была
От Варны до Чесмы?
Как медные колокола,
Горбатились холмы.
А ныне
Вот она:
Гладка
Во весь свой разворот.
И рожь густая высока —
До сердца достает.

1950

А ЗАРЯ-ТО ЗДЕСЬ КАКАЯ!

А заря-то здесь какая!
Малахит —
Волна морская,
С клюквой-ягодой вразброс,
С серебром из-под колес,
С лебединым опереньем
Круглобоких облаков,
С удивительным свеченьем
Шумной радуги цветов.
А вода-то здесь какая!
Вся в иголочках,
Сквозная,
До того она добра,
Как напьешься —
С плеч гора.

А какие здесь прямые
Корабельные леса,
А какие озорные
Здесь у девушек глаза!..
Как в степи сойдутся рано —
Там и тут стожок растет...
На цветастых сарафанах
Собирают пчелы мед.

1968

НА ЗАРЕ, ПОД ЗАРЕЙ...

На заре,
под зарей
изначальнойю
шьют кузнечики
платья венчальные.
Ближе к полдню —
штанишки детишкам.
А под вечер —
старушкам халат.
К ночи капельки пьют
от одышки
и устало качают внучат.
.
Все печали мои
и потери,
как мне мудрые люди твердят,
оттого, что давно я
не верю,
что кузнечики
просто трещат.

1968

ТРУТНЕВА
ЕВГЕНИЯ ФЕДОРОВНА

1884—1959

Родилась в Перми. Окончила женскую гимназию. Работала конторщицей, учительницей, библиотекарем.

Печататься начала с 1936 года. Стихи публиковались в журнале «Мурзилка» и других центральных детских журналах.

Первая книжка «Подарок» вышла в Свердловске в 1940 году, когда автору было уже за пятьдесят лет. Затем появились сборники «Стихи для детей» (1943), «Снежный город» (1943), «Тропинка» (1944), «Избранное» (1950), «Родные голоса» (1962) и другие. Всего Е. Трутневой принадлежит около 50 книг.

Член КПСС с 1940 года.

ДЕД МОРОЗ

Дед Мороз шагнул в ограду,
Потоптался у дверей;
С рукавов, пройдясь по саду,
Отряхнул он снегирей.

Под березкой под высокой
В частых крестиках снежок.
За насмешницей сорокой
С лаем прыгает Дружок.

А она повыше вскочит,
Сбросит с веток снежный ком
И хохочет, и хохочет,
И хохочет над Дружком!

Санки-кованки — как птицы,
На горе не виден след,
Дед Морозко щиплет лица.
Разыгрался старый дед!

Покажи себя, Морозко!
Где ты, с длинной бородой,
Весь в ледышках, в ярких блестях,
В белой шапке со звездой?

Только нам не удастся
Встретить деда у берез:
Он залез на дно колодца,
Белый пар оттуда вьется,—
Это дышит Дед Мороз.

1943

СКРИПКА

В родных нетронутых лесах
Стояла ель, как на часах;
Была всех выше, всех стройней,
Буря любил поспорить с ней.
Под ней с волками бился лось,
Собой лосенка заслоняя;
Зимой мороз, зверьков пугая,
Трещал, знобил ее насквозь.
Весной глухарь на зорьке пел,
Кострами полыхали зори...
Шло лето в праздничном уборе,
Гуляли грозы, гром гремел...
И крепла ель, и ствол темнел...

На юге, с морем по соседству,
Среди душистых диких роз
Кудрявый клен беспечно рос,
Веселый и шумливый с детства.
Любитель песни соловьиной,
Он листья распускал весной.
Веселый ливень в летний зной
Свергался на него лавиной.
Кленовый ствол за много лет
Насквозь был солнышком прогрет.
Он рос и креп в листве густой,
Сам, точно солнце, золотой!

Взял мастер елку, взял и клен;
Он в мастерство свое влюблен,
Он распилил их аккуратно,
Разрезал вдоль и поперек.
Полоски, золотые пятна
В разрезах бережно сберег.

Работал долго, терпеливо
И сделал скрипку всем на диво:
Нет в мире голоса нежней!
Как будто сердце бьется в ней...
Ей наши отдали леса
Свои живые голоса.

1950

УРАЛЬСКИЕ КАМНИ

Под землей в горах укрыт
Странный камень, малахит.
Он и медная руда
Подружились навсегда.
Им бы сделаться колонной
Золотой или зеленой,
Им стоять бы на вокзале
Или где-нибудь в саду!
Поскорей бы камень взяли,
Разыскали бы руду!
Изумрудам и топазам
Тоже хочется на свет!
Ночь глядит звериным глазом,
Бурелом запутал след...
Трудно, камни, вас найти,
Много стражи на пути,
Но рабочие с лопатой
Откопали клад богатый.
Камни в пленках и грязны —
Нам такие не нужны:
В мутной, темной глубине
Ничего не видно мне!

Мастер ловкими руками
Чистит, точит, режет камень,
В каждой грани, как свечу,
Зажигает по лучу.
Я беру топаз из груды,
Разбираю изумруды...
И в одном я вижу море,
А в другом пожар лесной.
Вижу розовые зори,
Голубую ночь весной.
В каждом камне, как в окне,
Светлый луч мигает мне.

1954

ИСТОМИН ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ

Ненецкий поэт, прозаик, критик, драматург, художник.

Родился 7 февраля 1917 года в селе Мужы Ямало-Ненецкого национального округа в семье рыбака. Окончил национальное педагогическое училище в Салехарде и Омский педагогический институт. Двенадцать лет преподавал ненецкий язык и рисование в школах Севера, работал в окружной газете «Красный Север», более пяти лет работал редактором Тюменского книжного издательства.

Печатается с 1936 года.

Пишет на языке коми, на ненецком и русском языках.

Первая книга И. Истомина «Наш Север» на ненецком языке издана в 1953 году. Книги И. Истомина выходили в Москве, Тюмени, Свердловске, Сыктывкаре. Среди них на русском языке — «Любимый Север» (Стихи, Тюмень, 1957), «Дети тундры» (Стихи. Тюмень, 1959), «Радость» (Рассказы. М., «Советская Россия», 1961), «Счастливая судьба» (Рассказы. Повесть. М., «Советский писатель», 1962) и другие. В 1974 году в издательстве «Современник» вышел роман «Живун».

Член КПСС с 1945 года.

В ДОРОГЕ

В снежном вихре мчат олени,
По холмистой туче мчат,
Не бегут мои олени,
А по воздуху летят.

Я люблю езду такую.
Только править успевай!
И поет душа, ликуя:
— Здравствуй, тундра, милый край!

От полярного сиянья
Посветлело, словно днем.
На большие расстоянья
Хорошо видать кругом.

Вот испуганно и сонно
Куропатки поднялись,
Со сверкающего склона
След песка уходит вниз.

Я люблю езду такую.
Только править поспевай!
И поет душа, ликуя:
— Здравствуй, тундра,
Милый край!

1955

КОМИ ГАЛ

Поэма

С коми Галом в жизни
Всякое бывало...
Борода, как пена,
Пышная у Гала.

Он валил когда-то
За рога оленя,
И еще есть сила —
Не дрожат колени!

Так за что же словом
Нищенским, позорным
Обижают деда,
Говорят: — Прокормим!

Говорят: — Весь век свой
Был ты на работе.
Это стаж немалый,
Отдыхай в почете!..

Дед полез за трубкой
И ответил: — Что же,
От души спасибо
Мудрой молодежи! —

И ушел с поклоном,
Бороду ероша.
— Ну и председатель,
Очень нехороший!..

Дед сопит над трубкой,
Зол и озабочен...

Дед не спит две ночи —
Две полярных ночи!

Две полярных ночи!
Два бесплодных года
Что-то руки сушит,
Сердце точит что-то.

Дед ни с кем ни слова,
Стала жизнь немою.
Говорит он только
С городом Москвою.

С завтрака пустеют
Чумы до обеда,
И тогда ведется
Странная беседа.

Старый громко спросит,
Глаз прищурит узкий,
И ему немедля
Шлют ответ по-русски.

Видит, что на сердце,
Знает, что на думе,
Собеседник деда —
Репродуктор в чуме.

А в стране, на юге,
Потемнели дали:
В годы те на юге
Недрузи напали!

Ах, тоска медвежья!
Дед ворчит и тужит:

— К войску им не годен,
В дело им не нужен!..

Ходит привиденьем,
Взмахивает палкой.
Борода обвисла —
Треплется мочалкой.

— Ну и председатель!
А земляк ведь — коми.
Вот возьму и лягу,
Притворюсь, что помер.

Он тогда поплачет:
«Умер Гал, досадно! —
Скажет: — Встань, работай!
Пошутил, и ладно!..»

Только я отвечу:
«Ты опять с уловкой?»
Не заманишь больше,
Хоть тащи веревкой!

Хоть впрягай упряжки
Со всего колхоза.
Хоть гони за Галом
Трактор на колесах!»

Вот и все. А в тундре —
Верьте иль не верьте, —
Что решат однажды,
С тем живут до смерти.

Дед решил. И, значит,
Ни совет соседа,
Ни пурга, ни голод
Не сломили б деда.

Ни пурга, ни голод,
Ни земли крушенье!..
Но однажды сам он
Отменил решение.

Вышло так: поднялся
Диск на горизонте.
Гал спросил сурово:
— Как дела на фронте?

И Москва немедля,
Как всегда бывало,
Доложила Галу,
Словно генералу:

— За вчерашний день, мол,
Наши самолеты...
А потом про танки,
А потом про дзоты,

Про живую силу,
Про потери вражьи,
И внезапно...
Дед мой
Задохнулся даже...

И внезапно
Слышит
Дед, ушам не веря:
Враг в Москву стремится,
Хоть несет потери.

— Как в Москву?
У Гала
Сердце раскололось.
— Как в Москву?

И Галу
Отвечает голос:

— Так. Но правда с нами —
Значит, с нами сила!
Помогают фронту
Труженики тыла.

...Видит председатель:
В снегу по колени,
Растеряв степенность,
Дед бежит к правленью.

Дед влетает бурей:
— Здравствуй, председатель!
Правду ли я слышал,
Враг тебе — приятель?

Правда ль, ты желаешь,
Чтоб стемнело в доме?
Чтоб купцы, как прежде,
Обирали коми?..

Председатель сдержан.
Он пожал плечами:
— Дона Галэ дедэ! *
Что такое с вами?!

Не берусь поведать,
Что тут дальше было!
Дед — сперва про доблесть
Тружеников тыла.

* Дорогой мой дедушка Гал!

А потом — про танки,
А потом — про дзоты...
— Ты держать не смеешь
Гала без работы!..

— Дона Галэ дедэ,
Сесть прошу поближе!
От души спасибо
Вам за то, что слышу...

...Видело то утро
Крупным красным глазом:
Шесть лихих упряжек
Выезжали разом.

Весь колхоз к озерам
Провожал их миром.
На передней дед мой
Ехал бригадиром.

Он расстался с палкой,
Он махал хореем*,
Он был снова молод,
Он кричал: — Скорее!

Я слышал, как молвил
Председатель нежно:
— Прожил ты немало,
Здравствуй бесконечно!

Гал, слезу глотая,
Прошептал: — Спасибо!

* Шест, которым погоняют оленей.

...К озеру упряжки
Ехали за рыбой...

Вот и все, читатель,
Лишь добавлю к слову:
Приезжай дивиться
Нашему улову.

Но, хотя давненько
Битвы миновали,
Избегай про отдых
Говорить при Гале.

Гал заводит тоню,
Как всегда, степенно...
Борода у Гала
Пышная, как пена.

1951

ГАЗ НАД РЕЧКОЙ ТАЭ

В снегах, средь морозной пустыни,
Как добрый земной великан,
Под светом Медведицы синим
Вдруг к небу рванулся фонтан.

И отсвет его, словно птица,
Крыло распростер на снегу.
И вьюжная тьма, как волчица,
Отпрянув, укрылась в логу.

Глядят изумленно олени:
То всполох ночной иль гроза?

А в скверике бронзовый Ленин
Прищурил с улыбкой глаза.

И чудится снежным просторам,
Что скоро над речкою Таз
По трубам, как соболь по норам,
Промчится к становищам газ.

И люди узнают повсюду —
От чумов до башен Кремля, —
Что дарит нам светлое чудо
Промерзшая наша земля.

1965

НАДЖМИ НАЗАР
(НАЗМУТДИНОВ
НАЗАР НАЗМУТДИНОВИЧ)

Башкирский поэт, родился 5 февраля 1918 года в деревне Миништы Дюртюлинского района Башкирской АССР в семье крестьянина-бедняка.

Окончил Башкирский государственный педагогический институт.

Участник Великой Отечественной войны.

Работал в редакциях газет, был редактором сатирического журнала «Хэнэк» (1955—1959), председателем Правления Союза писателей Башкирии (1962—1968).

Печататься начал в 1937 году. Первая книга «Капельки» вышла в 1950 году.

Автор многих книг стихов и пьес: «Весенняя песня», «Незванный гость», «Прощай, Хайруш», «Парень есть парень».

Русскому читателю творчество Н. Наджми известно по книгам «Лирика» (М., «Молодая гвардия», 1954), «Мои звезды» (Уфа, 1963), «Открывающий ворота» (М., Детгиз, 1963), «Осенние тропы» (М., «Советский писатель», 1969), «Березы» (Уфа, 1969).

Назар Наджми — лауреат премии имени Салавата Юлаева.

Член КПСС с 1944 года.

ЛЕНИНСКИЙ КОСТЕР

Шалаш в Разливе. Ночь. В огне
Трещит сосновая кора.
Давно Ильич на старом пне
Сидит, задумчив, у костра.

Я не был в битвах прежних дней —
На свете не было меня,
Но стала жизнь моя ясней,
Светлей от этого огня.

Костер зажжен рукой его,
Идет весенняя пора,
И все теплей,
И все светлей
Земле от этого костра!

1949

ДИТЯ

В соседнем доме закричал ребенок,
А в нашем доме — все во власти сна...
Проснулась мать — и замолчал ребенок,
И вновь установилась тишина.
Как много беспокойства днем и ночью!
Растить детей — задача непроста...
А в нашем доме тихо днем и ночью.
Но это тишина? Иль пустота?

О плач младенца! Неумный, звонкий,
Он чем-то близок музыке самой...
Дом, что не слышал голоса ребенка,
Как лес без птиц, угрюмый и немой.

1953.

* * *

К счастью будней
привыкаешь скоро,
не видать со стороны порой совсем
многих радостей моих,
больших как горы,
а беду размером с кочку
видно всем.

Гору с кочкой не сравнишь,—
тут нет и спору,
тут никто б и не заметил кочку ввек.
Спотыкается, однако,
не о гору,
а о маленькую кочку
человек.

1961

БЕРЕЗЫ

Загадочные, словно чудо,
Поднявшись на уступы скал,
Березы белые, откуда
Занесены вы на Урал?
Нет, вы не из чужих пределов
Под небо нашей стороны
Толпой кочевниц белотелых
Самой судьбой занесены.

Вот здесь, где белыми плечами
Играть привыкла Агидель,
Впрямь солнце вешними лучами
Качало вашу колыбель.

В одном краю я с вами вырос,
Пил ту же воду, что и вы.
И мил всегда узорный вырез
Мне вашей женственной листвы.

Я связан с вами долей кровной,
На вас задумчиво гляжу
И нашей общей родословной
Все ощутимей дорожу.

Душевна отчая природа,
И кажется мне, оттого,
Что с вами племени и рода
Я в этом мире одного.

Вот предо мною вы стоите
Над тихим берегом реки
И по-башкирски говорите,
Надев зеленые платки.

Березы, белые березы,
И вы живете по-людски.
Мне ваши вздохи, ваши слезы
И ваши радости близки.

Вы трепетны и белокожи
И так пленительно стройны,
Что вправду на невест похожи
Башкирской нашей стороны.

Сравнил бы с ними вас, но это
Не вправе сделать я, коль вы
В сквозных платках того же цвета
Стоите около Москвы.

На польских шепчетесь просторах,
Лесам и рошицам верны.
И в кольских голубых озерах,
Как в зеркалах, отражены.

Порой белы, порой белесы,
Над полем, шляхом иль рекой,
Великодушные березы,
Какой вы нации? Какой?

Да никакой.

Ведь вы — деревья
И радовать должны сердца
Тем, что чужды высокомерья
И не меняете лица.

1965

РАЗГОВОР С ДЕРЕВЬЯМИ

Слетающей листвою шелестя,
Птиц ищете в тоске невыразимой,
Мои деревья!.. С вами вместе я
Еще одну перезимую зиму.
Легко ли это — перезимовать?
Кому трудней — и не решишь в мгновенье...
У вас ли мне терпенья занимать?
Вам у меня ли занимать терпенья?
Зима всех ставит на свои места:
Мне — кутаться, вам — сбрасывать наряды.
Кого-то, может, красит нагота,
Вы ж без одежд — черны и неприглядны.
Вновь листья ваши сыплются звеня
И над землею, медленные, кружат...
Замерзну — вы согреете меня...
А мне как быть, когда вас
схватит стужа?

1969

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

Приеду к вам, но когда?..
Из письма

Когда позвать тебя — не знаю,
Чтоб погостил в моем краю,
Чтоб сторона моя родная
Запала в душу бы твою?
Не лучше ль выбраться весной,
Когда черемуха в цветенье?

Обрызган пеною лесной,
Ты соловья услышишь пенье —
Возможно ль на земле прожить
Без этих запахов и цвета?!
А может, лучше отложить
Приезд до зреющего лета?
Хоть нет романтики былой
В косьбе — очарованье длится:
Бушуют травы пред тобой,
И нет им края и границы.
А море луговых цветов?
Весь день ты по нему пробродишь...
А краски ягод? Нету слов!
А вкус? И впрямь язык проглотишь!..
И ненаписанным стихам
Раздолье здесь — текут, как реки!..
А может, ты приедешь к нам,
Когда в лесу пойдут орехи,
Когда, ползя в овражках вниз,
Нальется соком ежевика?..
В преддверье осени явись
И здесь подольше поживи-ка!
...Пылает желтизна листа,
Зажженного природой властно.
И умирает красота —
Она и в гибели прекрасна...
Но осенью не приезжай:
Грусть в эти дни в груди таится —
Не оттого ль, что в дальний край
Мою уносят радость птицы?
Зимой, зимой!.. Такой зимы
Нигде не видел ты!.. Под солнцем
С тобой промчимся вихрем мы
На тройке с медным колокольцем!
Под белым облаком, в снегу,
По свету белому, по белой

Дороге!.. Больше не могу
Писать... Как ты захочешь — делай!
Когда захочешь — сам реши:
Хоть осенью, в конце, в начале,—
Ведь кратковременны печали,
А твой приезд — весна души!..

1970

СОСЕД ПО ОГНЮ

Оттого ль, что когда-то, в былые года,
Высекали огонь из кресала,
В очаге у людей он не гас никогда,
В углях прятался искоркой малой.

Если все ж затухал (так бывало на дню)
И в золе не мерцало ни искры —
Каждый знал: у него есть сосед по огню,
Безотказный сосед, самый близкий...

О сосед по огню!.. В тот таинственный миг,
Когда пламя в душе угасало,
Шел я к людям — огонь доставал я у них,
Будто бы высекал из кресала.

Я желанье заветное в сердце храню:
Мне такого б огня хоть крупцу!..
Чтоб меня называли сосед по огню!
Чтобы людям — ко мне торопиться!

1971

ВАВИЛИН МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ

Родился 22 января 1921 года в деревне Кукушка Кочевского района Коми-Пермяцкого национального округа. После окончания Кудымкарского педагогического училища в 1939 году работал преподавателем русского и коми-пермяцкого языков.

В 1941 году призван в Советскую Армию, окончил Киевское военно-медицинское училище, служил фельдшером на Западном и 2-м Белорусском фронтах. После демобилизации в 1946 году работал в окружной газете «По ленинскому пути», учился в Свердловской межобластной партийной школе. В 1955 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького, работал редактором издательства, ответственным редактором окружного радиовещания. Сейчас вновь работает в издательстве.

Первые стихи опубликовал в 1937 году. Первая книга стихов вышла в 1948-м. Всего издано девять сборников, из них два на русском «Песни сигудэка» (М., «Молодая гвардия», 1959) и «Сосновый воздух» (Пермь, 1967).

Печатался в журналах «Дружба народов», «Юность», «Урал».

Член КПСС с 1945 года.

Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

О ЗВЕЗДАХ

Я знал про людскую беду —
Примету пермяцкого края.
Коль небо роняет звезду,
То где-нибудь друг умирает.

Во тьму августовских ночей
Как падали звездочки эти!
Но все-таки верных друзей
Все больше у нас на планете.

Старинным приметам таким
Мы верить теперь не желаем,
Счастливые звезды творим
И их в небеса посылаем.

1960

СОСЕД

Любит с первым птичьим свистом
Просыпаться мой сосед.
Не в избе, а в поле чистом
Он привык встречать рассвет.
Старику покой неведом.
Вот он вышел на простор:
За спиной — мешок с обедом,
А за поясом — топор.
Он идет, расправив плечи,
Словно годы нипочем.

Он расскажет вам при встрече
О житье-бытье своем:
Как землю у оврагов
И лесов отвоевал;
Как пришла к нему когда-то
Слава первого косца;
Как себе поставил хату,
Отделившись от отца;
Сколько лет он жил с женою,
И какие — посмотри —
Рядом с ним стоят стеною
Сыновья-богатыри...
Пусть он дома вот как занят —
Он для гостя всякий раз
Сам буденовку достанет,
О боях начнет рассказ...
Если спросите вы к слову,
Где берет он силы снова
Невзирая на года,
Он ответит вам тогда:
— Это воздух наш сосновый,
Родниковая вода!

1956

ОТЕЦ

...И поселилась тишина
В избе над камской кручей.
Мать что-то вяжет у окна.
А сын уроки учит.

И так уже который год,
И нет чудес на свете:
Не скрипнет дверь. И не войдет
Тот, долгожданный, третий...

Вернуться с фронта обещал,
Писал жене любезной:
«Я столько в кузне проторчал —
Сам вроде стал железный!»

Досель о хватке кузнеца
В округе ходят сказы.
А мальчик своего отца
И не видал ни разу.

Пусть даже был бы очень строг,
Не баловал бы лишку,
А лишь сказал бы: «Как урок?»,
Потом: «Расти, сынишка!».

Но есть и счастье у мальчика.
Вздыхает мать украдкой:
— Ишь, вымахал! Ну весь в отца —
И статью, и повадкой...

А он с ватагою ребят
Бежит из школы к Каме
И слышит:
Молоты стучат.
И в кузне дышит пламя!

1955

РАННИЙ СНЕГ

Из-за тучи месяц светит,
Все село спокойно спит.
Кто же там качает ветви,
Кто калиткою скрипит?
Я к утру в окошко глянул.
Тишина. Встает заря.
Снег пушистый выпал за ночь
В середине сентября!
Снег на тополях безмолвных,
И земля — белым-бела...
К солнцу голову подсолнух
Повернул и ждет тепла.

1952

* * *

Еще роса на лепестках сирени.
Еще и солнце греет не сполна.
Я распахнул окно в простор деревни —
Взглянуть, как просыпается она.

А тихий день в труде уже начался —
Моей земли обычный новый день.
Не знаю, отчего в слезах сирень,
Но только знаю: плачут и от счастья.

1948

ФЕЙЕРАБЕНД ЕВГЕНИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

Родился 19 октября 1926 года в селе Шатрово Курганской области в семье топографа.

С 1934 года живет в Свердловске.

Тяжелая болезнь с детства приковала Е. Фейерабенда к постели, но он окончил среднюю школу и поступил учиться на филологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Первое стихотворение опубликовал в ленинградском журнале «Костер» в 1938 году, первая книга стихов «Источник вдохновения» вышла в Свердловске в 1954 году.

С тех пор в издательствах Москвы, Свердловска, Перми, Тюмени выпустил более двадцати книг стихов для взрослых и детей. Среди них «Трудная судьба» (Свердловск, 1956), «Зов непройденных дорог» (М., «Советский писатель», 1957), «Чистые ключи» (Свердловск, 1959), «Веселые горошины» (М., «Детская литература», 1964), «Луч» (М., «Молодая гвардия», 1968), «Зеница ока» (Свердловск, 1974) и другие.

Стихи Е. Фейерабенда печатались также в журналах «Пионер», «Костер», «Мурзилка», «Урал», «Уральский следопыт».

Не пахал я,
Не косил я травы,
Не ковал железо, весь в поту.
Нет и нет!
Так по какому праву
Мне смотреть на эту красоту?

Мой товарищ,
Ты меня не знаешь,
Не шагали мы плечом к плечу.
Но смотреть на жизнь из хаты с краю,
Быть чужим и лишним
Не хочу!

Может, и поднимет запевала,
Голосом волнующе звеня,
Песнь мою,
Что в день счастливый
Встала
В общую колонну за меня!

1949

СОЛОВЕЙ

Так и сыплет, сыплет с берега
Серебром в лесную тишь.
Сам он маленький и серенький —
В кустах не разглядишь.

Только песня
Во все стороны —
Как звон от родника!

У певца —
Ни фрака черного,
Ни шпор,
Ни хохолка.

Ни хвоста серпом,
Ни мантии,
Что огнем струится с плеч...
Все так просто —
Чтоб внимания
От песни не отвлечь!

1964

КАМЕННЫЙ ПОЯС

На запад отсюда — равнина,
К востоку — другая: Сибирь.
Меж ними отроги раскинул
Гранитный Урал-богатырь.

И первым,
кто с волжских ли плесов,
С Поморья ли шел на восход,
Все время громады утесов
Казались подобьем ворот.

Точеная глыба сорвется
И долго грохочет потом.
Торопятся землепроходцы:
А что там за этим хребтом?

И вдруг постигали в волнении,
Что гордый Урал неспроста
Под тучи вознес, как ступени,
Крутые уступы хребта.

Вознес, чтобы с верхнего камня
Взглянуть им, как смотрит орел,
В просторы лесного Прикамья
И в степь, где играет Тобол.

Взглянуть и связать воедино
И в мыслях, и в сердце своем
И ту, и другую равнину,
Как поясом, этим хребтом.

1954

ПРИМЕТА

Сосне этой, может быть, триста,
А может, четыреста лет.
И всех ее сверстниц смолистых
Давно на земле уже нет.

Ее пощадил пожары,
Леса выжигая вокруг.
Но грустно ей было, пожалуй,
Одной выживать, без подруг.

Одна среди тысяч живая,
Над пеплом, над свежей золой
Стояла она, обливаясь
Горючей, как слезы, смолой.

Какая-то старая затесь —
Темнеет узор на коре.
Быть может, прошел рудознатец,
Наверно, еще при Петре.

Теперь по старинной заметке
В тайге ничего не найдешь:
Сосну окружили соседки
Не те, что в былом, — молодежь.

Взбегают на склоны крутые
До самого гребня хребта.
Чего им — они молодые,
Ведь каждой не более ста.

Но затесь старинная эта —
Был ствол глубоко иссечен —
Мне кажется доброй приметой
И зримою связью времен.

Здесь предок свой путь обозначил,
Где сам я сегодня в пути.
И мне он желает удачи,
Уменья искать и найти.

Чтоб принял я утром росистым
Далекого предка привет,
Сосна простояла здесь триста,
А может, четыреста лет.

* * *

Мотыльковые летние дни,
Буйство запахов свежего сена...
Отдохни от пыланья мартена,
В перелесках косою позвени!

В копны травы подвявшие сгреб
На поляне лесной, у опушки.
И наткнулся на старый окоп...
Дальний гром прогремел, будто пушки.

Ветер волосы сбросил на лоб,
Брызнул дождиком, будто слезами.
Ты, в бывшее отброшенный, замер.
По спине — ледящий озноб,
Поле боя дымит пред глазами...

Леса не было,
Не было трав,
И дрозды на ветвях не свистели.
Ты единственным —
Поиском цели
Одержим, к пулемету припав.

Обжигающий зной у лица,
Тяжкий гул накалившейся стали.
А пригоршни чужого свинца
По суглинку все ближе хлестали.

Сколько жить оставалось тебе
На звенящем кремнистом горбе.
Тосковать перед вечной разлукой
По родным, по отцовской избе?

Сколько срока солдатской судьбе,
Твоему пулеметному стуку?..

Но внезапно комбат на КП
Кверху выбросил правую руку.
Поднимая гвардейцев в штыки...

Ты стоишь, к тишине привыкая.
И опять понеслись мотыльки,
Над густым разнотравьем мелькая.

1954

* * *

Весь день копилась туча грозовая,
Росла за лесом сизою стеной.
Колосья трепетали, призывая
На нашу ниву
Праздник проливной.

Весь день за лесом глухо рокотало
И приближался гром по временам.
Но все чего-то туче не хватало,
Чтоб через холм перевалиться
К нам.

Пролился дождь на дальние поляны
И вот уходит вдоль заречных сел.
Как будто в гости кто-то долгожданный
Прийти пообещал —
И не пришел.

1972

ЧЕРЕМУХА

Ежегодно у этих ворот
Расцветает черемуха белая.
И, когда по весне расцветет,
Сразу праздничной улицу сделает.
Вся в соцветьях стоит кружевных,
В нежных сумерках майского вечера.
Вон собрался к невесте жених.
А в руках — белокрылая веточка.
А другой наломает букет.
Но, хоть много букетов подарено,
Краше этой черемухи нет,
Глянесь издали — белое зарево.
Было б легче в саду, за стеной,
Над глухим лопухом и крапивою,
Но цвести для себя лишь одной
Не захочет такая красивая.
Ведь, наверно, приятнее знать,
Что, дыханьем твоим опьяненные,
До рассвета любимым опять
Дарят белые ветви влюбленные.

1950

ЧИСТЫЕ КЛЮЧИ

Чистый звон — хрустальный голосок —
Музыкой несется по оврагу:
С крутояра падает в поток
Звонкая смеющаяся влага.
Девушка певучую струю
Ловит в загремевшее ведроце,

Лес склонился, кланяясь ручью,
И лучи в ручей кидает солнце...
Шла вода сквозь темень наугад,
День за днем точила твердый камень,
Одолела тысячу преград
И на свет пробилась родниками.
Позади — гранитные пласты,
Позади — завалы меловые.
От больших трудов своих чисты
Радостные воды ключевые.

1957

ШКАВРО ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1920 году в городе Петропавловске (Казахстан) в рабочей семье.

Учился в Свердловском институте журналистики, но ушел в армию.

Вернувшись в Свердловск после войны, поступил в Уральский государственный университет, затем перевелся в Литературный институт имени А. М. Горького, который окончил в 1951 году. Работал в ТАСС, в газетах Дальнего Востока, заведует отделом поэзии журнала «Урал».

В 1957 году вышла первая книга стихов Л. Шкавро «Хорошая примета».

Автор многих сборников стихов, изданных в Москве, Свердловске, Уфе, среди них «Прилетайте, аисты» (1970), «Медвяный полдень» (1970), «Зеленоглавая держава» (1973), «Земля любви моей» (1975).

Член КПСС с 1945 года.

Награжден несколькими медалями.

* * *

Отошли бои...
И на пригорке,
где мой брат в сражении уснул,
в праздничной
зеленой гимнастёрке
тополь встал
в почетный караул.

1943

СТЕПНЫЕ ОЗЕРА

К. Г. Мурзиди

До чего обманчивы озера!
К ним давно
в степи затерян след.
Нам — воды!
Но узнаем мы скоро,
что воды в них
не было и нет.
Может, и бывали ближе к марту
синевато-влажные следы...
И зачем их
нанесли на карту —
белые озера
без воды?!

1944

ОДА ГОРЕ ВЫСОКОЙ

И. Г. Ваулину

Скажите, друзья,
вы когда-нибудь были
в промышленном городе
Нижнем Тагиле?
Как хочется мне,
чтобы вы побывали:
в нем издавна варят
крепчайшие стали
мои земляки,
говорят о которых:
— Вот эти и вправду
ворочают горы!
Стояла Высокая —
нету Высокой
горы у Тагила...
Слыхали про то, как
ее металлурги
в печах растопили?!
И скажете вы,
что про гору забыли!..
Мой город прославленный,
город металла
грузил на платформы ее.
И с Урала
в ночи уносились
на запад составы...
Ложилась она
под огнем переправы
на Одере мутном
гремящим понтоном,
и в бой уходили
по ней батальоны.

А где-то в тревожной
тиши полустанка
она выростала
стремительным танком,
готовая драться

с любимыми врагами,
оружием ставшая,—
вот ее память!

...А позже, вернувшись из тяжелого боя,
я шел по земле, напоенной покоем,
от Бреста до самого
Владивостока
и встретился снова

с горою Высокой:

Высокая стала
значительно выше —
я гору родную и вижу и слышу;
она неизбывной горячей работой
гудит безотказно

в винтах самолетов;
летит и грохочет
и ценные грузы
везет

по железным
дорогам Союза;
с солдатом стоит
у России на страже,
в комбайне живет,
в миноносце,
и даже
сияет

священную славою Урала
в гербовой пуговице
генерала.

1947

* * *

Я на войне
 под гул раскатов,
еще безусым,
молодым,
пройдя
 нелегкий путь солдата,
стал преждевременно
седым.
Кого винить мне в том,
Россия,
когда пылаешь ты в огне...
И разве мог
 по долгу сына
я оставаться в стороне
от слез твоих,
 тревог, рассветов,
в себя впитавших
кровь и дым,
а после
прикрываться где-то
высоким
 именем твоим!
И горд я тем, что там,
где было
с избытком горя и смертей,
Россия,
 ты не усомнилась
в сыновней
 верности моей.

1959

* * *

Заря теснит недюжий сон
и стряхивает, как истому,
с заполненных прохладой крон
ультрамариновую дрему.

Иду настой кедровый пить
в зеленоглавую легенду,
и солнцем сотканную нить
я рву, как финишную ленту.

И сразу ощущаю я,
как в буйных зарослях кипрея
кирза походная моя,
водой насытись, тяжелеет.

И, осветясь началом дня,
тайги косматые владенья
уже нацелили в меня
хвощей стреноженные тени.

Скрипит певучая сосна...
И, позабыв ночные были,
в плену нахлынувшего сна
глаза закатывает филин.

А я на все как друг гляжу
и, стороня хмельные травы,
в тайгу знакомую вхожу,
как в незнакомую державу.

1960

ПЛОТОГОНЫЧ

С вересковой зеленой
хворостинкою во рту
восседает Плотогоныч
и державит на плоту.
И плывут

 легко и ровно,
обходя бурун-валы,
окантованные бревна
за далекий

 Усть-Балык.

Да ему в ряду бывалых
разве равного
найдешь,
если он

 на адмирала
чем-то

 чуточку похож.

Он порою на порогах —
только б флот свой
убережь —
как закатит

 в адрес бога
удивительную речь!..

А потом

 шутя заметит:
— Вот, брат, видишь,

 и помог...

Стало быть,
еще на свете
иногда
сгодится бог...

И с любовью плотогона,
где строители живут,

не по паспорту —
Платоныч,—
Плотогонычем
звуют.

По реке
с тесовым лесом
в две версты
сосновый плот
под его началом
к месту
назначения
 плывет,
где от нового
причала
отступила тишина...
Города берут
начало
с корабельного бревна.

1962

БЛАГОДАРНОСТЬ

Морозным схвачена туманом —
как чья-то
 долгая судьба,—
на диком выступе
урмана
стоит кондовая изба.
Мужик —
 не как-нибудь,
с любовью,—
пыхтя над будущим жильем,

из кедрачовых
дюжих бревен
срубил

и высветил ее.

На взгорок Солнечных урочищ
всю вынес
на своем горбу
и поселил

сермяжный зодчий

тепло

в просторную избу.

Мы в ней сидим себе
и слышим,
как, сатанея,

сверху вниз

дыбастый ветер бьет по крыше,
ломая крылья о карниз.

Порой такой он вспенит злобой
избы точеные венцы,
что с них срываются,
в сугробы

ныряют льдинки-трескунцы.

Гудит буран вертучей
тучей

и отзывается в трубе,
но сон спокойный и дремучий
плывет и царствует в избе.

Февраль метелями клубится,
стучит в окно —

вставать пора,

а нам

в тепле блаженном
снится
мужицкий голос топора.

1967

БЛАГОСТЬ

Гилемдару Рамазанову

Земля рассветом вспыхнувших рябин
меня хранит, как мать родного сына,
что до скончанья будет ей любим,
а потому что им она любима.

Ко мне на травянистый бугорок,
расталкивая зайчиковы блики,
подруливает юркий ветерок
настоем разомлевшей земляники.

Облюбовав березовый уют,
любовью зачаровывая сердце,
мне соловьи весь день не устают
высвистывать мудреные коленца.

И так душе становится легко,
что будто бы я заново рождаюсь.
Но от земли российской далеко
я мысленно и то не отрываюсь.

А припадаю к ней у тростника,
кудрями утопающего в сини,
и пью живую воду родника
из травяного ковшика России.

1968

КРАСНЫЙ ФЛАГ

Грозу,
 что приходит не с неба...
Да просто
 в походной судьбе
себя без воды
и без хлеба
могу я
 представить себе;
солдата,
 не знавшего тягот;
без песен
 глухую тайгу...
Россию ж
 без красного флага
представить
никак не могу.

1953

САБИТОВ ГАЙ САБИТОВИЧ

Удмуртский поэт. Родился в 1915 году в деревне Новый Канисар Кукморского района Татарской АССР.

В 1933 году окончил Казанский финансово-экономический техникум, шесть лет работал экономистом Удмуртской республиканской конторы Госбанка.

После окончания Удмуртского педагогического института в 1943 году работал диктором республиканского радио.

В 1953 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работает старшим редактором литературно-драматических передач Удмуртского комитета по телевидению и радиовещанию.

Начал печататься в конце 30-х годов.

В 1950 году вышла первая его книга — перевод поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на удмуртский язык.

Известен как переводчик Г. Тукая, М. Джалиля, русских поэтов.

На родном языке вышли сборники стихов «Стихи и песни» (1953), «Мои песни тебе» (1962), «Гармонь поет» (1971), «Люблю» (1975).

На русском языке опубликован сборник «Радость» (1973).

В 1975 году Г. Сабитову присуждена Государственная премия Удмуртской АССР.

Г. Сабитов член КПСС с 1944 года.

В ЛУГАХ

За легкой дымкой, в отдаленье,
Стоит стеною синий лес.
А здесь трава мне по колени
И надо мной простор небес.

Красивей места я не знаю
И в синий лес не забреду.
Иду по сказочному краю —
Цветами, травами иду.

Из лесу вышедшие ели
Мне говорят: «Присядь в тени».
Трава манит в свои постели,
Ручей звенит: «К воде прильни».

А под ногами — италмасы*,
Они желтеют здесь и там.
Роса рассыпала алмазы
По всем травинкам и цветам.

Сюда приходит утром солнце,
Лучами озаряя луг.
И все, чего оно коснется,
Растет и расцветает вдруг.

День разгорелся, разалелся —
Идет просторами весна.

* Цветы.

А ночью из-за кромки леса
Встает волшебница луна.

За легкой дымкой, в отдаленье,
Стоит стеною синий лес.
А здесь трава мне по колени
И надо мной простор небес.

1970

ДЖАМИ

Прошли,
Умчались годы, как река,
И многое
Потеряно, забыто.
Но вдруг
Из детских лет, издалека,
Ударили
Задорные копыта.

В бескрайнем поле —
Дробный топот ног,
Ночной костер
И ребятя босая.
Летит ко мне
Кобылка-стригунок,
С протяжным ржаньем,
Землю сотрясая.

Ровнее птицы,
Скакуна резвей
Проносится —

И следом ветер свищет.
Куда бежит?
Кто гонится за ней?
Кого она
Под звездным небом ищет?

О милая!
Да это ты, Джамии!
Меня, меня ты ищешь,
Может статься?
Надежда
И любимица семьи,
В тяжелый год
Пришлось с тобой расстаться,

А ты все та же:
В яблоках бока
Голубовато-серого отлива,
И высока,
И на бегу легка,
И, как ребенок,
Ласкова,
Игрива.

Ты в табуне
Была тиха, смирна.
Зато на скачках —
Все совсем иное,
И мы с тобой
В былые времена
Скакали впереди других
В ночное.

Ну подойди —
Тебе я хлеба дам.

Домой вернемся,
Как всегда,
С рассветом.
Давай промчимся
По родным полям,
Давай поспорим
С быстрокрылым ветром!

1972

СОХА

Как вещь, что потеряли и забыли,
Нашел я это слово в словаре —
И вдруг возник из давней-давней были
Мой дед, чинивший соху на дворе.

Он в холодке возился под навесом
И с хитрецей смотрел из-под бровей,
А я следил за дедом с интересом,
То заходил левее, то правей.

«Вот скоро в поле.— В жилистые руки
Он рукояти ласково берет.—
Сохой пахали деды, пашут внуки,
Плоха соха, а кормит весь народ.

Хлеб — голова всему, так говорится:
Не проживешь без хлеба, без земли.
Пускай бедна крестьянская земляца,
Да мы к ней пуповиной приросли.

У нас и имена-то трудовые:
Я — Сабанай*, отец твой — Сабанчи.
Мы, брат, с тобой крестьяне родовые,
Недаром нам прозвание сохачи.

Настанет время — тоже выйдешь в поле,
Работы хватит на твоём веку».
Рассказывал мне дед о трудной доле,
Что с давних пор досталась мужику.

Он говорил раздумчиво, толково:
Мол, все мы, люди, от земли пошли.
Дед за сохой похож был на Толстого
И сам был продолжением земли.

Что ж, и земля его не позабыла
И осенью, лишь кончились дела,
Как сына, что взрастила и взлюбила,
Его в свои объятья приняла.

А дедова соха?

Она забыта.

И землю, где нашел он свой приют,
Теперь не топчут конские копыта —
В полях моторы тракторов поют.

Я знаю: так порадовало б деда
Весеннее дыхание полей!..
А мне тот день, та давняя беседа
Чем дальше, тем дороже и милей.

1973

* Сабан — соха.

РАМАЗАНОВ
ГИЛЕМДАР ЗАГАНДАРОВИЧ

Башкирский поэт.

Родился в 1923 году в деревне Старобалаково Чекамгушевского района Башкирской АССР в бедной крестьянской семье.

Окончил Башкирский государственный педагогический институт.

Участник Великой Отечественной войны.

Работал преподавателем в институте, редактором республиканской газеты, учился в аспирантуре. В 1953 году защитил кандидатскую, а в 1966-м — докторскую диссертацию. С 1958 года работает старшим научным сотрудником в секторе литературы Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

Печататься начал в 1939 году. Первая книга стихов «Наше поколение» вышла в 1947 году, двадцатая книга стихов «Полвека» вышла в издательстве «Советская Россия» в 1974 году.

На русском языке в Москве и Уфе изданы книги «Земля родная» (1954), «Огни за Белою-рекою» (1959), «Зори молодости» (1959), «Стихи» (1963), «Разговор гор» (1967), «Свидание с отцом» (1968), «Сказание о знамени» (1971), «Беспокойство» (1973), «Полвека» (1974), «В стране Салавата» (1975).

Депутат Верховного Совета СССР шестого созыва. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалями.

Член КПСС с 1943 года.

* * *

«Ну чем, скажите, кичится он?» —
в углях враги шелестят.
«Народ его мал — всего миллион.
А сам он — метр шестьдесят...»

Но я по другому закону жил!
Под ношей зубами скрипя,
я с детства учился,
работал, дружил
с ребятами старше себя.

И мне не сказали: «Мал ты еще!..»
в тот злой для Родины день,
когда на худое мое плечо
лег автоматный ремень.

Ничем не обижен родной народ.
Малый?! Ну что за бред!
Он шагом гигантов идет вперед
под радугой наших лет.

Конечно, нас в центре Уральских гор
всего миллион, признаю.
Но малый народ мой
характером горд,
велик в труде и в бою.

И пусть враги шипят иногда,
справочники вороша...
Рост невысокий — отнюдь не беда,
когда высока душа!

1965

КОМАНДАРМ

*Маршалу
бронетанковых войск
М. Е. Катухову*

Нет ни минуты среди забот,
ни дня без дел, налегке.
А память к Рузе опять ведет,
к дымной Москве-реке...

К Волоколамску пылит блицкриг
в лязге чужих каблуков.
«Кто в обороне?» —
«Какой-то комбриг
полковник Катухов...»

Стоит бригада: «Вперед когда?!»
Стоит поперек дорог.
Стоит бригада — Караганда,
Сибирь и Дальний Восток.

Гудериана горит броня,
со стоном падает ель —
война качает в реве огня
гвардии колыбель.

Ненависть в горле стоит комком,
враг спереди и с боков...
Но нас на запад повел комкор
генерал Катухов.

Было: вода в болотах по грудь,
битвы в зной и пургу.
И не дали мы врагу разогнуть
Курскую дугу.

Две недели котел кипел,
грохот — до облаков.
Под Березовкой на КП
не спит со мной Катуков.

Чудища Круппа чадят, бегут,
теперь Урал — господин!..
Недаром в гвардейских списках зовут
нас «Армия № 1».

Недаром, овеяны славой былин,
мы шли на любой плацдарм!..
Вы помните черный, павший Берлин,
товарищ командарм?

Солдат и маршал — мы на посту,
чтоб вновь не ревел огонь.
Брони привычную теплоту
доныне хранит ладонь.

1966

ВОСПОМИНАНИЕ

О, вечера зимой в ауле!..
Над печкой нимбом пляшет свет.
В избе огонь еще не вздули.
И мне всего пятнадцать лет.

Шурпы вечерней запах кроткий
вздымает крышку на котле.
Лепешка ждет на сковородке,
картошка прячется в золе.

А я у печки — явь, мечта ли
мне в зыбком чудится огне?
О чудесах, о дальних далях
покойно думается мне.

Огонь то стелется, как змейки,
то развернется в дерзкий флаг...
Я знаю: в доме у Зулейхи
сегодня будет аулак*.

К ней молодежь спешит без тропок,
пугает песнями мороз.
А я... еще я слишком робок
и очень молод — не дорос.
Я часто вечер тот морозный
вдруг вспоминаю между дел,
и грустновато что-то... Просто
давно у печки не сидел.

Теперь не любят полумрака,
в селе другой теперь уют.
И нету больше аулака,
и песни новые поют.

И хорошо. Весь мир нам близок,
аул по-русски говорит.
А что до далей — в телевизор
на них он запросто глядит.

А все же хочется немножко
того, чего не знал в свой срок,—

* Аулак — дом, хозяева которого уехали
в гости, оставив лишь детей. В таких до-
мах собирались молодежные вечеринки.

рвануть бы в улице гармошку,
расшевелить ее разок!

Припевку кинуть молодецки,
чтоб у кого-то щеки в жар!
И хохотать потом по-детски...
Да не к лицу уж, видно: стар.

1967

КРАЙ ОРЛИНЫЙ

Я смотрелся в твое поднебесье,
И ума набираясь, и сил.
Край орлиный!
Ты все мои песни
Чистотой и мечтой окрылил.

Мир пьянил тебя многообразием,
Крылья звали тебя на простор:
И одно ты раскинул над Азией,
Над Европой — другое простер.

Распахнув необъятные шири,
Был вторым ты Баку по судьбе.
А сейчас на равнинах Сибири
Откликается третье тебе.

Вдаль стада твои шествуют важно.
Хлеб — в амбарах,
А вон в забытии
Машут, словно бы крылья лебяжьи,
Нефтяные качалки твои.

Привкус меда в воде твоей синей.
И недаром поверхность озер,
Точно светлые очи России,
Отражает манящий простор.

Восхищаюсь я щедрым богатством,
Ароматом цветов луговых
И заветным сокровищем —
Братством
Равноправных народов твоих!

1967

ВЕТЕР ИЗ БАШКИРИИ

Якову Ухсаю

Знать, из Башкирии недаром
Теплом повеяло опять.
Так что ж мне нынче
В Чебоксары
С попутным ветром передать?

Ты, ветер,
Братьев обнимая,
Салям им братский передай.
Скажи: цветет земля Ухсяя,
Спокоен Иванова край.

Снеси дыханье луга, поля,
Друзья,
Я думаю,
Простят,
Коль запах нефти
Малой долей

Войдет в цветочный аромат.
Здесь «черным золотом» богаты
Былинные следы Нарспи.
К дороге дружбы
Здесь когда-то
Тропа торилась по степи.

Домчи же, ветер, спозаранку
Гуденье ульев,
Шум овса,
Курая звуки и тальянки
Серебряные голоса.

Откуда ты несешься, ветер,
Чуваш сумеет разгадать.
Твою он песню
На рассвете
Запишет в чистую тетрадь.

Ты из Башкирии недаром
Сегодня начал свой полет.
...Привет сердечный
В Чебоксары
Попутный ветер донесет!

1967

СЧАСТЬЕ

Порой, в сомненье нечастом
все прошлое растеребя:
— Счастливым я был? Несчастливым?..—
я спрашиваю себя.

Вот взял я букварь с волнением,
вступаю под школы сень.
На стенке — дедушка Ленин.
Настал мой счастливый день.

Лишь взгляд на газету кинув,
под черной вижу каймой:
«Врагами... товарищ Киров...»
Горюю со всей страной.

И лампа в окне не меркла,
пишу стихи у огня.
Пять строк взяла «Пионерка» —
и кто счастливей меня?

— Мал! — в вузе сказали строго,
и я вдоль всех деревень
в слезах бреду по дороге...
Какой несчастливый день!

А вот и любовь впервые
цветет у Демы-реки...
Ах, годы мои молодые!
Счастливейшие деньки!

И вновь окрашена кровью
заря... И рычит свинец...
Встав грудью за Подмосковье,
солдатом погиб отец.

Берлин...
Я в толпе столикой,
пилотку сбив набекрень,
ликую: Победы великой
я все же увидел день!

С посильным моим участием
мчит к звездам страна моя.
Я все одолел несчастья,
и этим-то счастлив я.

1967

ОДНОФАМИЛЬЦЫ

В аллаха верил, почитал пророка,
Старался жить, как поучал Коран,
И соблюдал посты
От срока к сроку
Мой дед трудолюбивый, Рамазан.

Он управлял желаньями своими,
Он серп сжимал,
Пока хватало сил.
Священное и красочное имя
Он с гордостью по жизни проносил.

И от него
Досталась мне в наследство
Фамилия моя да серп кривой.
Давным-давно я распрощался с детством,
С полями деда, с луговой травой.

Успел я изучить
Почти полсвета,
Успел друзей надежных завести.
И все ж волненьем радую планету,
Встречая Рамазановых в пути.

Они живут не под одною крышей
И не всегда, пожалуй, земляки,
Но как своя рубашка к телу ближе,
Так все однофамильцы мне близки.

Одни в поля
Шагают в ранней рани,
Другие в цех приходят поутру.
Есть генерал один.
А в Дагестане
Работает собрат мой по перу.

Моих однофамильцев,
Знаю, много
В краю башкирском и в краях иных.
Но я не зря на жизненных дорогах
Не забываю одного из них.

С бесстрашными товарищами рядом,
За толщею содрогавшейся стены
Сражался он
В пылавшем Сталинграде,
Навек войдя в историю войны.

И оттого мне радостно доньше,
Что там,
Где выли пламя и металл,
Дом Павлова, могучую твердыню,
Однофамилец мой оборонял.

Не знаю я,
Пришел ли он с Урала,
Или на фронт послал его Донбасс?
На свете много жил он или мало?
Погиб или живет еще сейчас?

Тот Рамазанов разделил по праву
Судьбу и дома,
И большой страны.
И различал он в будущем не славу,
А труд и годы мирной тишины.

Недаром мне, кому война знакома,
Судьба однофамильца дорога,
Как будто там,
У павловского дома,
Я тоже поднимался на врага.

Моих однофамильцев не упомнишь,
Не перечтешь — их много, там и тут.
Они в любой беде придут на помощь,
В любом бою друзей не подведут.

1968

ДОЛИНОВА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Родилась в 1916 году в поселке Нижнебаранчинского завода Кушвинского района Свердловской области в семье служащего.

Училась в Свердловском педагогическом институте, работала литсотрудником в редакции областной пионерской газеты «Всходы коммуны».

В годы Великой Отечественной войны поступила на завод, затем работала в депо станции Свердловск-Пассажирский.

С 1944 по 1963 год — корреспондент газеты Свердловской железной дороги «Путевка».

Печатается с 1939 года.

Первая книжка стихов для детей вышла в Свердловске в 1947 году.

Автор 15 книг стихов для малышей, повестей «Отправляемся в апреле», «Девчонки», романа «Радость с собой, беду с собой», изданных в Свердловске и Москве.

Награждена орденом Трудового Красного Знамени и тремя медалями.

УЗЕЛОК

Я сказала маме:
— Я ведь не шучу,
Я совсем серьезно
Вышивать хочу.

Дай мне, мама, ниток,
Носовой платок,
К твоему приходу
Вышью я цветок.

Мама мне иголку
С ниткою дала,
Беленький платочек,
А сама ушла.

Я уже хотела
Вышить василек,
Но забыла мама
Сделать узелок!

1947

МНЕ ПЯТЬ ЛЕТ

Вам известно или нет:
Мне исполнилось пять лет!
В магазин мы с мамой едем
Покупать велосипед!

Ой, как это хорошо,
Что шестой мне год пошел!
На какой-то остановке
Старичок в трамвай вошел.
Оторвал себе билет,
Огляделся — места нет.

Я сказал ему тогда:
— Вы садитесь вот сюда!
Мне сегодня ровно пять,
Я могу и постоять.

1948

РУЧЕЙКИ

В день весенний и погожий
Два шумливых ручейка
Лезут под ноги проходим:
«Где река?
Где река?»

Пробежали мимо скверов,
Мчатся к парку пионеров,
Задержались здесь на миг:
«Влево или напрямик?
Где река?
Где река?»
Мы бежим издалека».

Отвечает им народ:
«Дальше, милые, вперед».

Вдруг под ними водоем,
Отразилось солнце в нем.

Подбегают к водоему
Два веселых ручейка,
Говорит один другому:
«Это вовсе не река.
Попадешь сюда на горе,
Не увидишь сине море,
Здесь стоячая вода,
Мне не хочется сюда».
Оба в сторону метнулись
И... нечаянно столкнулись
И слились в один ручей.
Стал он больше и бойчей.

И опять бегут вперед.
Вправо, влево поворот...
Вдруг навстречу выбегает
Ручеек из-под ворот.
«Где река?
Где река?» —
Слышен голос ручейка.

«Сами ищем.
Сами ищем!
Не нашли еще пока.
Слейся с нами, так втроем
Мы ее быстрее найдем».
Вместе наши ручейки
Мчатся к берегу реки,
Трое, все в одном потоке,
Словно давние дружки.

«Разыскали, пострелята?» —
Улыбается река.

И нырнули вглубь куда-то
Три веселых ручейка.
И другие мчатся с кручи,
Чтобы стать рекой могучей.

1952

ЛЕНОЧКИНЫ СЛОВА

Вы не знакомы с девочкой Леной,
Славной, курносенькой девочкой Леной?
Ей только летом исполнится два,
А девочка многие знает слова.

Старшая Таня для младшей сестрички
Взяла и связала сама рукавички.
Вышли отличные, любо глядеть!
Леночка сразу сказала:

— НАДЕТЬ.

Лена баюкает куклу-подружку,
А мама для Лены взбивает подушку.
Леночка стала зевать да зевать
И заявила решительно:

— СПАТЬ.

В дом почтальон приходил до рассвета,
В ящик почтовый засунул газеты.
Мама и Лена пошли вынимать,
Леночка тут же сказала:

— ЧИТАТЬ.

Видно, мальчишки умчались куда-то,
Брошена ими в сугробе лопата.

Лена лопату решила поднять
И, поразмыслив, сказала:

— КОПАТЬ.

В кухню без мамы вошла она робко.
Видит: оставлена спичек коробка.
Долго стояла и, пальцем грозя,
Строго, как мама, сказала:

— НЕЛЬЗЯ.

1962

ШМЕЛЬ-ТОЛСТЯЧОК

Сейчас мне случайно
Попали в сачок
Работница-пчелка
И шмель-толстячок.

Пчелу отпустил я:

— За медом лети!

А ты оставайся,

Со мной посиди.

Но шмель мне ответил:

— Сидеть не могу,

Дела меня важные

Ждут на лугу.

Пчеле-то хозяин

Поможет зимой,

А мне кто поможет,

Скажи-ка, друг мой?

Не думая долго,

Раскрыл я сачок.

И скрылся из виду

Мой шмель-толстячок.

1963

ДИЖУР
БЕЛЛА АБРАМОВНА

Родилась в 1906 году в деревне Белозерье Киевской области в семье служащего.

С 1915 года живет на Урале. В 1928 году окончила Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена.

Преподавала биологию, химию, работала в Свердловском медицинском институте, экспертом в милиции, заведующей лабораторией на заводе.

Первые стихи опубликовала в 1939 году в журнале «Молодая гвардия».

Автор сборников стихов «Раздумья» (1954), «Улей» (1962), «Добрый вечер» (1968) и многих научно-художественных книг, изданных в Москве, ГДР и Японии, среди них «Стекланная река», «Зеленая лаборатория», «Жалобная книга природы».

ГАРМОНИЯ

1

Гармония. Она во всем прекрасна.
Вот тяготение планет согласных,
Их четкое движенье по орбитам,
Где солнце — гениальный композитор,—
Создав свои могучие творенья,
Их держит в музыкальном подчиненье.

2

Гармония лесов, полей, восходов,
Певучих трав, весенних ледоходов,
Гармония покоя и движенья,
Ритмичного сердцебиенья.
Но если вдруг беда к тебе нагрянет —
И все не так, и все пойдет не так,
И вместо сердца ощущаешь рану,
И вот оно уже не бьется в такт,
И все сместилось: звезды, зимы, зори,
И дни и ночи будут не попад...
И в волнах одиночества и горя
Ты, как пловец, попавший в водопад,
Стряхни волну.

Прислушайся к дыханью
Свободной жизни. Вслушайся и вот
Узнаешь голос своего страданья,
О нем уже Вселенная поет.
О нем грустят в вечернем небе звезды,
И корни кедра шепчутся о нем,

Тебе навстречу, рассекая воздух,
Весь в молниях лиловых, мчится гром.

Встань и иди. И ты отыщешь снова
Себя в гармонии всего живого.

1962

ЮНОСТЬ

Ты помнишь те двадцатые года?
Страна моя —

она тогда мужала.

Еще стояли где-то у вокзала
Военных лет герои поезда
И, торопясь, залечивали раны
В стране моей заводы-ветераны.
Вот мы,

сыны уральских рудокопов,
Сидим весь день,

склонясь над микроскопом,

Вникаем в тайны тайные земли
И видим все, что близко и вдали,
Взрываем недра, затеваем споры...
Стучит по стеклам ленинградский дождь,
А перед нами раковин узоры,
Костей и листьев каменный чертеж,
И сложное строенье хлорофилла —
Зеленой ткани тонкая канва...
Так юность ненасытная вводила
Нас в тайные глубины естества.

1953

В ЛАБОРАТОРИИ

Мне дорог мир спокойствия и блеска,
Прозрачных линий тонкие черты,
Где в стеклах кварцевых
Мельчайшие навески
Купаются, как в озере цветы.

Где льются светлым перламутром иглы
В насыщенный раствор солей
И старой платиной седеют тигли
В тумане раскаленных муфелей...

Здесь руки радует холодная резина.
Здесь пенится растворов молоко,
И лодочка фарфоровая стынет
Под голубым стеклянным колпаком.

Здесь подчинен закону каждый случай
И в капельке Вселенная видна...
Здесь в малом мире —
Мир большой изучен,
Неисчерпаемый до дна.

1940

МАТЕРИНСТВО

Откуда эта горькая отрада?
Законов чьих слепая простота?
Лечь перегином, если станет надо,
Как лопухи, ладони распластав.

Жестокая и сладостная сила.
Древнейшая из женских несвобод.
Она в глубинных тканях притаилась
И продолжает мой бессмертный род.

И вот она, пройдя тысячелетья,
Огромной обжигающей волной
Захлестывает сердце,
Будто дети
Все рождены и выращены мной.

1942

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

Весна стучится в тихий класс
Сиреневою кистью.
Ведет учитель свой рассказ
О солнце и о листьях.
Зеленый маленький листок...
Что может быть чудесней!
Тот ботанический урок
Запомнился, как песня.
И встала в рост передо мной
Листа живая сила:
Питают солнцем шар земной
Крупинки хлорофилла.
Но знаю я еще иной
Источник нашей жизни:
Питают солнцем шар земной
Лучи моей Отчизны.
Лучи особой чистоты
Вошли в дела людские,

В надежды наши и мечты
И помыслы простые.
Бессмертных ленинских идей
Высокое горенье
Живет в делах простых людей,
Как солнца луч в растенье.

1953

БАЙТЕРЯКОВ
НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

Удмуртский поэт. Родился в 1923 году в селе Варзи-Ятчи Можгинского района в семье крестьянина.

Участник Великой Отечественной войны.

После войны окончил областную партийную школу, работал в партийных органах.

В 1959—1961 годах учился на Высших литературных курсах в Москве.

Печататься начал в конце 30-х годов.

Первый сборник стихов на удмуртском языке вышел в 1953 году.

На русском языке выпущен сборник стихов «Вдоль серебряной Варзи» (Ижевск, 1969). Награжден орденами и медалями.

Член КПСС с 1944 года.

Я СЧАСТЛИВ . . .

От славных городов ты далека,
Моя деревня над Варзи-рекою.
И ты не обозначена пока
На школьной карте точкой никакой.

Ни моря нет поблизости, ни гор,
Где облака дремали бы на склонах.
И вместо пальм — шумит сосновый бор,
Высокие раскачивая кроны.

Но счастлив я, что мой родимый край,
Моя деревня над Варзи-рекою
Пасет стада, снимает урожай,
Дыша одним дыханием с Москвою.

1953

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Кто-то песню запел не спеша
Под гармонь в предвечерней тиши,
И всегда принимает душа
То, что вправду идет от души.

Дружит с песней моя сторона.
Ходит песня, людей веселя,—
Наши чувства вбирает она,
Словно свежую влагу земля.

1953

ДОМОВИТОВ
НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

Родился 19 декабря 1918 года в Ленинграде.
Закончил машиностроительный техникум в Баку.
Участник Великой Отечественной войны. Был тяжело ранен.
После войны — мастер кузнечного цеха машиностроительного завода в Баку.
С 1953 года жил в Донбассе, работал проходчиком, монтажником, ответственным секретарем газеты «На стройке».
В 1961 году заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького.
С 1969 года живет в Перми. Печататься начал в 1939 году. Первая книга стихов для детей «Паровоз» вышла в 1941 году в Баку, а в 1942-м — вторая, «Рассказ о кастрюле и снайперской пуле». В 1956 году вышел первый поэтический сборник для взрослых «Запев».
Автор сборников стихов «Улица первой любви» (1958), «Дороги жизни» (1959), «Костер на ветру» (1961), «Золотинка» (1967), «Поздняя радуга» (1971), нескольких повестей, книг очерков и романа «Горькая рябина» (1966).

Я молод, мне счастья не надо иного.
Мне все в этом мире пока по плечу.
Ударив нагайкой коня вороного,
С друзьями лихими в сраженье лечу.
А конь подо мною храпит очумело,
В глазах его пляшет кровавая муть.
Со звоном встречает каленые стрелы
Моя защищенная панцирем грудь.
Лавиной несемся навстречу хазарам,
Мы рубим, и колем, и прем напролом.
И вдруг затрещал под железным ударом
Мой старей, испытанный в битвах шолом.
На землю слетел он — помятый, пробитый —
И долго катился по кочкам, звеня.
А я, покачнувшись, упал под копыта,
И нет уже больше на свете меня.
Набилась в глаза мне соленая глина,
И меч я сжимаю холодной рукой,
И ветром степным боевая дружина
Уже навсегда пронеслась надо мной.
Храпят где-то тяжело уставшие кони
И чистую воду из Ителя пьют.
А завтра меня на парчовой попоне
К степному кургану друзья понесут.
Сам князь у кургана построит дружину
И скажет печально, взглянув на меня:
— Теперь положите к нему в домовину
Жену молодую, и меч, и коня...
И вздрогнет жена моя — ясная зорька.
И ляжет покорно в могилу со мной.

Не вскрикнет она, не расплчется горько,
Коль есть в нашем крае обычай такой.
А я оживу на мгновение от боли,
И сердце опять встрепенется в груди.
Потом посмотрю на широкое поле
И крикну я князю:

— А ну, погоди!

Пусть ноженьки в росах купает босые,
Пусть солнышко вечно сияет над ней.
Она не жена мне,
Она мне — Россия!
Ей нужно любить и рожать сыновей.

1965

УБЕЖАТЬ БЫ МНЕ В ЮНОСТЬ

Вот я вижу:
Стоят на крутом берегу
И глядятся в реку
Высоченные ели.
Убежать бы мне в юность,
А я не могу —
Замели все дороги
Слепые метели.
Вот я вижу Любань
И сожженную Мгу,
И снимаю с ремня я
Пробитую фляжку.
Убежать бы мне в юность,
А я не могу —
Заросли блиндажи
Лебедой и ромашкой.
Вот я вижу друзей.

Мы лежим на снегу
И кричим, задыхаясь:
— Атака отбита!
Убежать бы к друзьям мне,
Да я не могу —
Я живой,
А друзья — из гранита.

1967

БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Былое реже видится с годами,
Но сколько их сквозь сердце ни пройдет,
Мне не забыть, как тихо плыл по Каме
Наш госпитальный белый пароход.
Он плыл вперед под серым небосводом,
Держа в верховья дальние маршрут.
И резко пахло фронтовым иодом
Из пароходных маленьких кают.
А мы, войной помятые солдаты,
Пока для рот стрелковых не нужны.
И пароход, минуя перекаты,
Нас увозил подальше от войны.
Мы плыли днем, и плыли ночью белой,
И нам солдатки к пристани речной
Несли кульки с малиной переспелой
И пироги с начинкою грибной.
Нас, как детей, укачивала Кама,
И снились нам безоблачные сны:
То школьный двор, то ласковая мама,
Не тронутая снегом седины.

Она легко дышала на ресницы,
И в темноте казалось нам не раз,
Что по воде-то шлепают не плицы,
А масло мама пахнет для нас.
...Былое реже видится с годами.
Жизнь, как река широкая, течет.
Плывет все дальше медленно по Каме
Мой госпитальный белый пароход.

1973

ПЛЕЧО

Одной работой связанные кровно,
Ступая осторожно по земле,
Тяжелые нетесаные бревна
Носили мы к прожорливой пиле.

Была узка в лесу тропинка волчья:
Ни разойтись, ни встать, коль упадешь.
Шагнул к нам третий и, под комель молча
Плечо подставив, выдохнул: «Хорош!»

...Прошли года. Тот день уже далеко.
Люблю людей и труд свой горячо.
И каждый раз без просьбы, без намека
Под тяжесть подставляю я плечо.

1959

СТАРЫЕ ЖЕРНОВА

Давным-давно степной ветряк сломали
И порубили крылья на дрова.
Там, где возы с пшеницею стояли,
Растет теперь высокая трава.

Шумит полынь под синими ветрами:
Ее цветенье близится к концу.
Над старыми качаясь жерновами,
Она роняет горькую пыльцу.

А жерновам потрескавшимся мнится,
Что ветер прежде времени затих,
Что это снова теплая пшеница
Сплошным потоком сыплется на них.

1965

МУСА ГАЛИ
(ГАЛЕЕВ ГАБДРАХМАН ГАЛЕЕВИЧ)

Башкирский поэт. Родился в 1923 году в деревне Старомусино Чишминского района Башкирской АССР в бедной крестьянской семье.

Рано лишился отца и с ранних лет начал самостоятельную жизнь.

Участник Великой Отечественной войны. Осенью 1944 года тяжело ранен.

После войны работал сельским учителем.

Окончил Башкирский государственный педагогический институт.

Работал в детском журнале и в аппарате Союза писателей Башкирии.

В 1963—1965 годах учился на Высших литературных курсах в Москве. Печататься начал в 1940 году.

Первая книга стихов «Светлый день» вышла в 1953 году.

С тех пор издал более тридцати книг.

На русском языке в Москве и Уфе вышли книги «Песня Агидели» (1961 и 1965), «Солнце и слезы» (1965), «Росинка» (1966), «Разговор через моря» (1966), «Корни дуба» (1969), «Сердце весны» (1971), «Избранная лирика» (1972), «День медового дождя» (1974), «Тростниковая флейта» (1974) и другие.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За отвагу» и многими другими медалями.

Член КПСС с 1947 года.

* * *

Уральский рассвет через горы шагнул
И алую скатерть на травы набросил.
Прислушайся! Ветер цветы всколыхнул,
Их звонкие песни оправлены в просинь.

Вот дизель все звуки на миг заглушил,
Приветы горам протрубив у обрыва.
Олень, что лениво у озера пил,
Вдруг вздрогнул и замер — от дальнего
взрыва.

Пчела занялась каждодневным трудом,
Легко на пыльцу золотую ступая,
Омылась клубника медовым дождем,
Роса задрожала, по листьям стекая.

Таясь, как в разведке (смотри не сорви!),
Грибы на окрестность глядят из-под шапки.
И тащит серьезный народ — муравьи —
Бесшумно сосновых иголок охапки.

Поглубже вздохни! Опьяняет озон,
Озерами вдаль облака проплывают.
И гром, раскатившийся за горизонт,
Гостей на Урал издалика сзывает.

1964

* * *

О Родина моя! Меня согрей,
Я за тепло твое плачу стократно.
Есть тайные течения морей,
Их волны возвращаются обратно.

Пусть там, вдали от берегов, светло,
Пусть сильные не знают пораженья...
Живое море дышит тяжело
В земном уделе вечного движенья.

И копит слез тяжелую росу,
И нет тоске по берегам запрета.
Я сам впервые понял, что несу
В душе своей, когда увидел это.

Пусть в жизни мне дано волной бежать...
Но в высший час в том дне неизгладимом
Открыло море мне, что умирать
Достойно лишь на берегу родимом.

1966

ПОЭЗИЯ

Кто это вновь, склонясь над электроном,
В двадцатом веке с выводом спешит?
Кто это с убеждением непреклонным
Суд скорый над поэзией вершит?

Когда стрелою мчится сквозь туманность
В космические дали сын Земли,

Кому взбредет на ум такая странность,
Что времена поэзии прошли?
Прошли — и не найти нам утешенья...
Скажите, кто неверием объят?
Его обгонит век в своем движенье,
Затягивая песни на свой лад...

В любви, в печали сердце будет биться
И будет ждать, что воплотятся в слова
И в музыку, весной вернутся птицы
И зазвенит зеленая трава.

И, движимы мелодией извечной,
Прижмутся облака к груди горы,
И звезды потекут рекою млечной,
И лунный луч прольет свои дары...

Пока снежинки — крошечные солнца —
На землю охладевшую летят,
Пока весенний ветер вдаль несется,
Пока звенит ночами звездопад,
Пока сверкают свадебные платья
Берез, пока с цветов летит пыльца
Над озером, притихшем на закате,—
Поэзии не может быть конца!

Пока пылают губы цветом ягод
И увлажняются долины рек,
Поэзия — ты свежесть, мощь, отвага,
И жить тебе в сердцах за веком век:
Признанием любви из сердца рваться,
Восторгом, грустью проникать в сердца.
Мелодиям — рождаться, продолжаться!..
Поэзии не может быть конца.

1967

* * *

Если счастлив,
Не кричи об этом,
Не горлань везде до хрипоты.
Мир твой,
Озаренный резким светом,
Для другого полон темноты.

Коль ты счастлив —
Пусть услышит сердце
Боль других
(И ты ее стерпи!),
Дрожь людей, которым отогреться
Негде в снеговой глухой степи.

Коль ты счастлив — это знает сердце,
Разгляди, что мир устроен так:
Сытый, вспомни о сгоревшем хлебе,
О травой заросшей борозде,
И, когда звезда взойдет на небе,
Вспомни о погаснувшей звезде.

Жизнь не вечно в праздничной одежде,
Вслед за солнцем холод настает.
Ты успеј заметить друга прежде,
Чем его метелью заметет.

Дверь не запирай в часы ненастья!
Не забудь в жару полить цветы!
Если ты считаешь, что ты счастлив,—
Не кричи о том до хрипоты...

1967

ВСЕ, КАК БЫЛО...

Все, как было: Дёма, ветер в уши,
Жаворонок в высоте крутой.
Только в грудь все тяжелей и глуше
Бьют года, как волны — чередой.
Я пришел к тебе, как прежде, Дёма,
Как всегда, за песней в тишину.
Но смотрю я нынче по-другому
В быстрину твою и глубину.
Как всегда, торжественному мигу
Предаюсь, склонясь к твоим водам,
И природы праздничную книгу
Медленно читаю, по складам.
Здесь вчера кружился и метался
Листопад — но вон уж синь на дне
Да блестящий лист, что задержался
В тихой и прозрачной глубине.
Здесь покой...

А мне покоя нету...

Я давно безоблачность свою
Растерял, разнес по белу свету
И теперь встревоженный стою.
Дёма, Дёма, как мне жить в покое,
Если бури берег твой крушат,
Травы, что сверкали над тобою,
Черные, померзшие лежат,
И уже ушла невозвратно
Та пора, когда весенним днем
Я вверял волне, летящей мимо,
Все, что было на сердце моем.
А теперь о вечных мира тайнах
Больше скажет мне тот лист на дне,
Желтый лист, в конце пути случайно
Задержавшийся подобно мне.

Многому нас научили годы —
Не зовет вдогонку встречный взор,
Глубина зовет, в нее сквозь воды,
Наклоняясь, я смотрю в упор.
Дней моих река, поток студеный,
Ясный путь, что мне судьбою дан,
Песнь моя,

мое дыханье,

Дёма,

Книга, что читаю по складам!

1969

ЧЕРНЫЙ СНЕГ

То было наяву или во сне?
Печаль поля нагие охватила,
Обрушился на землю черный снег
С неистойвой, с остервенелой силой.
То духа ли нечистого рука
Наслала эти мутные метели?
Покрыли землю черные снега
В тревожном сне?
Или на самом деле?
А может, кара за мои грехи —
Тот черный снег, что выпал мне
на долю?

Услышать слово б... Но поля тихи...
Мне слова бы!.. Ни хлеба и ни соли...
О где мои застольные друзья?
Где спутники веселые? Не знаю...
Один шагаю без дороги я,
В себя печаль земли своей вбирая.

В лес вхожу. Сочных листьев дрожь!
Родников говорок бедовый...
Дождь прошел!

Ах, медовый дождь,
Удивительный дождь медовый!

И по жилкам тропинок вглубь
Потекли мои думы в чаши...
Мир прекрасен — возьми, пригубь,
Разве он недостойн счастья?

Дождь медовый!

Медовый дождь!

Взор мой слезы туманят густо...
Белый свет в ярких брызгах сплошь,
В звонах, шорохах,
вздохах,
хрустах.

Пчелы мудрые, взлет трубя,
Пояса стянув, взмыли кверху.
Тихий лес, дай войти в тебя,
Окунуться в прохладу веток.

Сколько раз тишину вокруг
Взрыв крушил и земля гудела...
Дятел звонко стучит — тук... тук...
Дятел занят великим делом.

Дятел звонко стучит — тук... тук...
Вторят дятлу стволы и корни:
— Человек, если ты нам друг,
Защити,
дай нам жить спокойно!

1969

Я в чистый мир иду, открытый мною,—
Он, как струна, звенит в моих ушах.

В тоске по белым дням иду сквозь вечер
По узенькой, по тоненькой тропе...
Все радости, всю боль взвалив на плечи,
Я возвращаюсь к самому себе.

1973

ГИЛЯЖЕВ ХАКИМ
(ГИЛЯЗЕВ ЛУКМАН-ХАКИМ
ГАБДРАХМАНОВИЧ)

Башкирский поэт. Родился в 1923 году в деревне Канлы-Туркеево Буздякского района Башкирской АССР в семье крестьянина.

Окончил Давлекановское башкирское педагогическое училище и Башкирский государственный педагогический институт.

Работал преподавателем в школе, инспектором роно, помощником начальника политотдела МТС, преподавал в Стерлитамакском учительском институте, был научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, сотрудником редакции газеты «Совет Башкортостаны».

С 1955 по 1967 год работал редактором журнала «Агидель», с 1968 года избирается председателем Правления Союза писателей Башкирии.

Участник Великой Отечественной войны.

Начал печататься в 1940 году. Первый сборник «Огни молнии» вышел в 1947 году.

Автор многих сборников стихов, на русский язык переведены сборники «Здравствуй, весна» (1954), «Утверждая жизнь» (1959), «Любовь возвышает» (1964), «Солдаты без погон» (1969 и 1970), «Весны мои не считаны» (1973), «Рукопожатие» (1975).

Награжден орденами Великой Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени и медалями.

Член КПСС с 1947 года.

МУНДИР

Когда надену твой, пехота,
Потертый старенький мундир,
И лучше спорится работа,
И на душе покой и мир.

Когда хожу в мундир одетый,
То кажется порою мне:
Благополучье всей планеты
Я на своей несу спине.

1947

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Отрывок из поэмы
«Сорок шестой солдат»

Как долго, кажется, я на войне
Живу от тебя вдали!
Сорок пять судеб доверено мне,
Три километра земли.
Здесь сорок пять друзей боевых
За Родину насмерть стоят.
А сколько верст у нее таких
И сколько таких солдат!
В рассветном мареве
По утрам,
Когда плывут журавли,
В окопах глинистых слышно нам,
Как бьется сердце земли.

Любимая, где ты?
В какой стороне,
В какие ушла края?
Сорок пять судеб доверено мне,
Сорок шестая — твоя.
Мне за тебя до конца отвечать —
Иначе не может быть.
Не смеет оружия в руки брать
Тот,
Кто устал любить.
Чего бы стоила жизнь моя
И весь ее свет и пыл,
Когда бы забыл о Родине я,
Когда бы тебе изменил!
Влюбленная птица уносится вдаль,
Зарею омыв крыло;
Вбирает в себя добротная сталь
Горячих сердец тепло.
Нас сорок пять,
И горит земля,
И нет нам пути назад.
Где ты, где ты, любовь моя,
Сорок шестой солдат?
Так исстари любо походной судьбе:
И хлеб пополам, и тоска.
Здесь каждый знает все о тебе,
И каждому ты близка.
Нас — сорок пять боевых друзей,
Большая семья у нас.
И кто-нибудь о любви своей
Заводит полночный сказ.
И долго, задумавшись, мы сидим
Один на один с тишиной,
И вьется махорочный сизый дым
К бессонной звезде ночной.
И степи алтайские нам видны.

И чей-то волнуют взор
Просторы солнечной Ферганы,
Вершины Кавказских гор...
Лучинка одна —
Светлячка слабей,
Ее огонек — как нить,
Но сорок пять молодых огней
Ветру не погасить.
Одна у нас цель,
Для которой живем,
И путь один, и успех,
Но есть у солдата и отчий дом,
И та, что дороже всех.
Ты так, любимая, мне нужна!
Не зря говорит комбат:
— Считай, что в списке твоём.
Она — сорок шестой солдат.

1964

В МАВЗОЛЕЕ

Струятся света розовые волны
Над саркофагом спящего вождя...
Мы обнажаем головы безмолвно,
У ленинского гроба проходя.

Мне на сердце запало здесь когда-то,
Как строгий старец с проседью в усах
Вдруг поклонился юноше-солдату,
Стоявшему у гроба на часах.
Под вечной сенью траурного стяга
В тиши, без слов,

Приветствовал старик
Солдата, что застыл у саркофага,
Чуть вправо отведя граненый штык.

Они, наверно, не знакомы даже,
А может, внук ему парнишка тот,—
Не все равно ли?
Будущее наше
Здесь, как солдат, почетный пост несет.

Пути-дороги озирая смело,
Грядущее у памятной черты
Стоит на страже ленинского дела,
Стоит на страже ленинской мечты!

1948

РЯБИНА

Там, где нефтью пахнет глина,
Возле вышки буровой,
Одинокий куст рябины
Приподнялся над травой.

Что в нем проку? Только мастер,
Безответный паренек,
Над собою был не властен —
Обойти его не мог.

Как умолкнет вечер звонкий,
Росной влагою омыт,—
Черноглазая девчонка
У рябины той стоит.

Мнет цветастую косынку
И глядит исподтишка,
Как пустынная тропинка
Прочь уводит паренька.

Хоть бы вымолвила слово!
Но стоит она одна
Возле деревца густого,
Молчалива и грустна...

Вот и лето пролетело,
На рябине — сочный цвет;
Бродит в сердце сок тот спелый,
А ему — исхода нет.

Только снится парню ночью,
Будто девичья рука
Гроздь рябины к сердцу хочет
Дотянуть издалека...

Клин уходит журавлиный,
Лес прощается с листвою;
Отцветает куст рябины
Возле вышки буровой...

1953

КАВКАЗСКАЯ КАЛИНА

Из цикла стихов «У друзей»

Кавказские горы не схожи с Уралом:
Здесь камни и те по-иному лежат,
И круче дороги к заснеженным скалам,
И зори позднее, и раньше закат,
И бури бурливей, и уже долины...

Но вот улыбнулся балкарец Керим
И подал мне красные гроздья калины,
Что густо росла над обрывом крутым.
Калина! Краса и примета Урала,
Ласкающий сердце рубиновый цвет,
Какими судьбами ко мне ты попала?
И наша разлука — была или нет?

Не схожи с Уралом Кавказские горы,
Но я забываю невольно о том,
Представив, какие связала просторы
Знакомая веточка кровным родством!

1958

СЕМАКИН
ВЛАДИМИР КУЗЬМИЧ

Родился в 1922 году в городе Глазове Удмуртской АССР.

В 1940 году поступил в Удмуртский педагогический институт, но во время войны ушел работать на завод.

Окончил вуз уже после войны. Преподавал литературу. В 1958 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автор многих сборников лирики. Среди них «Стихи» (Ижевск, 1949), «Третья смена» (Поэма. Ижевск, 1951), «Край родниковый» (Ижевск, 1956), «Поднимаются травы» (М., «Советский писатель», 1959) «Перекаты» (М., «Советский писатель», 1963), «Лирика» (М., «Московский рабочий», 1965), «Избранная лирика» (М., «Молодая гвардия», 1968), «Краснолесье» (М., «Советская Россия», 1973) и другие.

Живет в Москве.

НА УРАЛЕ

Глубокий тыл. Как звезды яркие
Огни уральской стороны,
И, вся в лучах электросварки,
Прозрачна ночь и без луны.

Под заводской высокой крышей
В любом углу светло как днем.
Идешь — шагов своих не слышишь,
Глядишь — глаза слепит огнем.

Всю ночь, разбрасывая блики,
Гудит без умолку станок,
И стружка цепче повилики
Сама свивается в клубок.

Ни сват, ни брат не заикнется
Про отдых, нужный позарез.
Тебе и мне передается
Упрямство сверл, резцов и фрез

Мой сменщик спит.
Ему — в дневную.
Он будет слушать тишину,
Покамест новый день вплотную
Не подойдет к его окну.

А тут, в цеху, никто не дремлет,
Крепятся все: и стар и мал.
И поворачивает время
Лицом к рассвету весь Урал.

Бледнеют вспышки автогена,
Но ими ночь была светла.
И видит утренняя смена,
В какой страде она прошла.

Сверкают новенькие пушки,
Спеша на гулкий полигон,
И я, щекой припав к подушке,
Услышу выстрелы сквозь сон.

1945

ДОМА

Стосковался я, честное слово,
по лесам, что синеют вдали.
Через облако хвои сосновой
редко луч достигает земли.

Да и то среди грибов и брусники,
среди всего, что пестреет у ног,
он крошится на мелкие блики —
хоть их тоже клади в кузовок.

Чуть подальше — ни сосен, ни елок,
вместо дерева — пень золотой,
и в знакомый рабочий поселок
можно выйти по просеке той.

И опять побывать на заводе —
не беда, что мой пропуск изъят, —
чтоб окликнули в цехе: — Володя,
где и как ты — выкладывай, брат!

Подучился небось? — И едва ли
откажусь я от их папирос.
Тут и спросят с тебя, и похвалят,
тут и в шутку с тобой, и всерьез...

Стосковался я за год по Каме,
что одна мне шептала: — Сынок, —
с той поры, когда сделали маме
тесный дом из дубовых досок.

Я приду поклониться могиле,
что видна из прибрежных раки...
Все-то камушки здесь дорогие,
даже если я кем-то забыт.

Без фуражки стою у вокзала,
не успев отдышаться с пути,
и не знаю, куда мне сначала
и к кому мне сначала пойти...

1955

* * *

Еще грозою пахли травы,
к земле прибитые дождем,
и за прикамские дубравы
ворча откатывался гром.

Сползая в мутные потоки,
в канавах сгруживался град,
еще такой же белобокий,
каким он выпал час назад.

Он рожь повыбил за Ижевском,
картошку вырыл из борозд,
и где-то в мокром перелеске
еще отряхивался дрозд.

Но вот открылся ярче синьки
в проеме туч такой клочок,
что дрозд на гибкой хворостинке
привстал на цыпочки как мог
и звонко щелкнул.

И, как прежде,
земля — на то она земля —
уже опять жила в надежде
на луч, протянутый в поля.

И пусть вокруг не все живое
сумеет встать из борозды,
земля не рожью, так травую
зальет печальный след беды.

1955

* * *

Пролетели весенние гуси
по-над цепью болот и озер.
А за нею — печорское устье
и морской неоглядный простор.

И ничем — ни добром и ни силой —
их, гусей, не заманишь сюда,
где под ряской безжизненно хилой
от лягушек осклизла вода.

Ни на метр не дерзают стрекозы
оторваться от кочки гнилой,
и толчется над сонным рогозом
комариный назойливый рой.

Заплыла зеленцою тропинка,
заскучав по раздольной степи,
и томится на стебле кувшинка,
как на ржавой подводной цепи.

Все на привязи, все на приколе,
словно нет ни высот, ни дорог,
и, не выдержав этой неволи,
поднялся над болотом чирок.

Поднялся над ольшаником серым
и давно бы над тундрой летел,
да наметанный глаз браконьера
взял его на прицел...

Будут снова весенние гуси
вереницей взмывать в облака,
зазывая к печорскому устью
не его, так другого чирка.

1956

* * *

Хлопотливые первые пчелы —
вряд ли кто позавидует им —
заливают пригорки и доли
непрерывным гуденьем своим.

Схлынуть схлынули полые воды,
но купавы еще не в огне.
С одуванчиков много ли меду?
Больше горечи в их желтизне.

Не цвела еще белая липа,
медуница и та не цвела,
и не раз догудится до хрипа
утомленная за день пчела.

Не однажды на майском рассвете
ей приснится несобранный мед...
Ты найди его в горьком соцветье,
а на яблоне — каждый найдет!

1956

* * *

Было трепетно, буйно, зелено,
зацветали вовсю луга.
Нет, не сразу им было велено
спрятать буйство свое в стога.

Среди трав луговины пойменной,
что сплетали густую сеть,
застревал коростель, как пойманный,
и все лето не мог взлететь.

А сегодня — взмывай, пожалуйста,
но летать разучился он.
Где-то в кочках сидит и жалуется —
то ли пение, то ли стон.

Отшумели луга зеленые,
но журчит и журчит река,
и стоят обнявшись влюбленные,
словно два луговых цветка.

И, как травушка, грудь колышется.
Шепчут губы: «Люблю... Люблю...»
То ли чудится, то ли слышится
из осоки коростелю.

1959

* * *

Агниш

Рука в руке прошли мы спозаранок
поемным лугом, сизым от росы.
Еще дымясь, в низине, как подранок,
лежала мгла, не тикали часы

кузнечика с их нежным перезвонцем,
но луч уже проклюнулся в тени,
и каплю, переполненную солнцем,
ты увидала первая: «Взгляни!»

И в тот же миг, светлея от восторга,
кинула ты туда, где все цвело,
где солнце краем выплыло с востока
и в небеса, бесшумное, пошло...

Оно глядит налево и направо —
ну где еще, в каком углу темно?

Зашелестели, всполошились травы,
такого ўтра ждавшие давно.

Ты зашептала, стоя средь покоса:
«А вон пчела касается цветка
и так берет свой взяток с медоноса,
чтоб не стряхнуть, не сбить ни лепестка...»

Нет, я ни с кем не видел столько света,
не знал, что в мире столько доброты,
и это диво — отрочество лета —
я прозевал бы, если бы не ты.

1960

* * *

Безымянные, я вам тезка.
Тезка я, от ветров хмелен,
и тебе, вся в слезах березка,
и тебе, забубенный клен!
Ну а в бурю я тезка дубу —
знают недруги и друзья.
Бересклетнику — тенелюбу
и не выскочке — тезка я.
Тезка я, коль чего-то стою,
можжевельнику...
Сколько вас!
И не разнимся мы судьбою
в добрый день и в недобрый час.
Я не спрашиваю,
знаком ли
вам, дубравы и сосняки,

и открытый удар по колю,
и обрушенный воровски.
Как вам,
лиственные,
густохвойные,
больно видеть седые пни!
Вместе нас вырубали войны,
и
не только они одни.
Скорбь из нас выжимала слезы
на невысшимом сквозняке.
Мать Россия, твои березы
безымянные в березняке.
Все мы клены в кленовой чаще,
все мы сосны в твоём бору,
и не боязно нам, стоящим
всей семьёй на любом ветру...
Безымянные,
мы не славой —
нам не стоит о ней тужить! —
кто народом,
а кто дубравой
и уйдя остаемся жить.

1960

* * *

Около песчаного закоса
шепчет обмельевшая Чепца:
«Что молчишь ты,
реченька Дебёсска?»
Что не кажешь милого лица?»

Радуюсь застроенным пригоркам
и тому, что грядки полила,
тянется речушка по задворкам
вдоль всего немалого села.

Шустрыми утятами набита,
к полдню взбаламучена до дна,
десять раз речушка перекрыта,
словно для запруд и рождена.

Не качать ни лодки ей, ни судна:
рядом, за околицей села,
в понизовье так ей стало трудно,
что она до устья не дошла.

Пересохла в жаркую погоду
где-то ниже нижнего пруда.
Но зато политы огороды
и скотина с пойлом завсегда.

Может быть, у желтого закоска
понапрасну сердится Чепца,
что пропал приток ее — Дебёсска
и не кажет милого лица.

1962

* * *

Не знаю, как я век свежую,
не честолюбец никакой.
Я только слышу, как кукует
кукушка в роще за рекой.

Кого-то с ходу
носом в воду,
а кто-то выплыл на волне,
и так вошло все это в моду,
что поневоле стыдно мне,

ни при какой неразберихе
в ход не пускавшему локтей
ни ради виллы на Бобрехе,
ни ради хлебных должностей.

А честолюбцы-ненаеды
упрямо прут — за рядом ряд:
«Ура! мы ломим; гнутся шведы».
А эти «шведы» — свой же брат.

Не знаю, как я век свекую
от этой свары в стороне...
А птица все еще кукует,
авось да мне,
авось да мне.

1962

* * *

Нежный-нежный — не жжется,
не колется —
из конца окоема в конец
голубым-голубо колоколится
за околицей лен-долгунец.

Что-то есть безмятежно безбрежное
в этой нежности летнего льна.
Ничего тут волна перемежная
ни взмутить, ни смутить не вольна!

Так покойно и голубо-зелено
это поле в залесной глуши —
словно роздых никем не измеренной
и отходчивой русской души.

1969

* * *

Ты мне дорог, дорог хоть какой,
отчий край мой с медом и полынью,
с неизбежной стужей и теплынью,
с солнцем и без солнца над рекой.

Дорог ты с кустом и без куста,
с мелкотой колючек и пушинок,
с чуткою дремотою кувшинок
и внезапным грохотом моста.

Здесь я на ветру предгрозовом
рос и креп,
отцом своим гордился,
да и сам я краю пригодился
в горьком,
лучшем возрасте своем.

Больше пайки хлеба не просил —
разве что, привечен рыбаками,

от ухи, от ветра ли на Каме
исподволь я набирался сил.

И с тех пор, куда ни уплывай,
по каким краям ни колеси я,
для меня немыслима Россия
без твоих причалов, отчий край.

1969

КОЛОС КОЛОСОВИЧ

Еще я вспомню,
вспомню это поле,
когда в войну придется голодать,
искать крупу
в каком-то жидком пойле,
макуху залежалую глотать...

Пока что мы оравую босою
бежим к реке по плечи в ячмене.
Ты что ершишься, Колос Колосович?
Пожалуй-ка за пазуху ко мне!

Замру, когда он пойманною птахой,
дрожа за недоспелое зерно,
завозится,
заходит под рубахой
туда-сюда — щекотно и чудно.

Пока бежим оравую босою
к реке Чепце,
на свой Мальчиший Брод,

живой живулей Колос Колосович
раз, может, сто
вкруг тела обойдет.

Такой ласкуша,
будто ненароком —
родное, что ли, чужется ему —
все жметя он своим шершавым боком —
то тем, то этим —
к сердцу моему.

И если вправду
слезы неминучи,
то все, что величается землей,
поднявшееся тучно и пахуче
подсолнухами, житом, коноплей, —
все это с нами, памятное с детства,
незримо
уезжает в города...

Нам никуда от этого не деться
и незачем деваться никуда.

1970

ПИЛИПЕНКО
МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
1919—1957

Родился в городе Сумы, на Украине, в семье рабочего. В 1936 году поступил в Одесский институт железнодорожного транспорта, но прервал учебу, начал работать воспитателем в детских домах в Сумах.

В 1941 году с третьего курса Харьковского университета ушел добровольцем на фронт.

В 1942 году, после ранения, М. Пилипенко приехал в Свердловск, несколько лет работал комсоргом ЦК ВЛКСМ на Уралмашзаводе.

С 1949 по 1957 год работал заместителем редактора и редактором областной комсомольской газеты «На смену!». Неоднократно избирался членом Свердловского горкома и обкома ВЛКСМ.

Первые стихи были опубликованы в 1944 году.

Первый сборник стихов «Рождение города» вышел в Свердловске в 1950 году. Автор сборников стихов «Долг и счастье» (Свердловск, 1952), «Дороги» (Свердловск, 1955), «Сталь и песня» (М., Молодая гвардия, 1957), «Уральская рябинушка» (Свердловск, 1961), «Избранная лирика» (М., «Молодая гвардия», 1969).

На стихи М. Пилипенко написаны популярные песни «Уральская рябинушка», «Небо темно-синее» и другие.

Член КПСС с 1945 года.

В цехе и короткие встречи горячи,
А сойдемся вечером — сядем и молчим.
Смотрят звезды летние молча на парней,
Но не скажут, ясные, кто из них милей.

Укрывает инеем землю добела,
Песней журавлиною осень проплыла,
Но все той же узкою тропкой между гор
Мы втроем к рябинушке ходим до сих пор.

Кто из них желаннее, руку сжать кому,
Сердцем растревоженным так и не пойму.
Хоть ни в чем не схожие — оба хороши...
Милая рябинушка, сердцу подкажи.

Ой, рябина, рябинушка,
Оба хороши.
Ой, рябина, рябинушка,
Сердцу подкажи.

1954

* * *

Небо темно-синее: время к ночи клонится —
Не послушать сердца ли, не пройти ль
околицей.
Может быть, увидимся под березой тонкою,
Может быть, усядемся рядом под сосенкою.
Только нет, не встретимся —
знаю я заранее.

Ты сказал, нахмурившись:
— Нынче заседание.

Заседанье кончится, но с не меньшим
рвением
Просидишь до полночи над постановлением...
И знакома улица, и тропа знакомая —
Вот пойду, нежданная, стану у райкома я
И скажу в открытую, не тая волнения:
— Что ж вы заседаете даже в воскресенье?
Пусть и комсомольские,
пусть дела и важные —
Сердце-то имеется, души не бумажные!..
Отцвела черемуха, облетела белая.
До сих пор хожу одна, глупая, несмелая.

1950

* * *

Промчался ветер по лесу
сквозь тишину спокойную,
Рукою огрубелою обнял
березку стройную,
Примял траву холодную
да свистнул за околицей —
Теперь тебе, березонька,
никак не успокоиться.
Ты не волнуйся попусту,
ведь счастье не прибавится —
Не о тебе он думает,
не о тебе печалится.
Он тронул просто, походя,
а лег вдали, под вишнями,
Под вишнями,
с которыми они друзья давнишние.

Печаль придет за радостью.
А сердцу надо много ли:
Любили бы — так до смерти,
А если нет —
Не трогали.

1952

РАССВЕТ

И легко,
 и свободно,
 и манят с собою зарницы,
И для силы твоей
 ничего невозможного нет.
Это он виноват:
 он в посулах не знает границы,
Непутевый задира,
 забрызганный солнцем рассвет.
Сотней дел увлечет,
 сто дорог развернет пред тобою,
Убедит тебя в том,
 что тяжелое сделать легко:
Хочешь горы свернуть —
 эти горы сдадутся без боя.
Хочешь вычерпать море —
 успеешь: закат далеко.
Мы бы верили вечно ему,
 все казалось бы легкого легче,
Не грустили б до боли,
 заветную цель не найдя.
Если б он никогда не кончался...

Да лучше бы с самой тяжелой из нош,
Но только шагать одному.
...И тучи, и слякоть, и ветер сечет,
И свист не стихает в ушах,
Но рядом с тобою другое плечо
И твердый, уверенный шаг.
И кажется, стал голубее простор
И ветер как будто притих.
И греет до сердца обоих костер,
И песня у губ на двоих...
И где-то заветная точка видна
Сквозь мокрые лапы хвои,
И право, дорога не так уж трудна.
И ноша по силам твоим.
Но есть еще третий.
Такого и мне б
В соседство на тропах крутых,
С которым не ноша, не песня, не хлеб,
А больше —
Душа на двоих.
С ним будешь прощаться —
И дрогнет рука,
Волнение сдержишь едва ль.
И станешь жалеть, что была коротка
Дорога, ушедшая вдаль.

1951

ШАРИФ БИККОЛ (БИККУЛОВ ШАРИФ САГАДАТУЛИЧ)

Башкирский поэт-драматург. Родился в 1924 году в селе Карламан Кармаскалинского района Башкирской АССР в семье крестьянина.

После окончания Давлекановского башкирского педагогического училища преподавал в школах Башкирии.

Участник Великой Отечественной войны.

По окончании Башкирского государственного педагогического института был педагогом и заведующим учебной частью Башкирского государственного театрально-художественного училища, редактором журнала «Пионер», газеты «Башкортостан пионере», ответственным секретарем Правления Союза писателей Башкирии.

С 1968 года снова редактирует республиканский журнал «Пионер». Первая книга «Стремление» вышла в 1947 году.

Выпустил 22 сборника стихов и пьес, изданных в Москве и Уфе, создал тексты многих популярных башкирских песен, перевел на башкирский язык ряд произведений А. Н. Некрасова и советских писателей.

Русскому читателю представлен книгами «На рассвете» (1955), «Гостья из города» (1967), «Дерево, посаженное мною» (1972), «Величиной с мое сердце» (1974), «Где лад, там и клад» (1974).

Лауреат республиканской премии имени Г. Саляма. Награжден орденом Красной Звезды.

Член КПСС с 1944 года.

КОЛОСЬЯ

Хлебов золотые колосья
склонились к земле тяжело.
Быть может, на ниву под осень
нежданное горе легло?
Иль стебли высокие в поле,
ослабнув,
согнулись от боли?

О нет,
золотая на диво,
волнуясь над ширью степной,
то в знак благодарности нива
земле поклонилась родной.

1950

АК-ИДЕЛЬ

— Судьба твоя — светла и глубока.
Куда же ты торопишься, река?..—
Я у нее спросил... И в шуме вод
Меня понес к рассвету пароход...

И беспокойно загудел гудок:
— Прощайся с Белой! Срок ее истек!
Сейчас она исчезнет навсегда!
Гляди: большая близится вода!

Но Ак-Идель мне прошептала вдруг:
— Не бойся за меня, мой верный друг!

Не потеряюсь я в воде большой,
Не исчезают чистые душой!

Сестру я подкреплю водой своей.
И станет старшая сестра сильней.
С ней вместе мне спокойнее идти!
Вдвоем верней в грядущее пути.

1948

* * *

День мой труден.
Сон заслуженный глубок.
Жизнь еще
как неразмотанный клубок.
Только знаю,
что порвется эта нить.
Только знаю,
в этом некого винить.
Сколько дум,
желаний сколько за спиной,
пусть одно навек
останется со мной:
чтоб без жалоб повстречал я
смерть свою,
будь то светлый, мирный день
или в бою,
чтобы смерти
я с достоинством сказал,
что минут бесцельно прожитых
не знал.

1957

ТАРАБУКИН ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

Родился в 1925 году в Вологде в семье художника. В годы Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии.

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Работал в газетах Сыктывкара, Свердловска, с 1962 года — ответственный секретарь журнала «Уральский следопыт».

Первые стихи опубликовал в 1945 году.

Автор книг сатирических стихов, изданных в Москве и Свердловске: «Павлиний хвост» (1959), «Зайцем на орбите» (1961), «Милейший человек» (1961), «Сундук моей бабушки» (1963), «Нуль с маком» (1965), «Дом с премиями» (1967), «Подмеченная репутация» (1969), «Ортодоксальный бублик» (1972), «Сатиры» (1975) — и нескольких сборников стихов для детей. Частушки и песни на слова поэта прочно вошли в репертуар Уральского государственного народного хора.

Член КПСС с 1950 года.

Эпиграммы

ВАЖНЫЙ ПОСТ

Сидит Фома на берегу.

— Пойдем обедать!

— Не могу.

Здесь я, приятель, нужен очень...

— А что за важные дела?

— Как что? Слежу и днем и ночью,
Чтоб вспять река не потекла!

1963

О ГАЙКАХ

Катились колеса, крутились колеса...

Но вдруг показалось, что крутятся косо.

Механик взял ключ и скомандовал:

— Дай-ка,

Затянем еще понадежнее гайку!

Нажал. Все в порядке — ни криво,

ни косо...

Но только не крутятся больше колеса.

1967

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Купил Пал Палыч книги в среду
И всю неделю горд весьма,
Что стал культурнее соседа
На целых... шесть томов Дюма!

1966

ВСЯ РАЗНИЦА

«На железе я сижу» —
Этак в прозе я скажу.
«На сижу железе я» —
Это уж поэзия!

1967

ЦИТАТА

В решенье смысла маловато,
Не видно логики в словах...
И привели тогда цитату.
В кавычках, словно в кандалах.

1972

С ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕМ!

Ни осины, ни березы...
На сто верст — один бурьян.
Честь и слава леспромхозам,
Перевыполнившим план!

1972

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОЛГ

Смысл общественного долга
Уяснял он долго-долго...
Наконец дошло одно:
— Что-то общество должно!

1972

ЭПИТАФИЯ

Он был скромным зайцем, добрейшим косым.
Свой след оборвал на проселке...
Мы память о нем навсегда сохраним!
Группа товарищей (волки)

1972

Песни

ЗОВЕТ ГОРА МАГНИТНАЯ

Не даль морская, южная,
И не края заморские
Мне видятся, товарищи,
Скажу вам, не тая.
Зовет гора Магнитная,
Душой в Магнитогорске я,
Зовут меня уральские
Суровые края.

Не зря заметил сразу я
Девчонку сероглазую,
Что встретил в этом городе
Случайно на пути.
Зовет к ней сила скрытная,
Как та гора Магнитная,—
Не обойти околлицей
И мимо не пройти!

Клубится дым над трубами,
Увидеть это любо мне.
Найду свою желанную,
Скажу, как тосковал.
Ее увижу в парке я,
Слова найду все жаркие:
Ведь сердце тает медленней,
Чем плавится металл!

Не даль морская, южная,
И не края заморские

Мне видятся, товарищи,
Скажу вам, не тая.
Зовет гора Магнитная,
Душой в Магнитогорске я,
По нраву мне уральская
Рабочая семья!

1956

ТРИ ГОРОДА

В краю уральском каменном.
Где сосны век шумят,
Как три могучих витязя,
Три города стоят.

Поют гудки в Челябинске,
Приветствуя рассвет,
В Свердловске откликаются,
И Пермь гудит в ответ.

Не зря перекликаются
Умельцы-кузнецы.
Давно их слава громкая
Летит во все концы.

Могучим экскаватором
Шагает по горам,
В полях рокочет трактором,
Звенит по всем лесам!

Три друга, три соперника
Поспорили в труде.

Три друга, три товарища
И в счастье, и в беде.

А в дружбе дело спорится,
И мы сильнее в сто крат.
Как три могучих витязя,
Три города стоят!

1962

КУЛИКОВ ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ

Родился в 1924 году в городе Иваново, жил в Гатчине, в Ленинграде. В 1940 году тяжело заболел. Болезнь навсегда приковала его к постели.

В начале Великой Отечественной войны семья Куликовых эвакуировалась в село Половинное Курганской области.

С 1961 года живет в Кургане.

Первые стихи опубликовал в 1946 году в газете «Пионерская правда».

В 1951 году в Челябинске вышла первая книжка стихов для детей «Скоро в школу».

Автор многих книг стихов для детей, изданных в Москве, Кургане, Челябинске. Среди них «Младшая сестра» (1956), «Как ежик стал колючим» (1955), «Храбрый Василек» (1958), «Про кота» (1959), «Майские флажки» (1960), «Солнечные зайчики» (1966), «Белочка-умелочка» (1962 и 1970), «Стихи. Сказки» (1973).

Награжден орденом «Знак Почета».

ЗАДАЧА

На лужайке у болотца
Позабывтая тетрадь.
В ней задачка задается:
«Сколько будет пятью пять?»
Птицы думали, молчали.
Вдруг раздвинулась трава.
— Ква! Два! Два!
Тут косматая ворона
Заорала восхищенно:
— Верно, верно, кра-ура!
Знала я еще вчера.
А синица стала злиться:
— Нет, решенье не годится.
Но придумать не могла
Подходящего числа.
Гости с поля прилетели
И в тетрадку поглядели.
Грач ответил: — Тридцать три!
А грачиха: — Ой, не ври!
И сорока стрекотала,
Показалось ей, что мало!
Дятел думал целый час,
Стукнул клювом сорок раз.
А кукушка на суку
Завела свое «ку-ку»,
И сама не сосчитала,
Сколько раз прокуковала.
На опушке птичий хор
Начал долгий-долгий спор.
Сразу видно, эти птицы
Не учили той таблицы,

Без которой не узнать,
Сколько будет пятью пять:
Так они и щебетали,
И ужасно все устали,
И умолкли, не узнав,
Кто был прав и кто неправ.
Мимо телка проходила
И сказала громко: — Мму!
Но ее решенье было
Непонятно никому...

1951

МАМИН ДЕНЬ

Дом сверкает чистотой.
На столе варенье.
Мы встречаем всей семьей
Мамин день рожденья.

Даже дед помолодел,
Празднично оделся.
И Сережка молодец —
Сел и не вертелся.

Каждый что-то приберег
Для подарка маме.
Я ей вышила платок
Разными шелками.

Для нее букет из роз
Срисовала Катя.

Папа маме преподнес
Голубое платье.

И от старших не отстал
Маленький Сережка:
— Мам, возьми мой самосвал,
Поиграй немножко!

1956

КУЗНЕЦ

На руках его — мозоли,
А во взгляде — хитреца.
Заглядишься поневоле
На работу кузнеца.

Люди скажут: «Хлам железный»,
А кузнец ответит: «Клад!»
И скует предмет полезный:
Кочергу или ухват.

У него из небольшого
Раскаленного бруска
Получается подкова
Или дужка для замка.

Он подковывает ловко
Расковавшихся коней:
— Вот вам звонкие обновки,
Чтобы бежали быстрее!

В сенокос он ладит косы,
Чтоб остра была коса,

И гармошке безголосой
Возвращает голоса.

Все село с ним дружбу водит,
Из его умелых рук,
Словно новенький, выходит
Повидавший виды плуг.

1966

Я ЭЛЕКТРИКУ ПОМОГ

По столбам и к нам в село
Электричество пришло!
В нашей комнате и кухне
Будет вечером светло.

Я электрику помог
Проводить на кухню ток:
Подавал ему отвертку,
Нож, кусачки, молоток.

— Зажигай огонь, приятель! —
Приказал электрик мне.
Круглый черный выключатель
Звонко щелкнул на стене.

Темнота одним прыжком
Вмиг исчезла за окном,
А у нас осколок солнца
Загорелся над столом.

1966

Трактор с песней пашет
залежь,
А в ответ шумит камыш:
— Сам себя ты
не похвалишь,
Как обиженный сидишь.

Нам нужды в рекламе нету.
Без высоких каблучков
Далеко видать по свету
Наших славных земляков.

На ладони Зауралья
Город мой навеки встал.
Он блестит стеклом
и сталью
И растет, что твой кристалл.

Здесь избушки, как старушки
В окруженье молодцов,
Молча смотрят на верхушки
Подрастающих домов.

Не стоят без дела краны,
Кверху тянут весь наш край,
Так что города Кургана
Бугорком не называй.

1971

МИНИН
ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1926 году в деревне Кышкамыс Кочевского района Коми-Пермяцкого национального округа в крестьянской семье.

До Великой Отечественной войны окончил восемь классов средней школы, с первых дней войны работал в колхозе.

В 1943 году был призван в Советскую Армию, окончил военное училище, служил в авиационных частях бортовым механиком.

После демобилизации в 1951 году работал в редакции окружной газеты «По Ленинскому пути», окончил школу рабочей молодежи, Пермскую высшую партшколу.

Первая книга стихов «Сияет солнце» издана в Кудымкаре в 1951 году. На родном и русском языках выпустил 15 поэтических и прозаических книг, в том числе повесть «Навстречу плыла луна» (1968).

Член КПСС с 1953 года.

СЕЛО СУМА

Побирушек, покрытых рванью,
По дорогам, по избам — тьма!
Вот откуда твое прозвание,
Край пермяцкий, село Сума!

Горе крыло соломой кровлю.
Нету хлеба — с бесхлебья мри!
Золотушные, с бледной кровью,
Шли мальчишки в поводыри.

С детством здесь побраталась старость,
Христарадничать вместе шла...
Все иное теперь, осталось
Прежним прозвище у села.

Нет до старых таких историй
Дела, видимо, никому.
Как в какой-нибудь санаторий
Я приехал в село Суму.

Окружила лесная небыль,
Горьковатый медвяный дух.
На прекраснейшей речке Сэполь
Я ловил окуньков и щук.

Я в такие ходил чащобы,
Где под снегом спала зима.
И не думал, о чем еще бы
Попросить мне тебя, Сума.

Ты мне все отдавала даром:
Парму, Сэполь и свет зари.
Хочешь хлеба? — полны амбары.
Хочешь песен? — с собой бери.

Мудрость ту у лесов заимствуй.
Счастья надо?? — оно в тебе...
Так и жил я.
Гостеприимство
Подзывало к любой избе.

С земляком не затеешь ссору,
Приглашает: — Пивка испей!
Нынче осень, а в эту пору
Пиво варит и воробей.

...Осень. Шествует чей-то отпрыск
В школу с сумкой, а не с сумой.
Все кончается. Даже отпуск.
Что ж, Сума, мне пора домой.

Ухожу я от ягод спелых,
От журчащих твоих родников.
Ухожу от берез твоих белых
И от белых твоих грибов.

За последней в селе избою
Оглянусь я и шапку сниму.
Грустно мне. Навсегда с собою
Уношу я село Суму.

1965

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЕТА

Кто-то небо за тучами прятал,
Землю к теплым дождям приучал.
На березе задумчивый дятел
По утрам телеграммы стучал.
В лес, рассыпав тире и точки,

Просигналил пернатый радист:
«Всем, всем, всем.
Из березовой почки
Нынче выглянул первый лист!»

Скоро солнце по летним травам
Вдаль покатится, сбив росу.
Голоском по-ребячьи картавым
Залопочут осинки в лесу.

Я тебе подарю рябинку
Возле Камы на берегу.
Для тебя проторю тропинку
Прямо к домику — сквозь тайгу.

Ну а если к обещанной дате
В парму ты не приедешь к нам,
Пусть тебя растревожит дятел
Целым ворохом телеграмм!

1967

МИРОНОВ
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1929 году в городе Белорецке Башкирской АССР.

Во время Великой Отечественной войны работал токарем на станкостроительном заводе.

Десять лет работал в редакциях районных, городских и республиканских газет. Сейчас — директор бюро пропаганды художественной литературы Челябинской областной писательской организации.

Первые стихи напечатал в 1948 году, публиковался в журналах «Смена», «Юность», «Урал», «Дружба народов», «Нева», «Октябрь».

Автор пяти поэтических сборников «В родном краю», «В пути», «Сердце зовет», «Верю тебе, человек!», «Рукопожатье».

ВЕДРО ВОДЫ

Зачерпнули воду из реки,
Принесли в ведре ее домой...
Расскажи,
 вода,
 как кулики
Горько плачут утром над волной.

Расскажи, как около камней
Бьют вальками женщины белье,
Как целуют губы лошадей
В губы отраженне свое.

Сколько облаков и сколько звезд
На своих волнах качала ты?
Вспомни,
 как тумана белый холст
Вечер опускает на кусты.

Ты поведай, тихая вода,
Как с тревожной чьею-то судьбой
На мостах гремели поезда
И металось эхо над тобой.

Много ль неподатливого льда
Ты переломала по весне?..
И в ведре студеная вода
Шепчет мне о милой стороне.

1964

Урман —

он пропах прошлогодним листом,
В нем росные травы не мяты.
~~Лиса возле ели свернула в клубком;~~
Как шапка времен Салавата.

Урман —

это плавленный лед в роднике,
Багульник по кромке болота,
Над соснами —
мелом по синей доске —
Стремительный путь самолета.

1972

СОРОКИН
ЛЕВ ЛЕОНИДОВИЧ

Родился в 1928 году в городе Миассе Челябинской области в семье военнослужащего.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

С 1958 года работал в аппарате Свердловской областной писательской организации, а с 1965 года руководит этой организацией.

Неоднократно избирался членом Свердловского горкома ВЛКСМ, народным заседателем, членом райкома КПСС и Свердловского обкома КПСС, членом Правления Союза писателей РСФСР.

С 1975 года — секретарь Правления Союза писателей РСФСР.

Первые стихи опубликованы в 1948 году в журналах «Смена» и «Советский воин», печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Звезда», «Нева», «Огонек», «Дон», «Урал» и т. д. Первая книга стихов «В большую жизнь» вышла в Свердловске в 1952 году.

Автор восьми сборников стихов, среди которых «Перекаты» (1956), «Второе дыхание» (1965), «Солнце и снег» (1969), «Северное сияние» (1972). Выпустил несколько книжек стихов для детей и повесть «Маменькин сынок» (Свердловск, 1975).

Заслуженный работник культуры РСФСР. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Член КПСС с 1959 года.

МОЙ УРАЛ

Когда к Исети или Каме
Я подъезжал и подлетал,
Всегда мне синими дымками
Махал приветственно Урал.
Тяжеловесы краны бойко
С него сгружали глыбы туч.
И на плечах он
Новостройки
Держал,
И кряжист, и могуч.
А вместе с ними — все заводы,
И города, и небеса.
И прогибали спину годы,
Но возникали чудеса.
Враги дрожали перед ними
Среди огня, среди пальбы.
Те танки рядом с проходными
Застыли, взвившись на дыбы.
Но как тяжка и как сурова
Порой дорога до побед.
Не дай вам бог увидеть снова
Урал в цехах военных лет,
Полуголодный, в рваной робе...
Но, встав навек к огню лицом,
Урал учил не только робить,
А быть солдатом и творцом.
И если что-нибудь я стою,
То это только от того,
Что вместе с ним живу и строю,
И опираюсь на него.

1968

СТОРОЖ

В лесу, у школьных огородов,
Стоял березовый шалаш.
И от восхода до восхода
В нем находился строгий страж.
Мальчишка с палкой суковатой,
Он ждал, что, может, вор придет,
Тогда узнают все ребята,
Кто сохранил им огород.
Те дни, как будто эшелоны,
Летели к фронту
День за днем.
И хлебных карточек талоны
Служили нам календарем.
Готовый будто бы к походу,
Картофель армией стоял,
Мальчишка шел по огороду,
Слюну голодную глотал.
Он знал:
Напечь картошки может,
Она в земле здесь... рядом... вот...
Но он хранил и от прохожих,
И от себя тот огород.

1955

У НАШЕЙ ШКОЛЫ

На школы многие похожа
И наша школа номер пять.
Так почему седой прохожий
К ней возвращается опять?

Мальчишка, шустрый и веселый,
К нему вприпрыжку подбежал:
— Вы что? Учились в нашей школе?..
— Нет, не учился,
а лежал.

Глядит мальчишка удивленно,
А я припомнил вдруг вокзал,
Где санитарные вагоны
В ночи тревожной разгружал.

Поникший тополь полуголый,
И не в дожде —
В слезах земля,
И превращались наши школы
По всей стране в госпиталя.

Уже не классы,
а палаты,
И вместо парт —
кровати в ряд.

Но как похожи все солдаты
На старшеклассников-ребят!

Я был знаком с таким солдатом,
Он о себе мне рассказал:
Мечтал учиться он в десятом,
В девятом классе умирал!

А умирал спокойно, строго
И для меня,
для всех ребят
Был самым лучшим педагогом
Недоучившийся солдат.

1957

МАЙКОР

Ах, Майкор,—
Тракторы и краны,
Дощатый старенький настил!
Стальную Русь ты
С деревянной
Навек в себе соединил.

Мне на тебя не наглядеться,
И в час, когда спадает жар,
Меня ведет, как будто в детство,
Скрипучий, в щелях тротуар.

Милы мне чем-то и знакомы
Одноэтажные дома,
Полупустынных улиц дрема,
Дорожной пыли кутерьма.

И след гусиный
В следе шинном,
И Камы ласковый прибой,
И переклички петушиной
Разноголосый
Разнойбой.

И тополя в столетье ростом,
И взмахи сильного весла,
И то, как буднично и просто
Здесь люди делают дела.

А бревна,
Словно золотые,
В плоты сплетенные плывут.
Ах, Майкор,

Пядь моей России,
В Россию твой впадает труд.

Ты только точка,
Но измерьте
Все точки,
Слитые в страну!
Волна от Иньвенского рейда
Вздымает волжскую волну.

1973

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Слыша дальнее громыхание,
Все стихает в полях, в лесах.
Как томительно ожидание,
Как похоже оно на страх.

Каждый кустик
И стебель
Стелется,
Словно спрятаться захотел.
Не хочу замирать, как деревце,
Перед ливнем гремящих стрел.

Мелкой дрожью река охвачена,
Ну а выход один лишь —
бой!..

Сколько времени зря потрачено
На затишье перед грозой!

1973

* * *

Крутятся без устали колеса,
Фары шарят в жидкой полутьме.
— Стой, шофер! —

Глядит на нас раскосо
Женщина из камня на холме.

Это что еще за чудо-юдо
В трех шагах от нового села?
Расскажи,

из дальнего откуда
К нам в двадцатый век ты забрела?

Но молчит в ответ.
И так же хмуρο
Смотрит на дорогу за холмом.
Может, ты не древняя скульптура,
Созданная в стане кочевом?

Может быть, не зря с годами спорит
В каменном обличи тоска?
Ты ждала кого-то и от горя
Вдруг окаменела на века.

Время даже камень разломило,
И от солнца, ветра и дождя
Изменилась ты.
Но с прежней силой
Ждешь кого-то, с места не сходя.

1956

* * *

Себя считать
я должен виноватым,
Что без тебя брожу
в краях лесных?
Любовь кого-то делает крылатым
И крылья подрубают
у иных!
Нет,
не ревнуй
К путям и километрам!
Ведь не от счастья все-таки скрипят
Все флюгера,
что вертятся под ветром
И не летят!

1971

* * *

Не перекрашивай седины,
Не опускай устало рук,
Взгляни, как хороша рябина,
Когда снега уже вокруг.

Пусть в тучах вымерзли все грозы
И журавлиный скрылся клин —
Лишь после первого мороза
Есть сладость в ягодах рябин.

1974

Я — СЫН РОССИИ

Я — сын России,
Сын рассвета,
Седых берез и синих скал.
Я — сын России,
И об этом
Я никогда не забывал.

Вдыхал я запахи лесные
И бороздил речную гладь,
Я черпал силы у России,
Чтобы России их отдать.

Чтоб мы землей своей гордиться
Потом могли еще сильнее,
И в том была бы хоть частица
Неутомимости моей.

Слова отцовского завета
Я новостройками писал:
Я — сын России,
Сын рассвета,
Седых берез
И синих скал.

1972

ЯШИН
ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Удмуртский поэт. Родился в 1929 году в деревне Старые Какси Можгинского района Удмуртской АССР.

Окончил Можгинское педучилище и Удмуртский педагогический институт.

Кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета.

Автор более 40 статей и нескольких отдельных монографий по вопросам удмуртской литературы, фольклора и методики преподавания литературы.

Первые стихи опубликовал в 1948 году.

Удмуртскому читателю известен по сборникам стихов «Непроходящая молодость» (1959), «Если есть друзья» (1963), «Свежий ветер» (1964), «Зарницы» (1972).

На русском языке вышли книги стихов «Ожидание» (1968) и «Весеннее равновесие» (1975).

Он водою камской
и крестьянским хлебом,
Васильковым полем
и землей пропах.
Здравствует у нас он
в песнях и былинах
Силою безбрежной,
мужеством своим.
Но, Зэрпал, не можешь
ты сравниться ныне
С теми, кто и в битвах
стал необорим.
Храбрые взлетели в космос,
и навеки
По орбитам звездным
их маршрут пролег.
Им подвластен атом,
повинуясь, реки
Изменяют круто
свой былой поток.
Не виню тебя я,
древнего Зэрпала,
Что от нас отстал ты
силою своей,
Но она, я знаю,
тоже помогала
Стать непобедимой
Родине моей.
Я тебя, былинный,
в песне не унижу.
Пламенеют зори,
отступает тьма.
По земле иду я и яснее вижу
Будущее наше с твоего холма.

1965

* * *

— Ответь лишь «да» на мой вопрос
тревожный
И отведи грозящую беду...
И станет невозможное возможным —
Я для тебя с небес сорву звезду.
— Ах, вместо звезд, —
ответила в смущенье, —
Принес хотя бы веточку сирени.

1967

ПУСТЬ ОСТАЕТСЯ СЛЕД

По ветру плыть умеем далеко —
Волна сама влечет тебя с разбега.
Так под гору бездумно и легко
Несется вниз груженная телега.

Жить как живешь — и вся тут недолга?
Существовал — и в том твоя заслуга?
Наверно, так не наживешь врага.
Но так, конечно, не отыщешь друга.

Ты стих сложил —
пускай войдет в сердца.
Построил дом —
навек, а не на годы...
Ведь только так, не потеряв лица,
Ты можешь заглянуть в лицо народа.

Затишья в жизни не было и нет,
И в этом убеждаемся мы снова.
Коль сделал шаг — пусть остается след,
А коль сказал — пусть остается слово!

1969

ГОЛУБОЙ ДУНАЙ И БЕЛАЯ КАМА

На валуны с шипеньем набегая,
Вода им холодит крутые лбы.
— Скажи, Дунай,— спросил я у Дуная,—
Ты почему зовешься голубым?

В твоих волнах гудит бывшего эхо.
Ты с недругами был суров и крут.
А я к тебе как друг и гость приехал,
Я — с дальней камской стороны удмурт.

Гляжу на синее твое плесканье
И вижу:
ты свой цвет у неба взял.
Вот так же подарил и белой Каме
Свой цвет
седой, заснеженный Урал.

Ты, голубой, не видел белой Камы,
Ее вода с твоею не слилась.
Но голубые небеса над вами
Не общее ли зеркало у вас?!

В нем вся земля с ее земной судьбою,
С добром и злобой в мыслях и делах.

Не зря оно
 то сине-голубое,
То красное,
 то черное, как прах.

Хочу, чтоб мир был занят мирным делом
И солнце плавало из края в край.
Пусть вечно будет наша Кама белой,
Пусть вечно будет голубым Дунай.

1971

ЕЛИН
ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1916 году в городе Оренбурге в семье врача.

В 1940 году окончил музыкальное училище, но тяжелое заболевание сердца надолго приковало к постели.

Увлёкся поэзией. Переводил Г. Гейне, И. Бехера, Б. Брехта.

Переводы печатались в журналах и в ряде изданий поэта.

В 1962 году вышла книга избранных переводов «Поэзия мира и дружбы».

Затем появились книги оригинальных стихов «Лунный полдень» (1966), «Ожидание» (1970), «Все на земле» (1976).

ПЕСНЯ НА ПАМЯТЬ

В жизни не пели —
Что
В песнях!
Пытались —
Не пелось,
Хоть тресни!

А тут,
В бараках,
Сумели:
За день до казни
Они запели!
Глухо,
Зловеще,
Как из колодца,
Песня
По лагерю смерти
несется.

Никто не убьет ее,
Не остановит —
Песню,
Пропитанную
Слезами и кровью,
Песню-прощанье,
Песню-всхлип,
Песню-проклятье,
Песню-хрип,
Которая, как насмешка,
Тюремщиков дразнит,
Песню,
Родившуюся

Накануне казни,
Песню,
Не успевшую
Отпылать на просторе.
Песню,
Рыдающую
На пути в крематорий,
Песню,
Которая
С утра, на рассвете,
Хлынет в историю
Позывными
Столетий.
В бывшем лагере
Смерти,
В коридорах глухих,
Шагает дозором
Песня их.

А ведь в жизни
Не пели —
Не пелось,
Хоть тресни!..
Все же
 людям
 на память
Оставили
Песню!

1966

ПУСТИ

Женечке

Пусти меня, Женька,
В твой маленький мир,
К твоему сине-синему морю,
В страну благородных,
Отважных задир,
Еще не хлебнувших
Горя!

Пусти на лимонный
Прибрежный песок,
К твоим кораблям кривотрубам!
Пусти меня, Женька,
Туда на часок.
Пусти!
Я ведь родом
Оттуда!

Мне нужно
Туда
До зарезу,
Хоть плачь —
От трезвости
Сытой и ладной.
В твой лес закатился
Мой старенький мяч —
Пусти!
Я возьму и —
Обратно!
Но ты
Усмехаешься в ответ,
И кругом

Расцветают плакатцы:
«Детям
старше
тридцати лет
Вход в этот мир
Воспрещается!..»

Беда
С несуразною этой
Душой!
От нее
никуда
не деться!

Человек
Довольно уже
Большой,
А вот —
Не выйдет из детства!

1970

ВСТРЕЧА

Над всей землей струился дождь,
Висел туман унылый.
Я шел, не знаю сам куда,
Лишь помню, что спешил я.

Вдруг
В мутном свете фонаря
Заметил я девчонку.

Она дрожала на ветру
В своей одежке тонкой.

«Что, не пришел?»
Но та в ответ
Глядит, как неживая.
«Идем, пожалуй. Скоро ночь.
Что делать, брат! Бывает».

И мы пошли.
«Возьми мой плащ,
Ты вся уже застыла!
А в общем, птаха, не горюй:
Свиданье все же
Было».

«Оставьте! Вы совсем не то,
Вы просто...»
«Староватый?»
«Нет, что вы! Только...»
И — молчок
С оглядкой виноватой.

«Брось! Не казни себя, ведь все
Так дивно обернулось:
Ты осень встретила свою,
А я —
весну и юность.

Такие беды, как твоя,
Бывали, брат, и прежде.
Вот, право, невидаль:
Одна
Разбитая надежда!»

Над всей землей струился дождь.
Шли двое. Ночь настала.
Один о чем-то
Говорил,
Другой
Молчал устало.

1975

РАДКЕВИЧ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Родился в 1927 году в городе Белом Смоленской области в семье учителей.

В 1941 году эвакуировался в Башкирию, после окончания школы переехал в Пермь, в 1949 году окончил Пермский университет, работал в областном управлении культуры, заведовал сельским клубом, был корреспондентом радио, литсотрудником газет «Лесник Прикамья» и «Молодая гвардия». Впервые стихи напечатал в 1949 году в альманахе «Прикамье».

В 1951 году в Перми вышел первый сборник стихов «Добрый путь». Печатался в журналах «Новый мир», «Москва», «Юность», «Урал» и т. д.

Автор многих книг, среди которых «Разговор о счастье» (1955), «Просека к солнцу» (1958), «Под звездами» (1969), «Уральская лирика» (1968), «Камский мост» (1972).

Пусть же в русло одно
сливаются
У любимой моей реки
И заводы,
и солеварницы,
И соборы,
и рудники —
Здесь такое сейчас наметилось,
Что подхватит еще
молва!..
На Урале сильна
наследственность
И упорства,
и мастерства.
Прикоснись же судьбою
к родине,
Все проверь —
и любовь, и боль —
Там,
где, словно на старой робе,
На земле
проступает соль!

1972

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КУШТУМА

Редуют леса на Урале —
У рек,
у озерной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!

Лишь праха ничтожная щепоть
Да гиблая черная мгла,
Где птичий улыбчивый щебет,
Где песня лесная была,

Где с зеленью солнце смешалось,
Листою на землю лилось,
Чтоб людям полегче дышалось,
А значит, полегче жилось.

Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим. И жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты.

Прощай же, зеленое чудо!
Все громче стучат топоры
И около камня Полюда,
И около Думной горы.

Земля еще терпит и кормит —
Мы старшие в общей семье.
Когда обнажаются корни,
Нам трудно стоять на земле!

К молчанью природы привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь
От нынешних скорых прибытков
До будущих долгих потерь.

И все, что мы так потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса,
Редуют леса на Урале...
Да если бы только леса!

1971

Ее в то время выдвигали, видимо,
И вот, попав однажды в колею,
Она, еще робея, шла в президиум
И для газет давала интервью.

Чья голова от славы не закружится?
Она ж совсем девчонкою была.
А после — неудачное замужество,
Бессрочные домашние дела.

— Эй, делегатка! — Муж гогочет, тешится.—
Слетай за водкой... Сала, што ль, поджарь!
Не для нее пред выступленьем тезисы
Теперь писал партийный секретарь.

Она от всех отгородилась
гордостью.

И так, по той утопанной стезе,
Прошли года. И списан за негодностью
Друг молодости — трактор ХТЗ.

Но как-то раз весною у околицы,
Когда прохожих ливень гнал в жилье,
Мне встретились две ясноглазых школьницы,
Две возрожденных юности ее.

Как листья,
липли к телу платья влажные.
Но, видно, все им было нипочем!
Они с землею этой были связаны
Рождением, детством, радугой, дождем.

Ну а земля дымилась, плодородная.
И жизнь бродила в каждом стебельке,
И первый гром, как слава всенародная,
Опять искал кого-то вдалеке.

1963

с багром,
 как с посохом,
в сапожках новеньких
идут,
 как посуху,
глядят невинно,
бровь
 не прихмуривают.

В сторонке финны
стоят покуривают.

Толк
 знают сами
в любом заломе —
не здесь,
 на Каме,

а там,
 в Суоми.

Стоят и сетуют,
покорены:
— Эх, нам бы этаких!
...Самим нужны!

1962

Я — С УРАЛА

Как в сон, как в сказку, падал я в Москву,
Она с меня провинцию стирала.

А на вопрос привычный —
 где живу? —

Я отвечал, что родиной с Урала.

Да так ли это важно,
 где живешь?

ПОКЧИ-ПЕТРОВ
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ
1930—1959

Михаил Петрович Покчи-Петров — удмуртский поэт. Окончил Московский государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского, работал режиссером Удмуртского музыкально-драматического театра.

Заслуженный деятель искусств Удмуртской АССР. При жизни успел издать только две книги своих стихов «Тодматской» («Знакомство», 1956) и «Мал паськон» («Раздумье», 1959).

После смерти вышла книга его стихов «Под небом твоим», переведенная на русский язык поэтами Глебом Пагиревым и Олегом Поскребышевым.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Отрывок из поэмы

Перед глазами прошлое встает:
Поля, необозримые поля.
Сюда-то на прополку каждый год
Ходил, бывало, с женщинами я.
Раскидистая липа да кусты
Шумели среди поля, на юру,
И жаворонок падал с высоты,
Звенел — что колокольчик на ветру.
Сюда сходились женщины в обед:
Кто был солдаткой, кто уже вдовой.
И много песен тех, военных, лет
Я слышал здесь, под липой вековой.
А в песнях жили рядом грусть и смех,
Звучала шутка пополам с тоской;
И был причастен я не меньше всех
И к горести и к радости людской.
«Ой, тонкий клен, зеленый клен,
Мне жить без милого невмочь.
А мне такое пишет он,
Что будешь думать день и ночь.
Приеду, пишет милый мой,
Приеду вскорости домой.
К тебе, родная, путь прямой,
Да все нет поезда домой...»
А в это время, как нарочно, вдруг
К нам долетал гудок издадека,
И падали сердца моих подруг
При звуке паровозного гудка.
«Ой, паровоз, мой паровоз,
Обидел ты меня до слез:

РОДИНА

Когда в соседних деревнях
Ступал я к людям на порог,
То спрашивали все меня:
— А ты откуда, паренек?
И я, гордясь родным селом,
Спешил его скорей назвать.

А как иначе,

если в нем

Мой дом, друзья-мальчишки, мать?!
В Ижевске

В Ижевске

в восемнадцать лет

С друзьями новыми сведен,
На их вопросы

На их вопросы

я в ответ

Стал называть уж свой район.
А что же, если не район,

Мне родиною называть?!
Мое село — в районе том,

Мое село — в районе том,

В селе — друзья, родные, мать...

В селе — друзья, родные, мать...

Шли дни —

и родина моя

Как бы росла, росла со мной:
Весь край удмуртский скоро я

Весь край удмуртский скоро я
Стал называть родной землей.

Стал называть родной землей.
На улицах большой Москвы

На улицах большой Москвы
Я людям говорю не зря:

Я людям говорю не зря:
— О родине спросили вы —

— О родине спросили вы —
Я из Удмуртии, друзья.

Я из Удмуртии, друзья.
Где льются льны, как синий шелк,

Где льются льны, как синий шелк,
Где соловьи по берегам,

Где соловьи по берегам,
Там край мой кровный,

Там край мой кровный,
мой исток,

мой исток,

И детство я оставил там.

А если вдруг в чужой стране
Мне доведется побывать,
Как на вопрос ответить мне?
Что родиною мне назвать?

Отвечу:

— В мире всех видней
Страна лесов, полей, долин...
Россия, Русь —

вот имя ей,
И я — советский гражданин!

1955

ВАСИЛЬЕВ
ФЛОР ИВАНОВИЧ

Удмуртский поэт. Родился в 1934 году в деревне Бердыши Ярского района Удмуртской АССР.

После окончания Глазовского педагогического института был на комсомольской работе, редактировал газету «Комсомолец Удмуртии», журнал «Молот». Сейчас Ф. Васильев — председатель Правления Союза писателей Удмуртии.

Первые стихи опубликовал в 1949 году.

Первая книга на удмуртском языке вышла в 1961 году.

Стихи печатал в журналах «Юность», «Дружба народов», «Октябрь», «Огонек», «Урал», «Наш современник», «Москва», «Смена» и других.

На русском языке выпущены книги «Лирика» (1967), «Минута» (1971), «Черемуха» (1972), «Светлая осень» (1973), «Единственное» (1973), «Светлая осень» (переиздание, 1975).

Лауреат премии комсомола Удмуртии.

Депутат Верховного Совета Удмуртской АССР.

Член КПСС с 1958 года.

* * *

В любой чашобе
лишних нет деревьев,
и если даже вырубить кусты,
то и тогда леса лишатся древней,
естественной и дивной красоты.

Как согревает чье-нибудь участие,
когда лихой беды наступит срок,
так человек
тогда бывает счастлив,
когда он на земле не одинок.

Хватает Волге широты и сини,
но с Камою она еще синей.
И для меня бы
не было России
без маленькой Удмуртии моей.

1965

!

* * *

За речкой Моя вызрела пшеница,
высоким хлебом горизонт закрыт.
Но каждый колос ярко золотится,
как будто в каждом лампочка горит.

Мы с солнцем поднимали поле наше,
трудились от зари до темноты.

И крыльями нам жаворонок машет,
по-птичьи рукоплещет с высоты.

Как трепетны колосья на рассвете!
Волнами ходит золотой простор!
Видать, в пшенице заблудился ветер
и выбраться не может до сих пор.

1966

* * *

Чепецкие луга!
Отделкой тонкой,
раскраской щедр ковровый их наряд.
Пестрят ли это платица девчонок,
цветы ли это яркие пестрят?

В такие дни и солнце с поднебесья
подолгу не уходит на покой.
Какие песни,
ой, какие песни
девчата запевают за рекой.

От всех забот
несут нас ноги сами
на эту ширь без края и конца,
где песни задевают голосами,
как лебеди крылами,
за сердца!!

1965

РЯБИНА

Пушистый снег идет дорогой древней,
играет с ветерком вперегонки.

И кажется:

озябшие деревья
повязывают белые платки.

Давно листочки откружились чинно,
но, словно дети старых матерей,
алеющие ягоды рябины
не покидают выставших ветвей.

1964

ЧЕРЕМУХА

Когда в доме появится ребенок,
черемуху у дома посади.
Пускай ее побег покамест тонок —
пора ее цветенья впереди.

Под щебет птиц, под ликование солнца
изменится ее невзрачный вид.
А зимней ночью к твоему оконцу
она дорогу ветру преградит.

Она,
когда, мужая понемногу,
осядут дети в дальней стороне,
их будет звать к родимому порогу
с любовью материнской наравне.

Давным-давно привыкшие к разлуке,
они покинут доброе жильё,
домой вернутся
и протянут руки
к знакомым с детства ягодам её.

И вновь дороги вдаль помянут сказкой...
И вновь под небом вечной синевы
черемуха, не щедрая на ласку,
твоей седой коснется головы.

И станет вечерами и спросонок
шептать о том,
что будет впереди...
Когда в доме появится ребенок,
черемуху у дома посади.

1964

* * *

Костер прожег ночную темень,
И гордо вился дым над ним,
Но ветер спутал
Искры, тени
И от костра встающий дым.
Он хмуро по полю метался,
И, опрокинувшись во тьму,
Дым перед ветром распластался
И начал кланяться ему.

1967

* * *

А поле спит давным-давно
Под одеялом, ветром сброшенным.
В морозы лютые оно
Лежит светло и замороженно.
Спит поле. Сны его добры.
В них летний труд и песни смешаны.
И звукам давешней поры
Так тихо вторит поле снежное.
И видит, милое, во сне
(О как ему под снегом дышится!),
Что красным флагом по весне
Сама заря над ним колышется.

1975

* * *

Я к деду приставал с вопросами:
— Скажи, как человеком стать?
Дед отвечал:
 — Между березами
Твоей березки не видать...

И вот березку посадил я.
А дед мне снова:
 — Человек
Свои разворачивает крылья
В избе, построенной навек...

Я дом возвел. Обладил тыном.
— Я стал ли человеком, дед?

— Когда в избе увижу сына,
Тогда и дам тебе ответ...
Сын родился.

— Мой дед суровый,
Твой правнук ждет тебя в избе.
Я — человек?
— Вот это слово
Пусть сын твой скажет о тебе!

1966

КАРИМОВ
МАРАТ НАБИЕВИЧ

Башкирский поэт. Родился в 1930 году в деревне Кугарчи Зианчуринского района Башкирской АССР в семье учителя.

Окончил Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ и Высшие литературные курсы.

Работал в редакциях республиканских газет и журналов.

В 1964—1968 годах — редактор республиканского журнала «Пионер», с 1968 года — редактор сатирического журнала «Хэнэк».

Печатается с 1949 года.

Первая книга стихов вышла в 1956 году.

Автор более десяти книг. На русском языке в Москве и Уфе вышли сборники стихов «Весенние почки» (1961), «Не вспугни лебедей» (1972) и сборник сатирических рассказов «Министр по делам редиски» (1974).

Член КПСС с 1957 года.

У КАРТЫ БАШКИРИИ

Я у карты Родины стою,
Узнаю Башкирию свою.
Мне она напоминает руку,
Нет,
напоминает мне ладонь,
Искренне протянутую другу,
За друзей готовую в огонь.

Как мозоли, горные увалы,
Словно вены, нити синих рек.
По руке товарища бывалого
Узнает рабочий человек.
Кто с улыбкой руку подает,
Тот всегда среди друзей живет.

...Всех друзей своих на белом свете
Зачисляю искренне в родню.
Им всегда душевно и приветливо
Подаю от сердца пятерню.

Родина,
Башкирия родная,
Ты готова за друзей в огонь.
Я горжусь, что у меня такая,
На твою похожая,
ладонь!

1963

УНЕСУ В СВОЕМ СЕРДЦЕ

Не думал до этого дня,
Что так мне мой край полюбился.
Он весь словно влился в меня,
И сам я в нем весь растворился.

Умру, как и всяк человек:
Померкнут и краски и звуки.
Но все ж не смогу я вовек
Принять неизбежность разлуки.

Смогу ли покинуть, уйти
От зорь, что учили быть зорким,
От гор, помогавших расти,
От сосен с их запахом горьким —
Смогу ль, все покинув, уйти?

Смогу ль, все покинув, уйти
От речек, меня умывавших,
От троп, в мир открывших пути,
От песен, во мне прозвучавших, —
Смогу ль, все покинув, уйти?

Без них мне не жить, не влюбляться!
Всю эту земную красу —
Уж если придется расстаться —
С собой все равно унесу,
Я в сердце своем унесу.

1958

САПОЖНИК

У меня сосед — сапожник.
Вот уже который год
Он кроит и режет кожи,
Сапоги народу шьет.
Шьет и прочно и красиво...
Сам же ходит много лет
Без сапог... Но в этом дива,
Дорогой товарищ, нет.
Слышишь, как он до порога
Трудно делает шаги?
На березовые ноги
Не наденешь сапоги...
На военном бездорожье
Пали многие — не счесть.
Мой сосед вернулся все же,
Но, как видите, не весь...
Он вернулся в дом невесел,
Снял солдатское сукно,
Низко голову повесил...
А потом из всех ремесел
Выбрал трудное одно.
Лишь терпению да поту
Покорилось ремесло.
Сапоги его работы
Нынче носит все село.
Крепко сбиты, ладно сшиты...
И хоть им износу нет:
— Пусть изнасятся, — открыто
Всем желает мой сосед.
По селу, порой усталый,
Он идет, потупив взгляд.
Деревянные суставы
Об одном всегда скрипят:

— Велика моя потеря,
Тяжелы мои шаги.
Да износятся, я верю,
Люди, ваши сапоги!

1959

АУЛ С МЕДНЫМИ ПУГОВИЦАМИ

Смотрю во тьме я на аул родной:
словно, раскинув руки, предо мной
лег богатырь усталый отдохнуть,
над ним —
палаткой звездной Млечный Путь.
И на шинели у солдата в ряд,
в ряд
пуговицы медные горят.
Не пуговицы — это в окнах свет,
а там, где свет горит, безверья нет.
Тот проживет с надеждой, говорят,
того не победят, не победят.
На память мне приходят иногда
доверчивые, детские года.
...Солдат! На нем живого места нет:
ушел юнцом,
с войны вернулся — сед,
из медсанбатов, из госпиталей
солдат вернулся к матери своей.
По запыленной улице за ним
мы, сорванцы, оравой всей бежим.
Идет солдат, а грудь вся — в орденах,
вернулся из-за тридевять земель.
Желты ремни. Обмотки на ногах.

А на плечах — с иголки шинель,
и за нее — ведь все-таки нова! —
могли бы дать картошки пуда два!
Испытывало время нас бедой:
на фронте — пулей, дома — лебедой.
Мы на полях не разгибали спины,
а ночью — письма, тусклый свет лучины.
Нет фитиля — коптилка не горит,
но только не о том душа болит,
душа моя измаяна войной,
лишь о победе думает одной...
Солдата мы послушать собрались
под вечер...
Нам запали на всю жизнь
его простые, умные слова...
О, как светло! А лампа какова!
С таким большим и светлым фитилем.
И в доме стало вдруг светло как днем.
Ведь никому он отказать не мог:
вновь клоч —
шинель короче на вершок...
Лишь месяц погостил солдат.
И вот —
по улице последний раз идет.
Гудел вечерний ветер в проводах.
Солдата провожали мы селом.
Желты ремни. Обмотки на ногах —
и лишь шинели не было на нем,
а за нее — ведь как-никак нова! —
могли бы дать картошки пуда два!
Зато вокруг из окон всех домов
струился свет — и яркий, и багров.
И нам принес надежду этот свет,
Он осветил нам
мрак военных лет.
Ушел солдат,

исчез солдат вдали.
Но вечерами долго еще жгли
суконные в коптилках фитили...
Во всех домах цвели огни, огни.
Лишь пуговицы медные одни
остались от шинели дорогой...

...И вот вернулся снова я домой;
словно, раскинув руки, предо мной
лег богатырь усталый отдохнуть,
над ним — палаткой звездной Млечный Путь.
Огни, огни — из окон, из оград,
как пуговицы медные, горят...

1960

НАГРАДЫ

Я вот о чем подумал: у солдат,
прошедших за войну все круги ада,
дышавших горьким дымом Сталинграда,
давным-давно забытыми лежат
награды...
Словно это так и надо.

Лежат медали — не на пиджаках,
серебряные — не на гимнастерках,
и ордена лежат, как на задворках,
в пропахших нафталином сундуках.

Давно не прикасалась к ним рука,
копавшая окопы и землянки,
рука, не раз висевшая на лямке,
швырявшая гранаты на врага.

Давным-давно не драила она
сукном шинельным —
 чтоб они блистали! —
оплаченные мужеством медали,
оплаченные кровью ордена.

Лежат награды, как погребены...
А ведь они солдатам не мешали,
нет! Славилы они и украшали
героев, возвратившихся с войны!

Блистал, звенел серебряный прибор
наград — длинна,
 трудна была дорога...
Их много — это верно — очень много,
но тем они значительней собой!

И потому для тех, кто вновь беду
накликать хочет в дом наш, надо, надо
прошедшим за войну все круги ада
держат свои награды на виду!

1964

БЕЛОНОГОВ
АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ

Родился 4 декабря 1932 года в деревне Монашево Елабужского района Татарской АССР.

Работал матросом Верхнекамского пароходства, литературным сотрудником Можгинской районной газеты, садоводом Можгинского плодпитомника.

В 1962 году окончил Можгинское медицинское училище и стал фельдшером.

Начал печататься в начале 50-х годов в журнале «Молот» и на страницах республиканских газет.

Автор сборников «Первый разговор» (1958), «Вкусный суп» (1960), «Надежда» (1961) и других.

ДРУГУ.

Заря горит —
с ней никакого сладу.
Шуршат в кустах уставшие ветра.
И дарит бор мне
синюю прохладу
живой души,
исполненной добра.

В такую пору
мысль всегда мудрее,
светлей земные радости.
И мне
совсем легко,
и на сердце теплее
в смолистой родниковой тишине.

Люблю мой бор —
и, видно, не случайно,
когда вдруг станет в жизни
тяжело,
я доверяю
собственные тайны
раздумьям нескончаемым его.

Он слушает меня,
почти недвижим.
Моею болью сам переболев,
становится доверчивее,
ближе
ко всем, кто песней болен
на земле.

Да что мне грусть, печаль...
И даже вьюга,
что может вдруг ударить горячо,
когда в пути,
как преданного друга,
всегда его
я чувствую плечо.

1971

ВО ВРЕМЯ РОЖДЕНИЯ ДНЯ

Луч солнечный явился в небе,
Оповестив рождение дня.
И распрявился хлебный стебель,
Встряхнулся лес, листвою звеня.

Березы расплетают косы,
Став у дороги полевой,
Пруда зеленые откосы
Умыты утренней зарей.

А солнце бусинки собирает
В лесу, в полях и у дорог,
И сонно крылья расправляет
В кустах дремавший ветерок.

В деревню солнца луч добрался
И в каждое глядит окно.
Но зря людей будить он взялся —
Они в полях уже давно.

1956

ТРИФОНОВ
ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
1927—1974

Родился в городе Чистополе Татарской АССР. Окончил Уральский государственный университет имени А. М. Горького, два года редактировал многотиражку «Гарпун» дальневосточной китобойной флотилии «Алеут», был собкором «Комсомольской правды».

Первые стихи напечатал в начале 50-х годов.

Первый сборник «Завязь» вышел в Свердловске в 1959 году.

За ним последовали книги «Этажи» (1963), «Октябрьские клены» (1967), «Земли озвученная тишь» (1971), «Время» (1975).

Автор документальных книг «Мы — новотрубники» и «Дающие свет», нескольких сборников стихов для малышей.

Член КПСС с 1959 года.

МОСКВА

Кто возвращался из столицы,
Тот помнит первые слова.
— Привет! — обступят сослуживцы.
И руку жмут: — Ну как Москва?

Услышать каждому охота,
Как жизнь московская течет.
И я, еще не сдав отчета,
Моим друзьям даю отчет.

Журчит негромко речь простая.
Но вдруг прилизанный сосед
Сипит, зевоту прикрывая:
— Все это знаем из газет...

Вот что там слышно в кулуарах?..—
И, чуть подвинувшись вперед,
Он выдает нам с пылу, с жару
Столичный хлесткий анекдот.

Но я сурово обрываю
Хитросплетаемую нить.
Я не из тех, чья хата с краю,
И не могу не перебить.

Пускай запальчиво порою,
Но я скажу по существу.
И не боюсь, что вновь открою
Давно открытую Москву.

Моя Москва — столица мира!
Здесь, устремляя взгляд в века,

На Старой площади, 4,
Живет, работает ЦК.

Моя Москва — любовь святая
И незапятнанная честь...
Москва у каждого такая,
Каков он сам на деле есть.

1958

БЕРЕЗКИ

Я слышал, что в Нижнем Тагиле,
Но слухам не верил всерьез,
Бросают на слитки тугие
Прокатчики ветки берез.

И падают прутья с помоста,
Сбивают, сгорая дотла,
Окалины рыжей коросту
С листа, что нагрет добела.

И сталь, громокая катками,
Крепчает в огне и дыму,
Я знал, но не верил, пока мне
Кидать не пришлось самому.

Стою на грохочущем стане,
Картуз натянув до бровей.
Смотрю, и как будто в тумане —
Охапка лиловых ветвей.

И вижу, и вижу березки,
И детства березовый сок —
Скворечник в графитных полосках,
С брусничной водой тусок.

И листьев ажурную россыпь,
Прохладную тень на лугу.
И вдруг понимаю: «Не бросить!»
И сердце кричит: «Не могу!»

Прокатчик, мой друг и напарник,
Толкает по-свойски в плечо:
— Да ты, брат, лирический парень...
Бывает... Привыкнешь еще!..

И вот, наконец, передышка.
Дружок отошел от огня:
— Философ я, брат, никудышный,
Но выслушай все же меня.

Увидел ты смерть. Но за нею
Ты главного не увидал:
Не охать, не ахать, жалея.
А петь — прокатался металл!

Внесет он навечно в детали
Клинковую стойкость свою.
Ты видел, как прутья сгорали —
Как будто солдаты в бою!..

Стою на грохочущем стане,
Картуз натянув до бровей.
И снова как будто в тумане —
Росистая груда ветвей.

Стою и шепчу в крутоверти,
Что гибнут березки не зря.
Они торжествуют над смертью,
Бессмертье металлу даря.

1959

НА МОСТУ

Над вокзалом колышется зарево света.
Ветер капли срывает с контактной сети.
Подойду, постою, прислонясь к парапету,
На мосту,

перекинутом через пути.

Постою, помолчу... Я поездил немало.
Я искал свое счастье на трассах дорог.
Догонял, а оно от меня убегало.
Я его настигал

и настигнуть не мог.

Позади — голубые, как вымыслы, горы.
Позади — полудетские светлые сны.
Впереди — в полумраке! —

глаза светофоров,

Что от вечных бессонниц и ветра красны.

1973

РАБОЧИЙ КВАРТАЛ

Есть у рабочего квартала
Свои отметки и отсчет —
На синем гребне перевала
Металлургический завод!
Здесь нет далеких расстояний.
Здесь у литейного двора
Берут начало наших зданий
Порядковые
номера.

* * *

Дай искру мне — я запалю костер.
Дай зернышко — я выращу богатство.
Дай каплю — я направлю реки с гор
И напою корней лесное братство.
Дай мне резец — я обточу янтарь.
Дай светлячка, мерцающего в чаще,—
Я подниму полуночный фонарь,
Чтоб мог идти на свет впередсмотрящий...
Захочешь мне за все труды воздать —
Скажи два слова, жаркие как донник.
Их говорила мне родная мать.
И ты скажи мне тихо:
— Мой работник!

1971

НАЙДИЧ
МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1924 году в городе Кременчуге Полтавской области в семье служащего.

С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте.

В 1944 году после тяжелых ранений был демобилизован и работал на заводе в городе Уральске.

С 1947 года живет в Свердловске. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Первые стихи напечатал в 1949 году.

Первая книга стихов «Разведчики весны» вышла в 1956 году в Свердловске. Стихи печатал в журналах «Москва», «Звезда», «Дружба народов», «Юность», «Октябрь», «Огонек», «Смена» и других.

Автор двенадцати поэтических сборников, в том числе «Возле сердца» (1958), «Земная волна» (1960), «Жду лета» (1962), «Богатство» (1964), «Постоянство» (1968), «Путь» (1974), и прозаических книг «Шинель на вырост» (1959), «Простор на все четыре...» (1972), «Высшая мера» (1973).

В ГОРАХ УРАЛА

Вечерний лес.

Он за черту
Уходит — призрачен, огромен,
Но вот уже сиянье домен
Отодвигает темноту.
И сразу вспыхивает высь,
И тучи в красное одеты,
И кажется, что все рассветы
В горах Урала родились!

1971

О СВЯЗЯХ

Уродливое,
Грязное,
Не наше —
Ему давно пора прошедшим стать...
Вот надо в институт попасть Наташе —
И сам папаша едет хлопотать.
А ты... Ты вспомнил грохот, комья грязи
И разбомбленный начисто кювет...
Ты только раз
Использовал все связи —
Чтобы попасть на фронт
В шестнадцать лет.

1955

МОЛОДАЯ ТРАВА

Виссариону Саянову

Казалось бы, что тут такого,
Не первый случается год,
Но вот, понимаете, снова
Она за живое берет —
Травинка!
А рядом другая!..
Наверное, стали тесны
Границы переднего края
Разведчикам новой весны.
Им нечего голову вешать,
Смелеют:
 — Ну, как тут у вас?
Земля нас, конечно, поддержит?
И солнце в обиду не даст?..
А все же
Порою им туго:
Зимы
 еще рядом шаги —
И нет ни укрытья, ни друга,
И есть лишь враги да враги.
Вот — крупнокалиберный
Косо
Грохочущий град их сечет,
Бросает судьбе под колеса...
Да кто же все беды учтет!
Прохожий их топчет нередко
И ветер злопамятный рвет.
...Бывает, что гибнет разведка.
Но а р м и я
 следом идет!

1955

* * *

Да! Земле достается —

свинцом ее косит.

А порою бросает в метельную дрожь.

Суховеями жгут...

А она — плодоносит,

Над собою качая пшеницу и рожь.

Вспоминается зной, вспоминается засуха,

А сейчас холода.

Как бы хлеб не промерз!

Я всю степь, как щенка,

Положил бы за пазуху

И куда-нибудь в теплое место унес.

1967

ПОД РОДНЫМ НЕБОМ

И до сих пор богатыри

Из русских изб выходят просто.

Мальчишка небольшого роста

Плечом касается зари.

Он мог пройти к реке по сходне,

Да вот прошел

Канаву вброд.

Ему от матери сегодня,

Наверно, крепко попадет.

Ведь журавли летят над вербами

И потускнела синева,

Ведь нынче заморозки первые

И заболеть — как дважды два.

Стоял серебряный и бронзовый
Медалей наших перезвон.
Потом оркестр.

Сверкают молнии.

В саду, у самого лица,
Оркестр играл «Шаланды, полные...»
Из кинофильма «Два бойца».
В тех звуках

ухарство и мужество,

За тактом такт, во все концы;
И каждый вслушивался в музыку,
Как два бойца,
Как все бойцы.
Полуходячие,

не денежные,

Полуодетые притом.

...Но нет, не обижались девушки,
Что мы не в «полном боевом».

И, переполненные вальсами,
Они казались всех милей —
Своими худенькими пальцами
Касались наших костылей.

А мы

прощались независимо

И не трепались про любовь,
Надеясь обмануть комиссию
И на передовую —

Вновь!

И сквозь неясность и томление,
И сквозь безветрие и штиль
Нам ночью

Снились наступления —

И в этом был

высокий стиль.

* * *

Порой бывало —

люди на войне

И от случайной погибали пули,
Не в схватке, не на танковой броне,

Не в обороне

И не в карауле...

Нелепейший обстрел.

Встают дымы,

Полуторка трясется на ухабах —

И стон, и кто-то падает... А мы,

Мы скорбно пишем людям:

«...смертью храбрых».

Писали мы — и видели глаза

Старушечьи, девчоночьи, ребячьи...

Сверкнула на Рязанщине слеза,

Еще одна...

Могли ли мы иначе?

Мы лгали?

Нет, не лгали мы ничуть —

Такое было б

просто недостойно.

Вот он лежит. Шинелка. Русский чуб.

В глазах его спокойно-преспокойно.

Ни в чем ни перед кем не виноват,

Лежит он,

придавив спиною глину.

Беру его притихший автомат,

Диск полон?

Нет, он пуст наполовину.

Той ночью был

у перелеска бой,

Невиданный, пожалуй,

по накалу.

Наш друг строчил, от копоти рябой,—
И ни одною пулей не солгал он!
Горела степь:

кустарники, хлеба;
А он — спешил доставить донесенье,
Он мог и здесь упасть,
но... «не судьба»
(Как говорят в народе
и доселе).

Так полыхай же,
честный наш рассвет,
На крышах изб, как на высоких храмах.
Бесславной смерти не было и нет
У тех,
кто жил на свете
жизнью храбрых.

1973

ПОДЪЕЗЖАЯ К УРАЛУ

Константину Мурзиди

Урал начинается с леса.
Стопились сосенки гурьбой,
Их кроны — зеленым навесом
У поезда над головой.
А дальше, а выше — отроги
Стальной подпирают простор.
Их можно руками потрогать —
Урал начинается с гор.
Пусть холод лютует жестокий,
Но домна всегда горяча.

АТНАБАЕВ АНГАМ КАСИМОВИЧ

Башкирский поэт. Родился в 1928 году в деревне Старый Курдым Татышлинского района Башкирской АССР в семье крестьянина.

В 1951 году переезжает в Уфу. Много лет работал в редакции республиканской газеты «Кызыл тан».

В 1958 году вышла первая книга стихов «Разговор с сердцем». Затем появились сборники стихов «Встреча с молодостью» (1961), «Я к тебе обращаюсь» (1963), «Стихи и поэмы» (1966), «Строки души моей» (1967), «Годы оставляют песни» (1975).

Автор пьес «Он вернулся», «Суд матери», «С законным браком», «Песня о любви», «Близнецы», «Дети мои», «Огонь», которые ставились почти всеми театрами Башкирии и Татарии.

На русском языке выпустил книги стихов «Любовь моя, тоска моя» (1969), «Ты всегда со мной» (1972).

Лауреат премии Башкирского комсомола имени Г. Саляма.

Что вечен он
И горе — не беда...
Пусть только души черными не будут,
Пусть черных душ
Не будет никогда!

1965

РОДНОЙ ДОМ

Из поэмы «Мой современник»

В деревню ты со стройки воротился.
Мать бросилась ворота открывать.
Все эти бревна дома, где родился,
Тебе отца напомнили опять.

Дом пятистенный —
Он отцом построен;
Надежный сруб, и все бы ничего,
Да только крыт соломою простою —
Отец когда-то наспех крыл его.

Отменно был фундамент дома сложен —
Из камня основанье клал отец;
И крышу бы как надо сделал тоже,
Да не успел,
Ушел в огонь боец.

Плечо ремнем винтовки натирая,
Он шел и шел дорогой боевой.
Казалось, нет врагам конца и края:
Чуть одного добьет — встает другой.

Из боя он последнего не вышел,—
Настигла мина,
Пал отец в борьбе.
Достался дом с соломенной крышей
И с каменным фундаментом — тебе.

Солома-то, она и есть солома —
Под ливнем начинает крыша течь.
А в стужу
И в тулупе мерзнешь дома,
Хотя и топишь раза по три печь.

Железо бы на крышу!
Дела много:
Смени венцы — пусть обновится дом!
Фундамент же его
Ты и не трогай —
Как следует заложен он отцом.

Те камни, что легли в основу дома,
Отец носил один издалека.
Тебе и поколению другому
Основы этой хватит —
Ведь крепка!

Пусть и ошибки были в деле новом,
Что зачинаясь в трудные года,
Пусть низковата крыша,
Но основу
Мы не позволим тронуть никогда!

САФИН
РАФАЭЛЬ АХМЕТСАФИЧ

Башкирский поэт. Родился в 1932 году в деревне Еланлино Кигинского района Башкирской АССР в семье колхозника.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

С 1957 по 1961 год работал в редакции газеты «Совет Башкортостан», а с 1962 по 1970-й — сотрудником журнала «Агидель».

Сейчас — ответственный секретарь Правления Союза писателей Башкирии.

Первые стихи опубликовал в 1950 году.

Автор книг «По велению жизни» (1956), «Я не знаю спокойной любви» (1960), «Доверие» (1964), «Восторг» (1967), «Стихи» (1969).

Русскому читателю известен по книгам, изданным в Москве: «Весна на Юрюзани» (1961), «Акбузат» (1970).

Член КПСС с 1975 года.

ПЛЯСКА ВДОВ И БЕЗНОГИХ КАЛЕК

Видел я, как безногие
Пляшут в пыли,
Пляшут, в сторону кинув
Свои костыли.
В День Победы я это видал.
До сих пор
Помню пляску
И яростных струн перебор!

Не ступать, не плясать
Им изящно вовек!
О тяжелая пляска
Безногих калек!
Пляшут — радость в глазах,
Слезы, боль одолев,
В гех, в которых темнел
Справедливейший гнев!

Я не верю,
Что можно забыть о ноге,
О потерянной в жарком сраженьи ноге.
Эй, кто там говорит,
С заключеньем спешит,
Будто в непогодь
Эта нога не болит?
Сердце бьется,
И слышится стук мне тугой —
В деревянный настил
Деревянной ногой!
И напомнит порою,
Веселому, мне
Этот стук «тук-тук-тук»

О прошедшей войне.
«Тук-тук»,— будто бы дятел вдали,
«Тук-тук»,—
Глухо стучат костыли.

Вижу я в День Победы,
Как будто сейчас,
По-мужскому стремительный
Вдов перепляс!

О, веселая пляска
Матерей и сестер!
Вспоминаю ее
И во сне до сих пор!

Пляшут так,
Будто молнии блещут кругом,
В каблуках
Под ногами
Задыхается гром.

Пляшут вдовы —
Платок от плеча до плеча,
То роняя слезу,
То вовсю хохоча!

Так вот ветлы
Склоняются в пору дождей
И стучат, словно в бубны,
Ветвями сильней.

В светлом зале от топота
Люстры дрожат.
В светлом, праздничном зале
Вдовы кружат!

Пляшут вдовы,
Нечаянным счастьем полны,
И в глазах у них светится:
«Нету войны!»

Только кто ж им вернет мужей,
Женихов!
Кружит в зале с подругами
Молодость вдов.

Я, бывало, вздыхал и домой уходил.
С ними вместо убитых
Плясал и дружил.
Видел я эту пляску
Вдов и калек.
Лучше мне бы не видеть
Той пляски вовек.

1958

КОГДА ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Какое небо ясное сейчас!
«Курлы-курлы...» — проносится над нами.
«Курлы-курлы...»
И думы в этот час
Кружат над детством, над былыми днями.
Какое небо ясное сейчас!

У Ай-реки лежу в березняке.
Звенит в ушах моих напев прощальный
И дня и журавлей в дороге дальней.
Сегодня здесь, а завтра вдалеке...
У Ай-реки лежу в березняке.

Над головой качается березка.
Смеясь, играют волны-малыши.
Уже летит листва желтее воска.
«Курлы-курлы...» — проносится в тиши.
Над головой качается березка.

Как будто в колыбели я лежу
И слышу голос милый. Напеваает
Родная мама. Колыбель качает.
Сквозь сомкнутые веки я гляжу,
Как будто в колыбели я лежу.

Как будто слышу маму и сейчас:
«Лети навстречу будущей судьбине,
Но не ищи успеха на чужбине.
Взгляни, как хороша земля у нас».
Как будто слышу маму и сейчас.

Какая синь! Конца ей нет и края.
Лежит под нею светлая земля.
Качает солнце светлое меня.
Земля родная — люлька золотая.
Какая синь! Конца ей нет и края.

«Курлы-курлы...» — летит над нами вдаль.

1957

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ!

Вы вращаетесь в сферах — ну что же,
вращайтесь.
Только если отчаетесь, значит, скорей
С суетой распрощайтесь,
домой возвращайтесь!

Возвращайтесь почаще домой!
Возвращайтесь!
Ведь не зря над крылечком рябины горят...
Человеческой сути своей причащайтесь!
Возвращайтесь скорее к своим матерям!

1970

ФИЛИППОВ
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Родился в 1932 году в селе Юмагузино Кугарчинского района Башкирской АССР в семье крестьянина.

Окончил Башкирский государственный педагогический институт. Работал преподавателем в средней школе. Десять лет проработал корреспондентом и редактором Комитета по радиовещанию и телевидению Башкирской АССР.

С 1968 года — в аппарате Союза писателей Башкирии, является председателем секции русских писателей.

Печататься начал с 1950 года.

Первая книга «Зарницы» вышла в Уфе в 1961 году, там же вышли книги «Журавлиный полет» (1965), «Горсть земли» (1968), «Пора тополиных вьюг» (1972) и другие.

Кроме того, А. Филиппов выпустил книгу очерков «Туесок народных сокровищ», написал несколько сценариев для документального кино. Фильм «Башкирский мед» по его сценарию в 1965 году на Всемирном конкурсе в Бухаресте был удостоен премии. Член КПСС с 1958 года.

СЕЛЬСКИЙ ЗАПАХ

Запахло поджаристым хлебом
Сегодня в квартире моей,
Рекою в кувшинках и небом,
И горькой полынью степей,
Черемухой, высохшим сеном,
Упавшей лозой в водоем...
И я не пойму перемены,
Случившейся в доме моем.
И память мою охватило
Тоской по деревне опять:
В мою городскую квартиру
Сегодня приехала мать.

1961

* * *

Как из сказки, пришла непрошенная,
Принесла рассвет голубой...
Сколько было с тобой хорошего,
Сколько грустного было с тобой!

Ты стоишь, прямая и ласковая;
Всю, до родинки каждой любя,
Все гляжу на тебя, как на сказку, я,
Как на сказку, гляжу на тебя.

Сказка давняя, сказка древняя,
До сих пор не забытая мной,

Где летят журавли над деревнями,
Гуси-лебеди — над водой.

В их последнем, осеннем трепете —
Чья-то музыка, чей-то лик...
Гуси-лебеди, гуси-лебеди,
Лебединый прощальный крик.

1962

ИСТОКИ

У причала чайка прокричала
И упала за седую ель.
Где же ты берешь свое начало
Белая, как чайка, Ак-Идель?

На ветру, на сквозняке простыли
Тоненькие веточки берез.
Где же ты, река моя простая,
Свой исток серебряный берешь?

Облака проходят бело-белые,
Но белей, чем эти облака,
Ак-Идель,
Или по-русски Белая,—
Светлая, как девушка, река.

Наклонилась нежно над протокой,
Чтоб напиться,
Тонкая ветла.
Значит, очень светлые истоки
У тебя,
Коль ты сама светла.

1965

* * *

В меня пчела вонзила жало,
Жужжа, взметнулись два крыла.
Но нет, пчела в траву упала,
Наказанная, умерла.

Как плохо, что у нас бывает
Среди людей, наоборот:
Ужаленный не выживает,
А вот ужаливший — живет.

1966

ОСЕНЬ

Выйду в поле по тропинке длинной,
Разгоню ненужную печаль.
В синем небе стая журавлиная —
Словно треугольная печать.

Облюбую первую поляну,
Жниву рыжей бородатой ржи,
Над которой весело и пьяно
Мечутся последние стрижи.

И бегут машины,
На развилках
Сеном раструсившимся пыля.
Гладко, как солдатские затылки,
Выбриты пшеничные поля.

Рассекая дымчатую озимь
Строчками проселочных дорог,
Пишет наступающая осень
Пройденному лету некролог.

Розовыми листьями — по кочкам,
Утренней росой — по борозде,
И последний грач
Мелькает точкой
На конце рассказа о страде.

1968

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Какая б ни стряслась над ним беда,
Оно не блекло, не теряло алость.
Нет, знамя не склонялось никогда,
Ни перед кем покорно не склонялось.
Лишь пред погибшим
За него
В бою
Оно склоняет голову свою.

1967

ДОМНИН
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1928 году в Пензе в семье служащего. С 1934 года живет в Перми. Здесь в 1951 году окончил историко-филологический факультет Пермского университета.

Работал в газетах, в книжном издательстве.

Первый сборник рассказов для детей «Майми» вышел в 1951 году в Перми. Потом были напечатаны исторические повести «Матушка Русь», «Дикарь», «Поход на Югру».

Автор четырнадцати книг, среди них стихотворные сборники «Руки» (1966), «Заклинание огня» (1971).

ДОРОГИ

От огня к огоньку осторожные вьются
проселки —
Не скользнут под обрыв, не полезут
в холодный туман.
Наплутавшись, прижмутся, разбитые,
к дальним поселкам,
Где, как старые лошади,
сгрудившись дремлют дома.

В вековой заботе они, как ручьи,
однолики:
Что найдешь на дороге — пятак
в порыжевшей пыли?
А от них в стороне, за обочиной —
лунные блики
В безмянных озерах лохматые звезды
зажгли.

И вздыхают глубины, глухие,
как черное небо.
На русалочьих плесах ясные светят цветы.
Я бреду сквозь чашобу туда, где никто
еще не был.
Или был и остался. И травы укрыли следы.

Я вхожу в этот мир в ожидании близкого
счастья.
Только есть у дорог материнская сила
и власть —
Стану снова и снова я к их огонькам
возвращаться,

* * *

Блекнут в памяти встречи и даты,
Не вернешь их — зови не зови.
Не пришли из похода солдаты —
Поубавилось в мире любви.
Те же речки в оврагах воркуют,
В путь машины уходят с утра,
А забытые песни тоскуют,
Как бездомный старик у костра.
Им, давнишним, не люб и не светел
Городов суетливый уют —
Под гитару солдатские дети
Там напевы иные поют.
Пахнет ветер грозой и укропом,
И покойно в домах, и темно.
Бродят старые песни по тропам,
Постучать не решаясь в окно.
Отвори им все окна и двери,
Их на праздник к себе позови —
Я не верю, ты слышишь, не верю,
Что убавилось в мире любви!

1971

* * *

Степной огонек на пути
Да синее пламя зарницы.
В полете не ссорятся птицы,
А нам еще долго идти...

1972

ЛАПЦУЙ
ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ

Ненецкий поэт. Родился в 1932 году в поселке Новый Порт Ямало-Ненецкого национального округа в семье охотника-оленовода.

Был пастухом, рыбаком, работал на рыбозаводе, окончил медицинское училище в Салехарде, два года учился на отделении журналистики Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, а в 1963 году заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Работал инструктором, заведующим отделом пропаганды, секретарем Ямало-Ненецкого окружного комитета ВЛКСМ, первым секретарем Ямальского райкома ВЛКСМ, председателем Перовского исполкома районного Совета, лектором окружкома КПСС. Печатал свои стихи в журналах «Дружба народов», «Урал», «Сибирские огни». Первый сборник стихов «Цвети, мой Ямал» вышел в 1960 году.

У Л. Лапцуя более десяти сборников стихов и две книги рассказов, изданных в Москве, Ленинграде, Свердловске и Тюмени.

За поэму «Эдейка» (М., «Детская литература», 1973) получил премию на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу для детей.

Член КПСС с 1954 года.

ЛЮДЯМ РАДОСТЬ Я ВЕЗУ

Сел на нарты,
Крикнул: — Хэй! —
да взмахнул хореем,
и, как крылья лебедей,
снег обдал оленей.

За селением Югрой
в отблесках рассвета
мчится облако за мной,
не теряя следа.

Не отстанет от тебя
ни за что в дороге...
Мельтешат, пургу клубя,
у оленей ноги.

То ли ветер, то ль буран
опустился с неба?!
Ледовитый океан
захлебнулся снегом.

Ни дорожки, ни тропы
днем с огнем не сыщешь.
Оглашает стук копыт
тундровое днище.

На малице до бровей
леденцы-осколки...
Ой, оленьих скоростей
берегитесь, волки!

Чуть слова мои слышны,
на губах теснятся,
но олени-бегуны,
ног не чуя, мчатся.

Ой, пурга, ты не крути,
не труби тревогу...
Я с собою прихватил
песенку в дорогу.

Хватит песни, знаю сам,—
как не хватит, если
нет начала и конца
у ненецкой песни...

Я везу назло ветрам
за сто километров
из райцентра землякам
радости в конвертах.

1968

ЛЕНИНСКИЙ МЕРИДИАН

Наш лайнер воздушный в белесом дымке
Плывет по кудрявым волнам облаков —
Так белый олень среди белых снегов
На север спешит к ледовитой реке.
На этой реке Красный город стоит —
У ненцев зовется он Нарьян-Мар,—
Как дерево тундры, скромн на вид,
Суров и спокоен, как тундра сама.

Бородкою щеки мои щекотнул
Тот ветер рассветный, одетый в туман,
И я со ступенек на землю шагнул,
Шагнул я на Ленинский меридиан.
Мне это открытие — как праздничный дар.
Мне это известье — как песенный лад.
Баку, и Ульяновск, и Нарьян-Мар
На меридиане едином стоят.

Кружится от счастья моя голова,
Как будто в Ульяновском парке стою
Иль вдруг комиссаров бакинских слова
Я слышу — и сердцем мужаю в бою.
Три города связаны общей судьбой,
И в северном этом, невзрачном на вид,
Вдруг нефтью запахло, и смертной борьбой,
И степью, где Волга в апреле шумит.

Отсюда мне слышен Октябрьский набат,
Отсюда мне виден пожар кумача,
Осенние ветры в фанфары трубят,
И смотрят на север глаза Ильича.
Струится речей его чистый поток,
Травой и листвой повторен нараспев,
И дум его золотоносный песок
Сияет на каждой старинной тропе.
По Красному городу северян
Иду я, счастливый, лицом на рассвет.
Я вижу сверкающий меридиан,
Как мост перекинутый, меридиан,
Связующий вехи событий и лет.

1969

ЛУК

Когда он родился, упругий звучный лук?
Тот век полузабыт, а час незасечен...
Он прадедам моим кормилец был и друг,
Враждебным племенам сулил погибель он.

Когда была земля красна и горяча
От крови, что лилась, от гнева, что горел,
Бесстрашней и прямой полдневого луча
Был дерзостный полет остроконечных стрел.

В излучинах речных чернели те следы,
Где падало зверье, где недруги легли...
Отметины чужой непамятной беды
Щетинистой травой навечно заросли.

Я мысленно хочу тот лук поднять с земли,
Но груз былых веков лежит на тетиве.
Жестокий тот язык, звучащий издали,
Поймешь ли до конца, гуманный человек?

Я силюсь расщепить древесные слои,
Из коих склеен лук — трехслойная дуга,
Но вечный горизонт попробуй раздвой,
Попробуй раздели на тучи и снега!

Я силюсь натянуть рукою тетиву.
Но жилы в ней тверды, как мамонта клыки.
Гляжу на древний лук и грежу наяву
Той силой молодой
прадедовой руки...

Враждою ли пылал природы древний лик,
Таила ли врага колючая трава —

Поведай мне о том, костра прямой язык,
Как в каменных руках звенела тетива!

Во славу тех побед пускался в пляс огонь,
А древний бог зари и ликовал и пел.
Подобно малышу, что босою ногой
Певунью-тетиву нечаянно задел.

Наверно, разум мой в туманах заплутал,
Коль давние века воскресли для меня,
А то зачем же лук моим оружием стал,
Врагов моей земли под снегом хороня?

Зачем мои стихи вихрятся на ветру,
Подобно волосам косматой головы?
Зачем я захмелел на том былом пиру?
Так спросите меня, внимательные, вы.

Не знаю, может быть, округлый мой Ямал
И нефтепровод наш, гудящий тетивой,
Напомнили мне лук, упругий, как металл...
Так позавидуй мне, могучий предок мой!

1973

АГЕЕВ
НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ

Родился в 1926 году в деревне Старопанькино Курганской области в крестьянской семье.

В годы войны учился в ремесленном училище, восемь лет работал слесарем на заводе.

В 1952 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького.

Работал в журнале «Октябрь». Сейчас — в аппарате Правления СП РСФСР.

Первое крупное произведение Н. Агеева — поэма «Огни над Чусовой» — опубликовано в журнале «Октябрь» в 1957 году.

Первая книга «Горное плечо» вышла в издательстве «Советский писатель» в 1959 году.

Автор нескольких книг стихов, выпущенных в центральных и уральских издательствах: «Родниковые звезды», «Голубая стремнина», «Солнечное сердце», «Новое свидание», «Остаюсь влюбленным», «Огни над Чусовой» и других.

Член КПСС с 1956 года.

* * *

Гремит салют
В честь армий танковых
И в честь брони твоей, Урал!
Ты душу в них когда-то вкладывал,
Чтоб броневой крепчал удар.

...Дымится карта пройденной Европы,
И снова пыль туманит мне глаза.
Следы машин,
Как спутанные стропы —
Их бой узлами намертво связал...
Я слышу скрежет накрененной башни
И вижу дым из щели смотровой...
Все это день Истории —
Вчерашний,
Далекий,
Бронеглавый бой...

А здесь в цехах в те дни —
Стремительно
Электросварки крошится искра! —
Работает Урал танкостроительный
Без роздыха с утра и до утра.
Я среди них —
Высоких, остроскулых,
Мастеровых, смекалистых людей!..
И мы в раскатах заводского гула
Не досыпаем всю войну ночей.
В рабочей спецодежде,
Как в кожанке,
Что задубела,

Стала как броня,
В те дни мы были
Командиры танков
И комиссары стали и огня!
Нам время так держать повелевало!
«Тридцатьчетверки» —
Наших рук дела...
О, сколько их стоит на пьедесталах!
Урал не знает —
Нету им числа...
Но каждый раз,
Когда гремят салюты,
Раскатами чуть небо накренья,
«Тридцатьчетверок» открывая люки,
Опять танкисты смотрят на меня!

1970

* * *

Магнитогорское утро.
Снова
За сизую роздымью лет,
Траншейной землей окольцован,
Идет мне навстречу рассвет
От самой подошвы Магнитной,
Не каменной —
Рудной горы...
Дымы поднимая к зениту,
Расправили плечи костры.
Красивое время.
Работа
Кипела, как в чане вода,

И капля тяжелого пота
Пройдет —
На лице борозда,
В посконных рубахах ребята,
Скупые в делах на слова,
Никто из них силу не прятал,
А сила была такова,
Что можно свернуть и не горы,
А все континенты Земли...
Стоит белокаменный город
В степной прокаленной пыли.
Крест-накрест — кирка и лопата,
Сроднились, как Молот с Серпом.
Мы вас поименно, ребята,
Грозу погасив в сорок пятом,
Оставили в сердце своем.

1973

* * *

Хочу я снова о дорогах
Поговорить, мой друг, с тобой.
О них уже писали много,
Но романтическим дорогам
Вовек не будет дан отбой!
...А мне моя дорога снится,
Зовет меня издалека,
Как звезднокрылая зарница
Над сизой гривой тальника.
Пришлась она на ту годину,
Что ни забыть, ни зачеркнуть,
И мне,

Земли уральской сыну,
Один-единственный был путь —
Вот через эти заводские
Ворота в красных выпелах
Шагнуть под своды громовые
И удивленно молвить: «Ах!..»
И нас тогда
Рабочим классом
Назвал открыто кадровик...
Бежит дорога нитью красной
От смены к смене — напрямик.
Шагать по ней нам было лестно —
Плечо в плечо стоят станки.
Клокочет сталь,
Визжит железо.
И нам пример — большевики!
И вот сейчас, когда я слышу:
Мол, работяга, как живешь?
То я опять воочью вижу
Поры военной молодежь.
Раскатный гул.
Протяжный скрежет.
И высверк сварочных огней.
Вливалась в ритм моторных песен
Дорога юности моей.
Ее я снова ясно вижу —
Ничто ее не заслонит!
Я до сих пор влюбленно слышу,
Как эхо той поры гремит.
...Нам время выбрало дороги,
Державный указав простор,
Где были радости, тревоги
И вечной юности
Задор!

1971

* * *

Весенней дымкой Зауралье
До самых звезд замечено...
И, начиная день хрустальный,
Плывет рассвета полотно.

Рассвет идет из-за Тобола,
Высокогрудый, как прибой.
И пологов туманных полы
Проносит низко над землей.

Я в это утро с земляками
Иду по свежей борозде
Вон к той, висящей над полями,
Еще не скрывшейся звезде.

Кругом простор голубоглазый,
Но любоваться недосуг —
Заметят хлеборобы сразу,
Что по земле тоскует друг.

И я тоски от них не скрою,
Пусть видят, как она сильна,
Как связан я с родной землею —
Она в наследство мне дана

Отцом, Агеевым Егором,
Что шел за плугом до войны
По сизокрылым косогорам
Моей былинной стороны.

Я замедляю шаг, вдыхая
Пшеничный воздух тишины...
Как облакам, плывущим стаей,
Мне все поля вокруг видны.

И роздымь утреннего часа
Остра, как первая роса...
И я в то утро откликался
На все земные голоса.

1968

* * *

Рассвет непуганую птицей
Парит над зеркалом воды.
И быстроногая синица
Взмахнула крыльями:
— И-ди!

И сразу небо на востоке
Зарделось бархатной каймой,
И купол был его высокий
Насквозь пронизан синевою.

Все просыпалось, оживало,
Тянулось к солнечным лучам,
Звенело, пело, клокотало
И по лесам, и по лугам...

Наискосок от горизонта,
Как бы сиреневый снежок,
За самолетом тонко-тонко
Тянулся солнечный стежок.

И председатель, улыбаясь,
Ладонь подставив козырьком:

— Не сын ли это мой, красавец,
Прошел над нашенским селом...

И снова солнечное утро
Слепит отцовские глаза.
И над водою дремлет чутко
Чуть наклоненная лоза.

1967

* * *

Березники Березниками,
И Соликамск как Соликамск...
Я все еще прощаюсь с вами,
Хотя давно вдали от вас.

Но все мне чудится, что снова
Свиданье с вами у меня...
Зачем я вами околдован
На стрежне солнечного дня?

И улыбается мне Кама
Своей уральскою волной,
Она зовет меня гудками
Под купол неба голубой.

Или невестою-чардынкой
Глядит приветливо в глаза,
И золотится, словно дымка,
Ее волшебная коса.

В своем кокошнике высоком —
Царевна северной весны!
Она ведь здесь не одинока
И ей пришельцы не нужны!

Но как же ей не любоваться
И как поклон ей не послать...
Настало время расставаться,
А мне и глаз не оторвать...

1969

* * *

Я доверяю вам, Ракетные войска,
Моих озер нетронутые чаши,
И седину отцовского виска,
И сладкий сон дочурки нашей
Вам доверяю я, Ракетные войска.

Я доверяю вам, Ракетные войска,
Рассветов изумрудные зарницы,
И звездное дыханье родника,
И пламя вызревающей пшеницы
Вам доверяю я, Ракетные войска.

Я доверяю вам, Ракетные войска,
Цеха индустриального Урала,
Сибирских рек лесные берега
И синеву хрустальную Байкала
Вам доверяю я, Ракетные войска.

Я доверяю вам, Ракетные войска,
В сраженьях опаленные знамена,
И свет их, озаряющий века,
И все, на что смотрю влюбленно,
Вам доверяю я, Ракетные войска.

1963

МОЛОДЦОВ
ГЕННАДИЙ ПОРФИРЬЕВИЧ

Родился в 1926 году в деревне Михайловке Гафурийского района Башкирской АССР в семье крестьянина.

Учился в Уфимском нефтяном институте имени Г. К. Орджоникидзе, но учебу прервал из-за смерти отца, вернулся в Гафурийский район и начал преподавать в школе.

Заочно окончил в 1954 году Башкирский учительский институт, работал директором Софьинской восьмилетней школы.

Первые стихи опубликовал в 1954 году. Автор книг, изданных в Уфе: «Моя тропинка» (1959), «Верность» (1964), «Одноэтажная улица» (1966), «Семицветье» (1971).

Член КПСС с 1963 года.

* * *

Живу на улице одноэтажной,
На самой нужной,
На самой важной.
На той,
Широкой,
Под чистым небом.
На той,
Что кормит Россию хлебом.

1966

ЛЕТО

Уйду в промозглый холодок рассвета,
Разворошу веслом речную гладь.
И для меня сегодня будет лето,
И мне когда-то надо отдохнуть.
Уйду туда,
Где звонкие стрекозы
Качаются на былках камыша.
Уйду туда,
Где созревают грозы
И вольным ветром тешится душа.
Пропахну рыбой, пропитаюсь тиной,
Вернусь домой,
Как из далеких стран...
Любая лодка стоит бригантины,
Когда река впадает в океан!

1966

СОН

Хриплый свист кривой дамасской шашки,
Звон копыт
И ржанье кобылиц...
Хлещет кровь на белые ромашки,
На головки смятых медуниц.

Налетела вихрем вражья стая,
Оглушила визгом,
Сбила с ног.
Я упал.
Прощай, моя родная,
И прости,
Что не упасть не мог.

Черный ворон,
Припадая к ране,
Жадно пьет мою парную кровь.
Уведет кочевник на аркане
В дальний край
Тебя,
Моя любовь.

Там из-за красивой полонянки
В смутную минуту дележа
Загорится злая перебранка,
Запылет лезвие ножа...

Только не бывал я в диком поле,
Не носил секиру на плече.
За позор,
За смерть твою в неволе
Отомстить не клялся на мече.

Помоги мне разомкнуть ресницы,
Дай понять, что это снится мне.
Не сойдет с прочитанной страницы
Хан Батый на вздыбленном коне.

Посмеемся над виденьем зыбким —
Нам народы не желают зла.
В том порукой и моя улыбка,
И твои нездешние глаза.

1970

БОЯРШИНОВА
ЭМИЛИЯ ИВАНОВНА

Родилась в 1928 году на Урале в городе Ирбите в семье учителей. Выросла на Севере, в Архангельской области. Училась в Москве. С 1949 года живет в Свердловске.

По образованию — библиограф, с 1954 года — журналист. Работала ответственным секретарем редакций газет на Верх-Исетском и турбомоторном заводах, корреспондентом «Уральского рабочего», редактором книжного издательства.

Окончила заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького.

Э. Бояршинова — автор шести поэтических книг: «Утренняя песня» (1959), «Девчонка, которая дарит цветы» (1964), «Через грозу» (1965), «Голос» (1968), «Берег» (1972), «Не исчезнет добро» (М., «Современник», 1976).

Член КПСС с 1958 года.

ТЫ БЫЛ ПРОЕЗДОМ

Весна, весна!
Зимы в помине нет.
Как это раньше я не замечала?
Сейчас мне передали твой привет.
Ты был проездом. Позвонил с вокзала.

Весна, весна...
А поезд не вернуть.
И так обидно: мы же были рядом —
И вдруг не встретить, рук не протянуть,
Не обменяться ни единым взглядом.

Весна, весна...
Гуляет март в саду.
Звенит капель, срываясь с крыши цеха.
И я себе покоя не найду:
Ты мне привез весну,
А сам уехал.

1953

ПРИЕЗЖАЙ НА ЛИСТОПАДИ

Осень щедро зазывает в гости.
Вкруг себя —
На запад, на восток —
От плеча разбрасывает горсти
Броско разрисованных листов.

Тронет краской лист,
В руках повертит,
Спросит:
— Ну, какой ты любишь цвет?..
Хочешь, я пришлю тебе в конверте
Рыжий пригласительный билет?

Приезжай!
Броди и улыбайся,
Медленные в медь роняй слова.
Закружись,
Как здесь в осеннем вальсе
Упоенно кружится листва.

На душе размашисто,
Как в праздник.
Хочешь, пой — пусть даже невпопад.
Осень вызывает,
Осень дразнит...
Слушай, приезжай на листопад!

1963

ПОЗДРАВЛЯЮ С РАССВЕТОМ!

Календарь дарит числа красные.
День нарядный прошел опять...
Почему непременно с праздником,
Только с праздником
Поздравлять?

Я тебя поздравляю
С шорохом:

Снег крадется, снег захрустел...
Я тебя поздравляю с ворохом
Свежих утренних новостей.
Будни? Да.
И вдруг за деревьями
Красным флагом заря взмахнет...
А какой снегопад серебряный!
Новый день — будто Новый год.

Новый день — и живешь ты сызнова,
Ошибаясь, трудясь, любя...
С новым светом, с рассветом,
С жизнью
Каждый день поздравляю тебя!

1964

ГОЛОС

У моей соседки голос грозный —
Оробеешь, коли не привык.
Видно, сын домой явился поздно:
Наши стены потрясает крик.

И у двери пес пугливо взлет,
И у тех, кто рядом, — день мрачней...
О моей соседке судят: злая —
Лучше уж не связываться с ней.

Тяжко ей... Она ли виновата,
Что растут детишки без отца?
На троих — одна ее зарплата,
И нужде-заботе нет конца.

День — в работе, в ночь настигнет дело...
Вот опять из кухни слышно мне:
Все стирает...
Вдруг она... запела!
Над бельишком там, наедине.

Оттого ль запела — с песней легче?
От надежды, ясной ей одной?..
Как он незнакомо человечен —
Тот знакомый голос за стеной!

Как он нынче радостно хлопочет —
Не грозит и никому не льстит,—
Он прощает... Он зовет: «Сыночек!»
Русской песней хорошо грустит.

Пела бы она вот так почаще —
Для себя, про самое свое...
Нет, не тот, а этот — настоящий,
Очень сильный! — голос у нее.

1966

СЕМЕЙНЫЕ АЛЬБОМЫ

Нет, не портреты предков в вензелях
Хранят они, семейные альбомы.
Родители мои — учителя.
И потому семья у нас огромна.

Все поколенья их учеников!
У мамы — сотни сыновей и дочек
Да трое нас (приученных легко
Ничем не выделяться среди прочих).

Вот первый выпуск — снято до войны...
Урок отца (пока не стал солдатом)...
А этот класс у солнечной стены —
Одни девчонки! — это наш десятый.

В альбомах — стая Первых сентября,
За ними — пионеры машут с палуб...
А мама все печальней и добрей
Глядит со снимков выпускного бала.

Взрослеют дети — время-то течет!
И письма пишут ей из дальних далей,
И фото шлют — как матери отчет:
Какими были и какими стали.

Вот память тех, кто приезжали к нам —
Полковники, врачи, актеры, судьи...
Их мама знала всех по именам,
По их талантам, и сердцам, и судьбам.

Родные ей, они и мне близки.
Счастливый мамин век
Недаром прожит:
Любимые ее ученики
В большом и главном
На нее похожи.

С тех пор, как нет ее,
Остались мне
Их преданные, крепкие объятья
И это чувство,
Что по всей стране
Так много у меня сестер и братьев.

1971

ИЗ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

Седой Иртыш, угрюмый Карадаг,
Глухие соловецкие каналы...
Что рассказать тебе о городах,
О тех краях, в которых я бывала?

Везде в России — новь и старина.
Как песни, реки русские похожи.
И мне близки и Кама, и Двина...
Но я не этим странствия итожу.

Пути и встречи — праздник без конца!
Моя душа вмещает без усилий
Людские судьбы, души и сердца.
Они — мое открытие России.

Не так в пейзаж влюбляюсь, как в людей,
По-русски щедрых, добрых, настоящих.
Теперь мои друзья живут везде,
И полон писем мой почтовый ящик.

Душа не растеряет эту связь,
Приняв другие города и реки.
И вновь из дальних странствий возвратясь,
Я расскажу о новом человеке.

1973

МАШКОВЦЕВ ВЛАДИЛЕН ИВАНОВИЧ

Родился в 1929 году в Тюмени.
В годы Великой Отечественной войны был авиамотористом Курганской военной авиашколы.
В 1947 году после учебы в школе ФЗО приехал в Магнитогорск.
Работал слесарем на ремонтно-механическом заводе треста Магнитострой, затем машинистом турбин на металлургическом комбинате.
С 1950 по 1953 год служил в армии на Дальнем Востоке.
Окончил в 1967 году Литературный институт имени А. М. Горького.
Печататься начал с 1955 года. Стихи публиковались в газетах «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Волга», «Молодая гвардия», «Огонек».
В 1960 году в Челябинске вышла первая книга стихов «Молодость».
Затем в Челябинске и Москве выпущены книги «Любовь тревожная» (1963), «Противоречия сердца» (1968), «Красное смещение» (1972), «Лицом к огню» (1973), «Железный полюс» (1975).

МЕНЯ В ЛЕСУ БЕРЕЗКА РОДИЛА

Мальчишкой удивлял я мать немало:
— Откуда, мама, ты меня взяла?
Однажды мать с улыбкой мне сказала:
— Тебя, сынок, березка родила!
Мне с давних пор и видится и снится
зеленый май,
невытоптаный край,
где льется, брызжет в травы медуница
и в мареве звенит грачиный грай.
И там мои березки дорогие
встречают снова молодость-весну,
они стоят, как девушки нагие,
показывая солнцу белизну.
Не выдумка тревожит и не шалость,
есть в городе деревья, но не те...
Наверно, просто сердце стосковалось
по первородной дикой красоте.
Наверно, сердце все-таки не камень,
я вижу вновь кувшинки, синий пруд.
Меня царевны белыми руками,
меня березки трепетно зовут.
Я этот зов
в огромном звучном мире
несу через тревоги и дела...
Я рослым парнем вышел из Сибири,
меня в лесу березка родила.

1947

МАГНИТОГОРСК

*Каждый второй танк
и третий снаряд
делались в годы Великой
Отечественной войны
из магнитогорского
металла*

Вновь мы книгу времени откроем,
путь к простейшим истинам непрост...
Да, в указах городом-героем
не назвали наш Магнитогорск.

Под дождями сгнил барак дощатый
и погасли буйные костры.
Но Россия помнит год тридцатый
и набатный гул Магнит-горы.

Разве сердце может не запомнить
взрывы телеграфной тишины?
Был чугуун, рожденный первой домной,
первым
 мирным
 подвигом страны.

Шли мы, как в атаки, через время,
принимая гордо свой удел.
И металл вливался в жадный лемех,
в тракторах натруженно гудел.

И паучья свастика дрожала,
под огнем умерив мотопрыть.
Нет, не Рур —
 Магнитка вновь решала
быть России... Быть или не быть!

Мы, надев отцов погибших робы
и к мартенам встав в пятнадцать лет,
сокрушили полчища Европы
и железный крупповский хребет.

Время, время, дай нам полномочия,
и за все, чем жили и живем,
мы по праву город наш рабочий
городом-героем назовем!

1961

КОГДА ИДЕТ ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

В. Сорокину

Разочарованные вишни
на берегу роняют цвет,
а мы, ликуя, в море вышли,
и парус врезался в рассвет.
Стихия буйствует безлико,
и рифы прыгают к рулю,
и реют чайки белым криком,
пророча гибель кораблю.
Но мы о милости не молим,
нам по колено океан.
Бунтуй,
ярьсь в крамоле, море,
на горизонте — караван.
Там в трюмах
пряности и золото,
скрипит уверенно штурвал.
Но тонут старые дредноуты,
когда идет девятый вал.

И проявляет буря норов,
глота́я бочки с серебром.
А в наших трюмах — легкий порох,
в крылатых чашах — крепкий ром.
Качает палубу, качает...
А мы смеемся и поем.
И море нас не замечает,
и мы его не признаем!

1963

ДАРЬЯ

Войну как в небыль унесло,
в сирени мирной тонет улочка.
Но, как и прежде, за село
выходит в белом Дарья-дурочка.
Вселилась в женщину беда,
живет в ней каменными стенами.
Она с ума сошла, когда
пришла на мужа похоронная.
Вздыхали деды, говоря
о смерти
и солдатской удали.
А он вернулся... Писаря,
должно быть, в штабе поднапутали.
Но почему так? Почему?
Ужели горя было мало?
Жена не бросилась к нему,
солдата Дарья не узнала.
Она в безвыходном бреду
его не признавала мужем:
— Уйди, солдат!

В ЛОДКЕ Я И ТИШИНА

Солнце спать легло в стогах,
льется в речку просинь,
птичью стаю на рогах
серый лось уносит.

Я один плыву,
в тиши

растворяюсь кротко.

Ткнулась носом в камыши
старенькая лодка.

Брошу я в речную цвель
теплую монету.

Говорят, лягушки есть,
а царевен нету.

И ко мне крадется страх,
и душа немеет:

может, в каменных домах
люди каменеют?

И трагично рвется нить,
рвется год от году,

и нельзя объединить
город и природу?

Может, в этом мало зла,
все не так серьезно...

Капли падают с весла,
светлые как слезы.

Утки в росную траву
пронесли со свистом.

Я сквозь сумерки плыву,
выключив транзистор.

Постигаю пустоту
джазового шика.

Цапля клюнула звезду,
родилась кувшинка.

Я вздохнул,
закрыв глаза
и увидел чудо:
корабельные леса
входят в город чутко.
Не щемящая струна
падает отвесно.
В лодке я и тишина,
а под лодкой бездна.

1970

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ
5 МАЯ 1774 ГОДА

Октябрь, сановники решили
молебен справить при дворе,
когда царице доложили,
что сволочь-вольницу побили,
что вор бежал к Магнит-горе.
Де, Пугачев в заимках запил,
де, самозванец шайкой мал...
А он, набрав шесть тысяч сабель,
станицу-крепость штурмом взял.
Под утро
степь и степь без края,
хмельны ковыльные ковры,
картечью раненный, страдая,
смотрел он вдаль с Магнит-горы.
Пойти ль походом и войною,
презрев опасность и беду,
или, схитрив, махнуть с казною
в киргиз-кайсацкую орду?

МАРЬЕВ
БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1934 году на станции Зуевка Кировской области в семье железнодорожника.

Окончил Свердловский юридический институт, заочно учился в Литературном институте имени А. М. Горького.

С 1957 по 1959 год работал в уголовном розыске. В 1960 году был рабочим геофизической экспедиции на строительстве трассы Абакан—Тайшет, затем работал редактором на Свердловской телестудии.

Окончил аспирантуру на кафедре эстетики Уральского государственного университета и преподает в университете.

Первые стихи опубликовал в 1954 году. Автор шести книг лирики — «Ливень» (Свердловск, 1962), «Светофор» (Свердловск, 1964), «Костер» (Свердловск, 1966), «Высота» (Свердловск, 1970), «Утро» (М., «Молодая гвардия», 1972), «Дело о соловьях» (Свердловск, 1974), а также трех сборников лирических репортажей о тружениках Урала.

ТЕЛЕФОН

Куда он делся, номер телефона?
Табак в карманах. Рифмы. Адреса.
А в городе твоём, чужом и сонном,
Я был проездом — полтора часа.

Сперва метнулся к справочной. Закрыта!
Снял трубку автомата. Но куда?
А ночь кругом — как черная вода.
Платформа. Сквер. Листва дождем умыта.

Так. Значит, пять. Потом, как будто,
двойка.

А дальше что? По-видимому, три?
Не три, а семь... Начало вышло бойко.
А две последних цифры — хоть умри!

С ума сойти! А ты ведь рядом! Рядом!
Твоим дыханьем ветер напоен...
И вот гремит отчаянной руладой
По городу нахальный телефон.

Мне было стыдно голосов суровых,
Встревоженных, приветливых, чужих,
Всех этих Николаевых, Петровых,
Пашкевичей, Благих, Соковниных.
Как я просил прощения у них!

Как объяснял, выпрашивал и снова
На медяки разменивал рубли.
Еще тебе не вымолвив ни слова,
Я говорил им о своей любви...

Да, я нашел тебя. И ты успела.
И ты сказала: «Милый!» Как во сне...
Я стал впервые этой ночью смелым:
Полгорода сочувствовало мне!

1955

ВЫХОДНОЙ

Из цикла «Рабочий поселок»

Человек гоняет голубей,
Плещет факелом кепчонка на шесте.
Даже небо стало как-то голубей
От пушистых этих пятен в высоте.

Сизый турман кувыркается сперва,
А затем плывет в спокойном вираже...
И в глазах у человека — синева,
Синева у человека на душе.

Он и сам как будто тянется в полет,
Раздувая эту стаю, как костер,
Он свистит себе, а кажется — поет,
Всей улыбкой запрокинувшись в простор!

Ну а в будни человеку сорок лет,
Он в литейке дышит газовым дымком,
Возле самой проходной его портрет —
Переизбран этой осенью в цехком.

Пусть кричат ему дружки издалека:
«Петр Васильич, а не выпить ли пивка!»

И шумит жена (жена всегда права!):
«Петр Васильич, не допилены дрова!»

Отмахнется он досадливо: «Потом!»
С невеликой высоты дровяника...
Все мальчишки с широко открытым ртом
Обожающе глядят на чудака.

Да и взрослые дивятся красоте,
Ненароком заглядевшись в голубень.
Не мешайте!

Плещет факел на шесте —
Человек гоняет голубей.

1959

РОМАНТИКА

Романтика? Таким сиропом
Пускай другой полощет рот!
...Мы с грузом шли по козьим тропам,
Переходили реки вброд,
Мошка нас грызла по болотам,
Рубахи разъедало потом,
Я сам, простуженный и злой,
С друзьями в головной заставе
Долбил шурфы, пикеты ставил
И лес валил бензопилой...
Все это легче, чем в палатке
Четвертый день сидеть в плену!
Под заунывный скрип трехрядки
Мы хмуро шутим: «Все в порядке,
Работы нет, идем ко дну...»
Дожди. Дожди... Кончина мира!
Повсюду сумрачно и сыро,

Ни книг, ни спирта, ни газет.
Который век не пишут писем,
И нам смертельно ненавистен
И гармонист, и белый свет...
А утром — солнца полыханье,
И пар струится, как дыханье,
И горы в чистой синеве!
О, горное призванье наше!
И дым костра, и запах каши,
И бриллианты на траве!
Романтика! В поту и пыли
Мы о тебе не говорили,
Но ты жила в любой груди:
Оборваны и бородаты,
Таежной армии солдаты,
Мы — впереди! Мы — впереди!
Еще покуда на планшетах —
От Абакана до Тайшета —
Пунктиром вьется магистраль,
Еще зелеными волнами
Шумит, как море, перед нами
Почти нетронутая даль.
Но знаем мы: близка победа,
Ударит гром за нами следом,
Бульдозер яростно взревет,
Упрямо зарокочет трактор —
По тропам, падам, перекатам
За нами армия идет!
И пусть мошка, тайга, болота.
Трудна разведчика работа.
Но ради дела своего
Мы вынесем и дождь, и холод,
И даже рыжего Николу
С трехрядной музыкой его!

1960

* * *

Я работал в угрозыске,
Возвращался чуть свет,
И в кармане

морозом

Руку жег пистолет.
После ночи бессонной,
Молчаливо нежна,
Надо мной огорченно
Вздыхала жена.
И небрит и простужен,
Я смущенно глядел
И нетронутый ужин
Вместо завтрака ел...

Как насмешливо лица
Кривили друзья:
«Тише, рядом милиция,
Выражаться нельзя!»
Мол, на лирика гляньте-ка,
Не узнать — Шерлок Холмс!
В самый раз для романтика
Протоколы стихом-с...
Я уклончиво хмыкал,
Сам до шуток охоч...

И опять мотоцикл
Уносил меня в ночь.
Сколько дел было за день!
Паспорта проверял,
Мерз часами в засаде,
Хулиганов смирял
И, не видя просвета,
Строил версии дел...

А Дзержинский с портрета
Усмехаясь глядел!

И бывало, ночами,
Стуча у виска,
Наплывало отчаянье,
Леденила тоска.
От жулья,

потаскушек,

Матюгов

и невзгод

Я сбегал тогда —

слушать,

Как дышит завод,
Как клокочут мартены,
Как в дождь и туман
Пролетариев смена
Спешит по домам...

Нет наград драгоценней,
Чем ночной разговор:
О литье,

о процентах

Говорил бывший вор...

Я открыл ему двери,

В телефоны оря,

В человека поверил,

И, как видно, не зря!

Эх, утешил Андрюша!

Сквозь ветер и дым
Вновь шагал я по лужам
К чекистам своим,
Удивительным людям,
К тем,

чья нежность строга,

К ним,
встречающим грудью,
Когда нужно,
врага,
К незаметным и близким...

Так вот,
День ото дня,
Дружелюбней
Дзержинский
Смотрел на меня!

1962

* * *

Ночной грозы неистовый каток
Давил дома, булыжники ворочал,
И вырывала молния из ночи
Клокочущий по лужам кипяток.

Мир задыхался, шурился, хрипел,
По стеклам бил в агонии с размаху...
Но оказалось, есть всему предел:
Дождю и мгле, неверию и страху.

Защebetал по всем бульварам май,
Все заискрилось, капая за ворот,
По синим рельсам огненный трамвай
Обрушился на потрясенный город.

1964

КРАШЕНИННИКОВ
АВЕНИР ДОНАТОВИЧ

Родился 7 января 1933 года в Перми в семье инженера-конструктора.

Окончил механический техникум, работал в прокатном цехе, служил в рядах Советской Армии. После демобилизации вернулся в Пермь, работал в областной газете «Молодая гвардия», на радио, в книжном издательстве.

Первые стихи были опубликованы в газете «На страже» Закавказского военного округа, в журнале «Литературный Азербайджан».

В 1959 году в Перми вышел первый сборник стихов «Песни камских волн», в 1967-м — «Пламенник». Издал два исторических романа «Горюч-камень» и «Затишье».

Член КПСС с 1958 года.

ШЕСТАЛОВ ЮВАН

Мансийский поэт, прозаик. Родился в 1937 году в деревне Камратке Березовского района Тюменской области в семье колхозника-рыбака.

Окончил Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена.

В разные годы работал в редакциях радио и телевидения, в газетах, в обкоме ВЛКСМ.

Первые стихи опубликовал в 1957 году. В 1958 году вышел первый сборник стихов «Аромат Родины».

Первая книга на русском языке «Пойте, мои звезды» вышла в Ленинграде в 1959 году.

Выпустил свыше 30 книг стихов и прозы, среди которых «Радуга в сердце» (1963), «Огонь на огонь» (1966), «Песня последнего лебедя» (1969), «Языческая поэма» (1971), повесть «Синий ветер Каслания» (1964) и другие. Стихи переведены на английский, немецкий, французский, венгерский, финский языки.

Последние годы живет в Ленинграде.

Член КПСС с 1967 года.

Я СОГРЕЮ

Не кричите, что продрогли,
Не шумите, что замерзли,
Я еще ведь только-только
Разжигаю свой костер.

Нет еще тепла нисколько.
Затевают только-только
Языки его живые
Свой веселый разговор.

Не шумите, не пляшите!
У огня — глаза и уши.
Говорили предки манси:
— Пламень слышит и глядит.

Если глаз ему проткнете —
Он ослепнет, он погаснет,
Если уши прожужжите —
Он не вспыхнет, зашипит.

Погодите, не шумите!
Дров у нас в запасе много.
Разбегутся все медведи,
Скажут: — Экая жара!

Но найдет к костру дорогу
Путник из таежной чащи,
В котелке рыбак наварит
Золотой ухи дымящей,
И свои кисы * просушат
Звероловы у костра!

* Кисы — меховая обувь.

Нужно вам согреть кого-то —
Приводите, я согрею.
Если что спалить вам нужно —
Приносите, я сожгу.

Не дивитесь, что на льду я,
На снегу костер затеял.
Не мешайте, не кричите —
Я таежник, я смогу!

1959

ВСЕСИЛЬНЫЙ ЧАЙ

Золотой огонь, трещи,
Сердце нам разгорячи!
Мы, белее мерзлой рыбы,
Без тебя пропасть могли бы!
Выручай, выручай,
Кипяти всесильный чай!
С первой капли — только тронь! —
Будем жечься, как огонь;
Со второй-то мы небось
Станем быстрыми, как лось;
С третьей капли — чудеса! —
Полетим через леса;
Мы с четвертой капли будем
Танцевать на радость людям;
С пятой капли ночью зимней
Целоваться захотим мы,

А с шестой —
Вспыхнет кровь,
Запоет в груди любовь!
А с седьмой горячей капли
Будем вечно жить, не так ли?
Эй, трещи, огонь, трещи,
Сердце нам разгорячи!
Выручай, выручай,
Кипяти всесильный чай!

1959

МИСНЭ

Дремлет лес, легко дыша.
В нем живет, я знаю,
Миснэ, добрая душа,
Женщина лесная.
Ходит, веточки стройней,
Где-то в снежной дали.
Шубка вышита на ней
Птичьими следами.
Бисер искрится огнем,
Весь в лучистых блестках...
Так сияет ясным днем
Иней на березках.
Пусть ни солнца, ни лучей,
Воеет вьюга злая,
А у Миснэ из очей
Льется ласка мая.
Все согреет этот взор,
Все растопит синий.

Холод сердца, лед озер,
Старых прядей иней.
Если больно от обид,
Миснэ, беспокоясь,
«Тюпын, тюпын», — говорит, —
«Милый, милый» то есть.
Миснэ, Миснэ — дар людской,
Светлая отрада!
С Миснэ, ласковой такой,
Ссориться не надо.
А дружить с ней — значит жить
С песней молодою,
Как по Оби в лодке плыть
Полою водою.
Дремлет лес, легко дыша,
В нем живет, я знаю,
Миснэ, добрая душа,
Веточка лесная.
Только где ее искать?
Лесу много, много!
Слышишь, сердце, хватит спать,
Нам пора в дорогу!

1959

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Нет еще кукушки в роще стылой,
А уж грудь березы точит сок.
Чуть пригубишь — прибывают силы,
Словно мать дарует: — Пей, сынок!

Но давно уже родной не стало,
Прах ее береза стережет.

Солнце новое над нами встало,
Песни новые народ поет.

Нет, я не один теперь на свете,
Вихрь порой крутил мое житье,
Но мне грели сердце люди эти,
Чуткое Березово мое.

Не они ли силы в грудь вложили?
Березяне — близкая родня —
Соком здесь березовым поили,
На ноги поставили меня.

Если песнь увянет от мороза,
Я вернусь в родимый уголок,
Где народа сердце, как береза,
Расцветая, гонит сытный сок.

Сок березы-матери — в нем сила.
Запою, как прежде не певал,
Чтоб метель над сердцем
не кружила
И крутой заслушался Урал.

1961

ПЕСНЯ ПРОБУЖДЕНИЯ

Отрывок из поэмы

Нефтяная вышка, как ракета,
Смотрит на далекие планеты.
Бурый бур стоит, как мамонт
древний,—
Четырьмя ногами вкопан в землю.

Здесь бурили месяцы и годы,
Все искали «пламенную воду».
Не нашли того, чего искали,
Бросили — не сдюжили, устали.
И по свету разбежались толки,
Что в тайге одни снега да волки,
Да еще полярное сиянье...
Где-то есть великие дерзання,
Где-то зарождаются ракеты,
А в тайге молчат и зябнут недра,
Бурый бур молчит под небом серым.
Лишь в двоих живет — не гаснет вера...
Помню вечер. Помню зори.
Золотой листвы узоры.
В интернате дети спали,
Кулачки в подушки вбив...
Вдруг свалились книги с полки.
Миг — и мы стоим, как елки,
А потом летим стрелою
Все туда, где грохнул взрыв.
Долго гул не прекращался,
И когда рассвет прокрался
По верхушкам старых кедров,
Видят люди — вышки нет!
Да и тех двоих не видно...
— Наказал их древний идол! —
Закричали люди, плача,
В травы падая ничком.
Показалось, даже кедры
Стонут: — Ой, не суйтесь в недра!
Убивает всех неверных
Идол грозным кулаком!..
Десять лет крылатой рыбой
Пролетело. Не поленья
Нынче дом мой согревают,
А горячий синий газ,

Тот, что взмыл, взрывая недра,
Ночью памятной, осенней.
И в тайге забила щедро
Нефть сибирская для нас!..
Бой идет всегда, повсюду,
Даже в сердце человечьем.
Бой идет большой, суровый
В глубине глухой тайги.
В жизни все дается с боем,
И геологоразведчик,
Как солдат, шагает лесом,
Аж гремят его шаги!

1963

ОГОНЬ НА ОГОНЬ

Кто простит мне молчанье,
Если длинен язык у огня,
Если скачет огонь по тайге вороватою
рысью?

Если кедра-красавца изгрыз и обуглил
огонь?

Кто простит мне, скажите, молчание
чувства и мысли?

Я не смею молчать.
Я обязан, как ветер, взлететь,
Я обязан, как знамя, взлететь над
трибуною красной.

Острой молнией стать,
А потом, словно гром, прогреметь

Вы браните меня, вы лесной росомахой
рычите,
Но порывистой ветра взлечу я
над красной трибуной,
Чтобы правду свою отстоять!

1963

КАВКАЗ

Кавказ в изголовье толпится,
Навеяв мне горные сны.
Здесь все мои сны — ясновидцы,
Высоких раздумий полны.

Во снах моих — думах, сверкая,
Волнуется, плещется Обь,
Моя колыбель голубая
В оправе таежных чащоб...

Открылась когда-то от них мне
В оправе гранитной Нева,
Как в пушкинской солнечной рифме
Онегинская строфа...

Кавказ — надо мною...
Как Пушкин...
Как солнце...
Я горно дышу
Их воздухом —
Самым насущным —
И в помыслах к ним восхожу...

Кавказ — надо мною...
Далеки
Истоки родных моих рек,
Где снов колыбельных истоки,
Где голос мой в песне окреп.
Где ж родина?..
В сердце — те дали...
Их мудростью не заслоня,
Эльбрус высотой не давит,
Урал возвышает меня...

И Обь,
И Нева,
И Подкумок —
От малых земных родников.
Как дума моя —
От задумок,
Как время мое —
От веков...

И муха жужжит мне знакомо
В жестковатой горной траве...
И чувство:
В горах я здесь дома.
Как горец — сосед — на Неве...

Где ж родина?..
Понял не сразу...
Но я не один в вышине...
Поклон мой сыновний Кавказу:
Открыл он всю Родину мне!

1975

СНЕЖИНКИ

И. Г. Истомину

У снежинок век недолгий,
У снежинок нрав несмелый,
На бегу растопчет мышка
Те искринки-кружевинки.
Но красивым белым шелком
Станет рой снежинок белых,
Если сдружатся малышки —
Незаметные снежинки.

Видишь, как они искрятся
В белом пламени сугроба?
Кто погасит их сверканья?
Кто сугроба не заметит?
Ветер топчет в злобном танце
Тот сугроб высоколобий,
Но напрасны все старанья —
Не сметет сугроба ветер.

Налетит на снег с разбегу,
Пощарапает, поранит,
Сдунет верхние снежинки,
Закружит одну, другую, —
Но остаться снегу снегом!
Он сверкать не перестанет.
Вот ведь малые снежинки
В силу выросли какую!

1960

БАЕВА
АНТОНИНА АНТОНОВНА

Родилась в 1928 году в деревне Большеприютное Петуховского района Курганской области в семье крестьянина.

Окончила заочно Курганский педагогический институт, работала учительницей русского языка и литературы.

Тяжелая болезнь заставила оставить школу, но не сломила А. Баеву.

С 1958 года стихи А. Баевой стали появляться на страницах областных газет и центральных журналов.

В 1959 году вышел первый сборник стихов «Впереди перегоны» (Курган).

Сейчас у А. Баевой свыше десяти сборников стихов, изданных в Москве, Челябинске, Краснодаре, среди которых «Лесной шиповник» (М., «Советская Россия», 1969), «День рождения» (Краснодар, 1974), «Стихи» (М., «Советская Россия», 1976).

И где-то здесь невестится
Молодость моя.
С судьбою незавидною,
Из-за травы не видною,
Она еще поднимется
И выйдет на большак.
Без отчества, без имени,
А просто так.
Широкая дорога
Бежит на Кустанай.
Постой хотя б немного,
Вглядись в меня, узнай!
Ведь это я ходила
По целине твоей,
Твой малахай носила,
Пасла твоих коней,
Да по колкам березовым
Костяночку брала,
Да на закате розовом
Пела про орла,
С предгорий до порога
К себе его маня.
Дорога ты, дорога,
Узнала ли меня?

1964

ТРЕВОГА МОЯ

География Азии
У меня на боках.
Я ее всю излазила,
До сих пор в синяках.

* * *

Извела свою тоску,
В прах рассеяла.
Жметя к синему леску
Ветер с севера.
Студит белое корье,
Будто греется.
Одиночество мое
Так надеется
Притулиться,
Постоять
Возле пристани,
Посмотреть в себя опять,
Да попристальной.

1973

* * *

В. Ф.

Зажелтела листва, задубела,
Стала ломкой и жесткой, как жесьть...
Медных денег с березоньки белой
Поопало на землю — не счесть.

Забелели туманы в низинах.
Седина у тебя по кудрям.
Я цветов покупных, магазинных,
Все букеты по людям раздам.

Сберегу только ветку калины,
Пусть хоть как-то расскажет она,
Что и горькая горечь невинна,
Что и поздняя радость красна.

1972

* * *

В центре света,
В глубине России,
Где гуляют
Дождики босые,
Соловьи поют
И вишни зреют,
Поживаю я,
Сама себя жалея.
Эта жалость мне —
Немалая помеха:
Я на людях
Неумехой неумеха,
А дождей все письмена
Вполглаза вижу,
А зверей все голоса
Вполслуха слышу,
Даже знаю,
Что листва листве сказала,
Как земля за лето-летское
Устала...
Вот и верю,
Что не зря во мне все это
И не зря живу я
В самом центре света,

ПОСКРЕБЫШЕВ
ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1930 году в деревне Бани Кезского района Удмуртской АССР.

После окончания средней школы работал в колхозе.

В 1952 году окончил Глазовский учительский институт и начал преподавать в Кезской средней школе. В 1959 году заочно окончил Глазовский педагогический институт.

Первая книга стихов «Мое поколение» вышла в 1960 году в Удмуртии.

Автор сборников стихов, изданных в Москве и Ижевске: «Росинка» (1963), «Живой фонарик» (1964), «Где гнездятся ласточки» (1966), «Застолица» (1970), «Как черный хлеб» (1971), «Песни колосьев» (1972), «Страда» (1973).

Лауреат премии комсомола Удмуртии.

НАШИ РОДОСЛОВНЫЕ

И не бароны словно мы,
Не графы, не князья,
Но древа родословные
Нам забывать нельзя.

В стране ржаной да песенной
У нас из рода в род,
Как титулы, профессии
Передавал народ.

В дни ясные, в ненастье ли,
Открыв ветрам лицо,
Стоят в веках династии
Ткачей и кузнецов,

А там — все, кто ворочает
На поле круглый год,
А там — как знать рабочая,
Шахтерский гордый род.

Могучими кореньями
Уйдя в пласты веков,
Стоят деревья древние
Российских мужиков.

Стоят, ветвями новыми
Поднявшись до небес,
Деревья родословные —
Неистребимый лес!

1962

* * *

Как торф в глуби земной,
Пласты бывшего — в сердце.
А торф, он сам собой
Вдруг может загореться.

И надо ль говорить —
Известно всем, пожалуй,
Как тяжело гасить
Глубинные пожары

1973

ОТЕЦ

Я держу заране на заветке,
Как пойду деревней в свой конец.
Знаю —

 вновь заговорят соседки:
— Весь в отца...
 Ну вылитый отец!..

А отец ни удалью былинной,
Ни могутностью
 не знаменит.
И давно уже под дерновиной
Он в рубахе белой крепко спит.

Молчаливы сосны за оградой,
Говорлива под горой Чепца.

Не ты ли — почитай-ка да припомни —
В две утлые ладьи, в свои ладони,
Всю целиком деревню приняла.

Но бабушкой с полвека называясь,
О жизни толковала так-то всласть:
— Пусть люди бают: старость-де
не радость —
Я с солнышком еще не наигралась,
Я небушка еще не напилась.

Все время в хлопотах, как птица ржанка,
Так понимала долю ты свою:
— Мне дни-то даром тратить шибко жалко:
Чай, не на распоследних провожанках —
Я на встречанках жизни состою.

И улыбалась по-старушьи тонко,
И вновь роняла вечные слова:
— Жить не вперед — что отбивать поденку;
Ну а пока родятся ребятенки,
До той поры и будет жизнь жива.

— Ивановна, ау! — В ответ ни звука.
Как будто ты, голубушка, опять,
Считая всех односельчан за внуков,
Ушла для них на луговых излуках
Целебной, редкой травки поискать.

• • •

Недалеко слышна окрест,
Не так чтоб, словно хмель, кудрява,
Но все ж в моей деревне есть
У многих истинная слава.

Пройди

с косой во весь захват
По луговине всех быстрее —
Услышишь:

— Ничего, горазд...

Прокос — почти как у Андрея...

И этим,

в похвалу тебе,
Учти, брат, сказано немало:
Каков Андрей Кузьмич в косьбе —
Такого, может, не бывало.
Один — в конях знал крепко толк,
Другой — был сплавщиком рисковым,
А тот — печник,

а этот — мог,

Как кренделя, ломать подковы.

И неспроста с былых времен

Все вспоминается доньше

Столяр Степан,

кузнец Семен,

Певуньи Марья и Аксинья...

Как будто добрая печать,

Их имена в родном пределе:

Своим заветным прозвучать

Они смогли,

они сумели!

1971

Не в легендах древних и не в сказках,
Наяву любовь была и есть.
Слов у ней — любой бывал заласкан,
Дел у ней — считать не перечесть.

Шла любовь лугами, зрела в рощах,
А чтоб сохранить свои следы,
Именами милых да хороших
Нарекала травы и цветы.

Не девчонка ль, прибежав к овражку,
Про цветы сказала невзначай:
— Чай, Иван мой в розовой рубашке! —
И навек осталось: иван-чай.

Васильки цветут, а где Василий?
Где Роман, ромашкам не сказать;
Незабудки не забыть просили
Синие Анютины глаза.

Там, где росы выпадают рано,
Где с утра висит шмелиный гуд,
Валерьяна помнят валерьяны,
Маргариту маргаритки ждут.

У любви полет всегда высок был!
Ведь не зря про тех, кто всех милей,
Пелось: горлинка, да ясный сокол,
Да лебедушка, да соловей.

И куда-куда не залетали
Соколята, крыльями звеня,
И чему-чему в далекой дали
Не давали милых имена!

Вся земля — в сердечных перестуках,
В перекличке песен, птах, цветов.
Отживает ненависть-старуха,
Будет вечно юною любовь!

1962

* * *

Отшумели мои соловьи
По лепечущим ивам.
Так уж вышло со мной:
Я в любви
Чаще был нелюбимым.

Улеглось.
Унеслось.
Ветер стих.

Солнце светит наклонно.
Адресаты признаний моих
Дальше звезд отдаленных.

Их звенящих когда-то имен
Я не трону губами.
Приглушился,
истаял тот звон
Вдалеке за годами.

Я ничьей не задену души
Испытаньем на верность
И не буду ни в ком ворошить
Подколотную ревность.

СОРОКИН
ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1936 году на Урале. Окончил вечернюю школу рабочей молодежи, поступил в горно-металлургический техникум. Около десяти лет проработал крановщиком мартеновского цеха на Челябинском металлургическом заводе.

В 1965 году окончил Высшие литературные курсы в Москве при Литературном институте имени А. М. Горького.

Работал в журналах «Волга» и «Молодая гвардия». Работает главным редактором издательства «Современник».

Первая книга стихов «Мечта» вышла в Челябинске в 1960 году. Автор многих стихотворных сборников, среди которых «Я не знаю покоя» (Челябинск, 1962), «Мне Россия сердце подарила» (Челябинск, 1963), «Ручное солнце» (М., «Советский писатель», 1963), «Лирика» (Челябинск, 1966), «Избранная лирика» (М., «Молодая гвардия», 1966), «Разговор с любимой» (Саратов, 1968), «Грустят беревы» (М., изд-во «Правда», 1974), «Признание» (М., «Советский писатель», 1974), «Багряные соловьи» (М., «Советская Россия», 1976).

В 1974 году Валентину Сорокину присуждена премия Ленинского комсомола.

Член КПСС с 1965 года.

ОГОНЬ

Поэма

*Коллективу 1-го
мартеновского цеха
Челябинского
металлургического
завода*

Пролог

Заселяя грешную планету,
Предок наш, мытарства прокляня,
Шел с огнем из тьмы кромешной
К свету,
Прозревал и гибнул от огня.
То рвалась его стезя, то крепла
Не десятилетия,
А века.
Над худым становищем
От пепла
Темные клубились облака.
И не зря в раздолье законном
С детских дивных сказок
Перед сном
Жадные хвостатые драконы
Пламенели в сумраке лесном
Буйчивый,
Зверюга непокорный —
Ну попробуй сразу урезонь!
Символ жизни,
Вестник смерти черной,
Бог надежд,
Распальчивый огонь.
Царские указы
Шутовские,
Холмики да косточки людские.

И в курганах под завесой мглы,
Веющей загинувшей пустыней,
В гнездышках сарматовской золы —
Угли, не остывшие доныне...

...Ах, огонь,
Чего
Понатворил,
Ах, огонь,
Кого
Приговорил
К глупой смерти на виду у всех —
Сокола,
Явившегося в цех!

Глава 1

Веки утомленные горят,
А в тупик по стрелкам перегонным
Грузные проносятся вагоны,
Рельсы прогибаются, искрят.
Не избыть, не излечить утраты:
Белые
Больничные халаты,
Санитары,
Шофера,
Врачи,
И лежит мой друг на комьях рудных —
Кашель,
Хрип затяжливый и трудный,
И бригада в трауре — молчит.

Что мы скажем женщине, крестьянке?
Девушке,
Касатке,

Несмеянке?
Ведь она любила и мечтала.
Нет святого чувства у металла;
Захватил,
Замыкал,
Заарканил —
До беды,
До горюшка,
До слез,
В огненном, клубящемся тумане
Юный образ навсегда унес!

...Коля,
Колокольчик,
Николай,
Встань,
Ты слышишь,
Плещет месяц май,
На зеленой лиственной опушке
Вьются в травах бабочки-хлопушки
И щебечут сойки-хохотушки,
Совы озираются пытливо,
Сиротливо
Кланяется
Ива.

Ну а где-то изморосью колкой
Паренька упругого сечет,
И рябит разбуженная Волга,
В Каспий атаманистый течет.
И взмывает,
Радостно заторкав,
Словно чайка,
Легкая моторка,
А над ней,

Лучами окропленный,
Жилистый,
Уклюжий,
Молодой,
Счастьем задохнулся волгаренок —
Куртка нараспашку,
Золотой!

И его улыбчива невеста,
Красотой да ладностью известна,—
Рядом,
Рядом,
Рядом,
Говорю!
Впереди —
Прощанье
И тревога,
И Урал за каменным порогом
Мнет в мартенах
Спелую зарю.
Но внезапно горе постучится
В девичье беспечное окно:
Свято полюбить,
Да разлучиться
Навсегда им будет суждено.
Почему?
Работа есть работа,
До хмельного,
Бешеного пота!

...Щерились, как ящеры со дна,
Колпаки измятые и дула;
Мина или бомба саданула?
Да, война
И мертвая — война!..

Глава 2

Знаю, вы конечно же видали,
Как, сорвавшись с горного плеча,
Медленно парят в миражной дали
Два заматерелых сарыча:
С вызовом,
Охватисто,
Глубоко,
С боковой раскачкой в створах дня,—
Птицы
Века
Или дети
Рока
На планете стали и огня.
Бурые — от прочного загара,
Ржавые — от пороха и пуль,
А под ними — мачты и радары,
Иссык-Куль,
Севан
И Чебаркуль!
А за гранью — линию означь —
В них прищуро целится палач,
Но внизу сейчас родной ковыль,
То легенда жуткая,
То быль:
То славяне гасли,
То азийцы,
То вожди являлись,
То убийцы,
То Атиллы,
То Наполеоны,
То пророки,
То хамелеоны,
Фюреры — душиатели прогресса...
Человек, войну не узаконь!

И ползло железо
На железо,
И огонь катился
На огонь!

По мартену рано, рано, рано —
Так же и резвились, клокоча,
Два чугунолобых тяжких крана,
Закопченных, жженных сарыча.
Перед нами пламя
И за нами —
Во сто крат багрянистей, чем знамя,
Гордое и дерзкое,
Оно
Созидать
И рушить
Рождено.

— Эй!
— Да-ва-ай!
И Николай,
В тельняшке,
В ухарски заломленной фуражке,
Ковш-громаду брал на разворот:
— Бе-ре-гись!
И в коловерти пенной
Млела плавка молнией мгновенной,
Выкрики,
Толкучка
У ворот!
Брови удивленные, крутые,
Озорство блестящее в очах.

...И огонь, похожий на Батыя,
Крутится на гладких кирпичач
И шипит,

Рассерженный и голый,
Вспученно вихляясь и дрожа.
Скифы ли?
Ахейцы ли?
Монголы?
Конница, фырчиста и рыжа?

Но прожектор опытней кинжала
Мрак разрезал:
Снова из печей
Сталь, мерцающая, как немое жало,
Тело искрометное разжала
И, взбурлив,
Рекою побежала,
Горячей,
Прыгучей
И бойчей!
И, как птицы, в мертвой тишине
Краны растворялись в вышине.

Глава 3

Ой, остаться вдовушке без сына,
Горькая, озяблая осина
Склонится, скручинится одна,
А по волжским радужным долинам
Скоро,
Скоро
С хором лебединым
Вьюга зарыдает, холодна!
В кутерьме пушистой, снежной бели
Примутся шушукать глухо ели,
Безъязыко по ночам кивать,
И поскачут ветры на просторе
Рассеять по ветхим избам горе,

Лебеденка к лебедихе звать.
Лебеденок —
Тонок,
Тонок,
Тонок,
Одуванчик,
Лапушка,
Опенок,
Сизый, сладкогорлистый и тихий,
Поспешика, милый,
К лебедихе!
Твой отец на Волге
Оступнулся
Под огнем
И больше
Не вернулся...

Почтальон тропу забудет к дому,
Девушка любовь отдаст другому,
Мало ль так случилось на Руси?
Только мать,
Сутулая,
Седая,
Мучаясь,
Безропотно страдая,
Будет с ним, когда ты ни спроси!
Нежный,
Статный,
Умный
Да высокий,
Да в отца-упрямца синеокий,
Как дубок, загинул он, вапал,
А по кряжным, скальным перевалам
Динамитом,
Толом,
Аммоналом

Бухает
И ухаает
Урал!
И дымят похлеще, чем у Круппа,
Над каскадом вспышек трубы, трубы,
И ползут по рельсовым суставам
С лязганьем и бряканьем составы,
Гычут шахты,
Зыбают мосты,
А вот там,
 среди оградок близких,
Рдеют — обелиски, обелиски —
Жесткие, рабочие цветы...

Туляки, минчане, ленинградцы —
Пухом им земля, коли расстаться
С солнышком судьба преднарекла,
Вот такие скорбные дела!

...И огонь, трескучий и колючий,
Витязь, тать, бандюга игровой,
То южжит, то корчится в падучей,
То пройдетя в пляске грозовой.
Гневен,
Желт,
В минуту буйства страшен,
Он, когда толпа его звала,
Слизывал макушки барских башен,
Выметал империи дотла.
За дворцами римскими, наглея,
Из рабов выдавливая стон,
Устрашал он
Гений
Галилея,
Набухая кровью, как питон.

Глава 4

День завода — всполох музыкальный,
Город-богатырь индустриальный,
Не служака, не смешной позер,
Доменный,
Спортивный,
Театральный,
Вузовский — за всплесками озер.
Снежная прохлада Таганая.
Тургояк.
И Черемшанки звень.
Смолино,
Миасс!..
И продувная,
Праздная струится дребедень.
За гостей мы честью отвечаем:
Плохо ли встречаем-привечаем?
Мы застольем всех поукачаем!

От плакатов и от флагов жарко.

— Кто идет?
— Она идет!
— Волжанка!
— Прекрати!
— Оратор!
— Цицерон!
— А за ней?
— Волгарь наш?
— Рыцарь?
— Он!..

И его матерая бригада,
Та, что золотене юной рада,
Дескать, это общая награда,
И когда бы по такой на брата —
Нипочем любая бы преграда!

...Гравий
И ольховые сережки.
Балалайки,
Флейты
И гармошки.
Алые трибуны:
И — бурунный,
Взвинченный, басовый, многострунный
Танец, франтоватый карнавал,
Кто его огнем короновал?
Батюшка Урал!

Антракт.
Качели.
Милые, как лилии земли.
Растекались толпы и кучнели,
Лодки застревали на мели.
Плавали по заводям частушки,
В уремé горюнились кукушки,
За пахучей сутемью хвои
Щелкали азартно соловьи.
Эной клубничный,
Предвечерний эной,
Смешанный
С полынью
И сосной.

...Вяловато шебуршали скверы,
Гукали спокойно поезда.
Глянцевели дамбы и карьеры,
К горизонту двигалась звезда.
И цехов немые караваны
Таяли, ныряя и кренясь...
Дымные усатые султаны
И восторг — осознанная связь

С городом, за межами Европы,
На закорках Азии самой.
И проспект.
И он — Челябинск мой! —
Мрамор
И железо
Высшей пробы!
Елки.
Липы.
Камень.
И гранит —
Гулы Революции хранит!
А левой Орленок *
Образцово
Приподнялся,
Воин и лихач:
Смерть отвергнул!
Мечется пунцово
Клок огня октябрьского —
Кумач...
Торжества смущается девчонка,
Хитрая саратовская челка,
Платье,
Поясок
Да каблучки.
Ох уж мне ребята, чудачки,
В каждом жесте мнится им значенье,
И острят до умопомраченья,
Аж свобода хуже заточенья:
— Пара?
— Пара!
— Супостат!
— Клянись!

* Памятник «Орленок».

- Чё тянуть резину-то?
 - Женись!
 - Али мы не приглянемся сватьям?
 - Али коллектив наш не речист?
 - Пир с обедом пополам закатим!
 - Всунется под крышу моралист!
- Но уже заботами объята,
 Синею очерчены каймой,
 Кликают студентку перекаты:
- Ждем домой!
 - Беспечная!
 - Домой!

Глава 5

Вот он, вот он, в щупальцах паучьих,
 С хоботом облупленным, могучим,
 Конусно расплюснутый, ползучий,
 Огненным возмездием проучен,
 Выдюживший тысячи атак,
 На куски поразваленный танк.
 Это он, броню надев, как робу,
 В сорок первом вырвел:
 — Идем!

Залпами
 Измолотил
 Европу,
 Шрамы — знаки доблести — на нем.
 Это он с берлинского парада
 Пропечатал след до Сталинграда,
 В порохе,
 В золе,
 В бреду погонь.
 И у Волги
 Матушки реки

Вскинулся по-барсьи на дыбки:
Брюхо русский распорол огонь!
Это он в снега вкопал бойца,
Мужа,
Семьянина
И отца.
Двадцать лет в себе он прятал мину —
Харканет ее огонь
По сыну!

Бульканье печное.
Просвист шины,
И — моторный рыкающий лай.
Через смерч
И на огонь машину
Под «ура» выводит Николай.
И роится под кабиной крана
Окаль нестихающим бураном,
Машут от завалки до завалки
Кровяной раскраски полушалки.
Он скантует глыбу
И расправит,
И огонь-обжору
Не растравит,
Ненависть
В надежду
Переплавит!..
Цепи.
Кепи.
Шляпы.
Рукавицы.
— Няньчай бронированного фрица!
— Отглумился!
— Сволочь!
— Отрыгал!
— Спесь ему перекует Урал!

Свастика шевелится и тает...
Но жесточе бури гулевой
Заметалась
Замять
Золотая,
Закрывая парня с головой.
Голоса:
— Огонь!
— Огонь!
— Держите!
Поначалу падал и вставал,
А потом, как в переспелом жите,
Он в пролете пьяно бушевал.
И, храпя,
Из-под печей летели
Разъяренной гривачей
Метели!
Мчал пожар по эстакадам твердым,
Будто вновь языческие орды,
Грязная, суглинистая гнусь
Ринулась на маковую Русь,
А она взмятежилась, бела,
Грянули взахлеб колокола:
— Бом!
— Бом!
— Бом!
Стрела!
Кистень!
И меч!
Сколько дум ни пестуй, ни меси я —
Собирайся боль моя, Россия,
Веси от полона уберечь!
Смерти — смерти!
Огню — огонь!
И право
Наше — укрощать задор кровавый,

Ведь не ради светского успеха
И дурного умиленья жен
Прометей путиловского цеха
У дверей эпохи водружен!
...Жертву
Взрыв себе не выбирает —
Без вины
Мальчишка умирает!

Г л а в а 6

Мы — основа Родины, трудяги,
В нас не затухал огонь отваги:
В ведро ли,
В мороз ли,
В непогоду —
Тротуары тянутся к заводу.
Воробьи нас осыпают звоном,
И, листву роняя по газонам,
Хохлятся приветливо сады,
До чего
Заманчивы,
Росисты,
До чего
Свежи они и чисты —
Выскочили вроде из воды!
Бронзовость и правда в наших лицах,
Перевиты мускулами руки,
Нам финтить с народом не годится,
И хандрить нам некогда от скуки.
Мы в цехах,
Гремящих и копящих,
Своенравный,
Прыткий,
Настоящий,

Премии раззяве не сулящий,
Льем металл в утробные ковши
За сознание,
Не за барыши!..
Судим за просчеты мы без спуска
На чины,
На возраст
И нагрузку.
Здравствуй!
И успех
И маета —
Наша огневая прямота!

А когда Урал напропалую
Раздарит кварталам фонари,
Мы девчат вниманием балуем
До бессонья,—
Дьявол побери!..
У станка,
В сражениях,
На марше —
Барабан истории, трезвонь! —
Мы не лжем,
И нас, безвестных даже,
Лаврами
Увенчивал огонь!..
'Ах, огонь, решивший воевать,
Ты ль его не мог бы миновать?
Приторно,
Обидно,
Неприятно:
Креп,
Венки,
Торжественная речь,
Чей-то вздох, растерзанный и смутный:
— Не сумели парня остеречь!..

Глава 7

По весне зазывней шум березы,
Мягче травы,
Рощи веселей,
Дождевые бисерные слезы
На льняных ресницах ковылей.
По весне болтают перепелки,
Дятлы разбазарили долдонь,
И секунды не вздремнет в поселке
Чуткая, лукавая гармонь.
По весне от свадьбы голубиной
На тесовых крышах воркотня,
Что ни стежка — выманит к любимой
На зачине,
На убытье ль дня
Где на Волге,
Плёсистой
Реке,
Осетренок спи
На плавнике,
Глупый окунь
Разевает пасть,
И по волнам
Забурлила щука,
Серая
Зубастая ищука,
Не совей,
Коль хочешь не пропасть!
По весне рубинят маки густо,
Но еще непостижимей — чувства,
Романтичной
Зрелости
Огонь,
Вещего гомления примета,
Все мы,

Все мы
Ощущали это:
Лето —
От заката
До рассвета,
Мята — от восхода
До заката,
Память,
Годы лучшие не тронь!

По весне,
По весенке-весне
Ясень оженился на сосне,
А в медвежьем,
Пасмурном углу
Вяз-толстяк улещивал ветлу.
Куст калины преклоняет крону,
Стук капли крупной по коре,
Вороному
Ворону
Ворона
Ворожит
Ворчливо
Во дворе!
Коля,
Колокольчик,
Николай,
И январь ухабистый,
И — май!..
Принимай подарок от Вселенной,
Несравненный,
Знобчивый,
Бесценный,
Не теряйся, слаще обнимай,
Луг распахнут — так и понимай!
И мечта в лирическом салюте...

Кофточка,
Раскрытая душа.
Не мешайте,
Птицы,
Шорох,
Люди,—
Он ее ласкает, не дыша.
Челка — в челку.
И глаза — в глаза.
Дребезжит в осоках стрекоза,
А кулик пищит на всю округу:
Дескать, сам видал я —
Наповал
Озорной мартеновец
Подругу у ручья
Вчера зацеловал!

...Скипетры,
Престольные червонцы —
Кипчаки,
Ливонцы
И тевтонцы,
Половцы,
Хазарцы
И японцы —
В кладовухе бытия на донце...
Цех.
Поля.
Щербатых гор изгиб.
Нет, не умер друг и не погиб.
Просто на могиле спозаранку
Розовая выросла саранка,
Просто защемила у виска
Преданная
Девичья
Тоска...

Э п и л о г

Два огня,
Два мира,
Две идеи:
От ракет по небу вензеля!
Кружится в пространстве, золотея,
На костер похожая земля —
Плод
Трагичный,
Яблоко
На древе
В грозном галактическом саду?
Сириус,
Юпитер...
Лют и древен
Путь огня, начавшийся в аду,
Как ему, настырцу, ни грози я,
Кречетом взмывает из боев.
...И Урал,
И Волга,
И Россия —
В просверках огней и соловьев!

Стой, огонь,
Зачем тебе такое
Безразличье к нашему пути:
У одних юлишь ты
Под рукою,
У других сидишь ты
Взаперти,
Доверяешь силушку свою
Мстителю,
Владыке,
Холую!
У кого блаженствуешь в камине,

А у нас изводишься в груди.
Разве не останется в помине
Имя друга?
Время, погоди,—
Он бесстрашно
На твою ладонь
Бросил сердце —
Вечности огонь!..

1961—1970

РЕШЕТОВ
АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

Родился в 1937 году в Хабаровске.
С 1945 года живет в городе Березники Пермской области. Работает начальником смены соляной мельницы на калийном комбинате.
Первая книга «Нежность» вышла в 1960 году. Известность поэту принес сборник «Белый лист», изданный в Перми дважды — в 1964 и 1968 годах. Дважды издавалась повесть А. Решетова «Зернышки спелых яблок».
В 1975 году в издательстве «Современник» вышел сборник стихов «Рябиновый сад», в 1976-м в Перми — «Лирика».

СНЫ

И во сне покой неведом людям:
Кто во сне рубашку мужу шьет,
Кто девчонку горько-горько любит,
Кто плеча по наковальне бьет.
То летают люди, точно птицы,
То бредут на дальние огни...
И ни разу людям не приснится,
Что ничем не заняты они...

1963

ЗЕМЛЯ

В ней золотые жилы не устали
Ждать, что за ними
дерзкие придут.
В ней кости
и зеленые медали
Солдат, которых девушки не ждут.
В ней все, в земле: начало радуг,
хлеба,
Тонюсенькой черемухи, ручья...
И эту землю
на седьмое небо,
Живой и мертвый,
не сменяю я.

1960

* * *

Я помню:

 с тихую улыбкой
Скрипач, что на войне ослеп,
Водил смычком над темной скрипкой,
Как будто резал черный хлеб.

1963

ХОЗЯЙКА МАКОВ

I

Лицо в морщинах
 и темней, чем глина,
Лишь седина,
 как первый снег, светла.
Наверно, это ожила былина
И на Урал рябиновый пришла.
Искровянив о злые камни ноги,
Она брела под солнцем и во мгле,
И падал снег на волосы в дороге
И не растаял в избяном тепле.
И не слова былина выпускала
Из рукава льняного полотна,
А плакала о ком-то и вздыхала,
Вздыхала, одинешенька-одна.

II

Девчушка в ярко-розовой косынке
Тогда стояла на моем пути.

Я мог бы из летучей паутинки
Скакалку ей хорошую сплести,
Я мог отдать ей скопленные марки
И крышки папиросных коробков
И для нее, преодолев помарки,
Переписать «Варяг» и «Сулико».
Да что «Варяг»!

Я мог в то время смело
С одним портфелем

выстоять в борьбе,
Пусть только скажет раз еще:
— Отелло! —

Мне этот рыжик из седьмого «бе»!
Я помню:

часто лампочка мигала,
Ночная птица плакала в лесу.
Я в первый раз
отрекса от шпаргалок

И написал про «девичью красу».
Я написал о «радостной дороге»,
О «бедном сердце,

вспыхнувшем огнем»,
И кончил тем, что с Ленкой

«мы пороги
Любые

дважды два перешагнем».
А дальше очень просто получилось:
Она стихи неспелые прочла
И на меня всю алгебру косилась,
А в перемену мимо проплыла.
Но вдруг вернулась,

за тетрадкой вроде,
Кивнула мне,

Улыбочкой дразня:
— У Кузьмичихи маки в огороде
Сорви! — и убежала от меня.

СТАНЦЕВ
ВЕНЕДИКТ ТИМОФЕЕВИЧ

Родился в 1922 году в деревне Родионовке Саратовской области в крестьянской семье.

Окончил учительский институт в городе Балашове в 1941 году.

С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте.

После войны — военный журналист, сотрудник газет «Красный воин», «Советское слово», «Красный боец».

Первые стихи напечатал в 1957 году.

Первый сборник стихов «Роса на стволе» вышел в Свердловске в 1962 году.

Затем были изданы книги «Иду в бой» (1965), «Баллада о хлебе» (1970), «Залп» (1972).

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и 14 медалями.

Член КПСС с 1946 года.

МАТЬ

Поэма

1

Двенадцать.

Ночь.

Слепящий свет гашу.

Не спится:

раны ноют к непогоде...

Я в дверь воспоминания вхожу —

она ведет

в мои ребячьи годы...

Степное солнце —
обветренное и стылое —
смотрело на деревню
немигающим оком.

Мать причитала:

«До чего же ты, жизнь, постылая,
и что нам в этом городе проку?»

И без нас проведут

дорогу железную,

разве можно прожить без земли-то?»

Мерзла лошадь,
от старости облезлая,
кто-то дверь забивал деловито.
Мать оплакивала дом осиротелый,
отец возился с перегнившей супонью,
косясь на мать, ругался то и дело
и гладил лошадь ласковой ладонью...

Вот мать моя
вошла в чердачный зев,

иконы бросила
(свидетель — вечер поздний),
потом, глаза испуганно воздев,
перекрестилась бережно на звезды.
И ставни — на крючок,
и двери — на засов
от сатанинских глаз
и от Христова ока...
Тоскует печка без угля и дров,
без хлеба стол печалится глубоко.
Не отмолила мать ни мужа, ни любви,
не выпросила мать ни хлеба и ни соли.
Куда ни кинь —
везде рубли, рубли...
А деньги не даются божьей волей.
Лежит Христос на чердаке в углу.
Прозрачный месяц спит над переулком.
А мать,
прильнув к оконному стеклу
не месяц видит,
а большую булку.
Отец нас прокормил бы —
будь живой,
и заработал бы
на хлеб и сахар,
да под вагонными колесами зимой
погиб отец мой —
бывший пахарь.
С получкой не придет уже отец.
В деревню б матери:
как раз хлеба поспели,
да горе извело ее вконец,
большое сердце приковав к постели.
Став с голодухи
и взрослей, и строже,
я говорю серьезно:

«Слушай, мать,
а если я учебники заброшу,
пойду работать,
чтоб не голодать?..»
«Нет, трудом твоим не прокормиться,
проку нету от такой плотвы,
вам — таким —
теперь велят учиться,
вот, сыночек, и учитесь вы.
Мы о школах знали понаслышке,
лет с восьми гоняли нас в поля.
Ты ж читаешь вон какие книжки,
может быть, пройдешь в учителя.
Ну а я определяюсь в столовку,
буду мыть посуду и котлы,
тут большая не нужна сноровка.
А потом — куски там
и мослы...»

Только матери так экономны —
из каких-то неведомых сумм
мать купила мне к маю скромный,
но предельно новый костюм.
По соседям ходила с обновкой:
и у нас, мол, как у людей,
не подвязываемся веревкой,
не носили еще лаптей.
Говорила и чинно, и с толком,
утверждая Советскую власть:
«Виньке вон девятнадцать только,
а ученый — ну прямо страсть.
Не угнаться за ним, как пишет,
а читает — ну прямо поет.
Скоро будет учить ребятишек,
с этой осени и пойдет.
И костюм вот ему купила,

Что такое —

в углу иконы?

И, поймав удивленный мой взгляд,

мать оправдывалась смущенно:

«Бог — он есть, не зря говорят.

Но я все больше дома молилась
и о тебе да и просто так.

Я перед богом

сто раз извинилась,

что уносила его на чердак...

И все годы военного лиха

я работала день и ночь —

и уборщицей, и сторожихой,

чтобы нашей победе помочь.

Ну а ты о своих заботах

что-то редко совсем писал.

Кто ж ты теперь?..»

«Политработник,

а по-старому — комиссар».

«Комиссар? —

испуганно и удивленно

всплеснула руками мать.—

Значит, надо снимать иконы,

а то могут тебя заругать».

«Никто не будет ругать за иконы:

нет запрета молиться на крест.

Только бить ни к чему поклоны —

поважнее заботы есть».

«И какие ж, поведай, заботы

у таких молодых голов?»

«Чтобы каждому —

хлеб и работа,

чтобы каждому —
школа и кров...»

Зная слову и цену, и меру,
мать велит мне:
«Крепче держись
за свою комиссарскую веру,
без нее, потому как,
не жизнь.

Комиссаров я помню с гражданской,
по годам ты им будешь под стать.

Беяки их казнили по-адски,
да не время о том вспоминать...»

И, слезу утирая косынкой,
мать советует мне всерьез,
чтобы взял я соседскую Зинку
и в военную часть увез.

Будет, мол, золотая хозяйка,
счастья будет мне на сто лет —
не чета, мол, нахальной Райке,
от которой отбоя нет...

4

По какому-то зову древнему
я приехал в родную деревню.
Ах, как роща за лугами поредела,
как Студенка-речка обмелела...

У дома — валун с боками покатыми,
сколько мимо него прошло поколений!
Сверху вниз
он смотрел на меня когда-то,
а теперь вот верхушкой
не смотрит в колени.
Я в дом захожу,

прошу у хозяйки напиться,
но пить не могу —
проливаю всю воду на майку
и роняю стакан.
Хозяйка в испуге косится.
«Виноват,— говорю,—
вы простите меня, хозяйка...»

В этой горнице я,
хлебнув синевы апреля,
впервые вскричал
под иконным окладом.
Здесь испуганно мать
улыбалась в постели,
спровадив отца
с табаком-самосадам.

Ах ты, горница-радость,
вся пропахшая хлебом,
скакал по тебе я когда-то
на палке-кобылке.
Потолок для меня
был высоким, как небо,
а сейчас я в него
упираюсь свободно затылком...

Потому и роща поредела.
Потому и речка обмелела.

Тихо в деревне.
Сажу на траве-мураве,
веду с мужиками беседу —
об урожае,
и что там слышно в Москве,
и как мы добыли победу.
Ленька — годок мой

(израненный весь,
на гимнастёрке — «Отвага») —
горько толкует:
«Убитых не счесть,
не вместить ни в какую бумагу.
В деревне вон было
на семьдесят хат
сто одна мужицкая сила,
а сегодня вот
некому землю пахать —
война почти всех скосила.
У тетки Прасковьи — родни твоей,
которая песни так пела звонко, —
было четверо сыновей,
и на каждого — похоронка...»

Да, таким, как тетка Прасковья,
не оплакать вовек сынов.

На кровь отвечают кровью,
любовь отдают за любовь.

Молчат мужики,
смолят самосад —
воители и оратели.
Ко мне повернулся вдруг дед Кондрат:
«А как там здоровье матери?
Страх, как сердцем болела она,
с год, поди-ка, лечилась...
И опять виновата война,
только в гражданскую это случилось.
Я-то помню,
как все было:
белым днем у нее на виду
трех комиссаров махна изрубила
в том вон яблоневом саду...»

Предки дальние,
предки близкие,
недожив, половина лежит
под курганами и обелисками,
кто стрелой,
а кто пулей пробит.
Много было их — от Ватыя —
разных ворогов, море пруди.
Сколько лет на земле Россия,
столько ран у нее в груди...

*

До земли оттягивают ветки
яблоки мичуринских кровей...

Мать по старости — на табуретке,
я по молодости — на траве.
Век лучины,
и век керосина,
и семь войн в ее седине,
чуть уставшая,
как Россия,
но глаза — в молодой синеве.
Словно птахи, внучки босые
среди яблонь снуют, щебеча.
Смотрит мать на них,
как Россия,
как Россия, от счастья лучась.

В цветном платье уходит лето
с гомоном птиц
и гудением пчел.
И спелые яблоки падают с веток
смеющейся матери
прямо в подол.

Старушки степенно
о жизни судачат,
колышется степь,
от жары разомлев.
В космос играет
ватага ребячья.
И солнце,
и солнце над всем —
мать всего сущего
на земле.

1972

ЕРАНЦЕВ
АЛЕКСЕЙ НИКИТОВИЧ
1936—1973

Родился в селе Житки Петуховского района Курганской области.

Окончил заочно Уральский государственный университет имени А. М. Горького.

Работал в редакции областной газеты «Советское Зауралье».

Первые стихи напечатал в 1959 году в журнале «Смена», публиковался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Урал».

Первый сборник стихов «Вступление» издан в Кургане в 1963 году. Затем последовали книги «Ночные поезда» (1965), «Кумачовые журавли» (1967), «Глубокие травы» (1970), «Талица» (1973), «Лирика» (1974).

СОСНА

Налево — небо Азии,
Европа — чуть правей.
А над кремнистой насыпью
Гудит шатер ветвей.
По осыпям гранитным
На крутобокий скат
Шли люди и границу
Пытались отыскать.
На горном перевале
Звенели голоса,
Не находя начала,
Не находя конца.
И людям не сказала
Примолкшая сосна,
Что две страны связала
Узлом корней она,
Что восходили токи,
Рожденные в земле,
Что Азия с Европой
Слились в ее стволе.

1961

ЗЕМЛЯ

Бросаюсь на мокрые стебли
Лицом в травяные поля:
Пусть сердце простучает землю,
Прослушает душу земля.

Мне видится: звонко и чисто
Под шелест полынных порош
Кузнечики косят пшеницу
У горьких осиновых рощ.
По листьям, листву пригибая,
По травам, бредущим ко сну,
Приходит звезда голубая
Погреться к ночному окну.
И женщина, шорох слышав,
Впускает звезду на порог,
И где-то трубит электричка
В старинный охотничий рог.
Скрипят, как обоз, коростели,
И лунные тропы пылят...
И сердце простукало землю,
И сердцу открылась земля.

1965

НАЧАЛЬНИК

За горбатыми километрами,
За колючей стеной лесов,
Бьют паркет каблуками «метры»,
Молоко стирая с усов.
Алька тоже к фокстротам привычен.
Альке двадцать. В дудку штаны.
Только все танцплощадки нынче
Стали парню, видать, тесны.
Он ботинками скособоченными
Музыкальность дорог постиг.
Он танцует по ним озабоченно
От зари до ночной звезды.

А прокуренными ночами
По вагончику — залпы фар!
И опять шоферской начальник
Поднимается с шатких нар.
Он навстречу машине оглохшей
Руку вскидывает, как дирижер,
По-хозяйски встает на подножку,
Изучающе смотрит, в упор.
И, пшеницу качнув на ладони,
Зерна пробует на зубок,
Говорит отеческим тоном:
— Не сробей, нажимай, Сашок.
А Сашкам, под солнцем пропаренным,
Всем за тридцать не только на вид.
Называет их Алька:
— Парни,
Парни мои!
С ними мается, с ними вертится
Белкой в яростном колесе,
С ними делит табак и сердце —
Одно на всех.
Кроет прямо и ходит валко.
Если надо, он зол и крут.
Но начальника все-таки Алькой
До сих пор шоферы зовут.
Вместе с пылью глотая ветер,
За день на год вперед изматываясь,
Алька учится на человека,
Алька отчество зарабатывает.

1963

ПРОЩАНИЕ

За топким логом, за мыском еловым
Ворчит мотор, вонзая в ночь клыки.
Летит на фары белая полова —
Играющие свадьбу мотыльки.
Уже готова брага. Топят бани.
А в поле хлеб — утонет сатана!
И ходят, ходят по морю комбайны,
Пока его не выездят до дна.
А берег — вот он. У лесной излуки,
Под звездами дробясь на светляки,
Последняя волна уходит в бункер,
В пожаре фар сгорают мотыльки.
И тишина. И нет в запасе слова,
А может, вовсе не нужны слова,
Когда на поле горбится солома,
Как в пересохшем море острова.
И надо с обгоревшими губами
Стоять и слушать лунные шаги...
Пусть зреет брага, пусть остынут бани,
Пусть заново замесят пироги!

1965

РАССВЕТ

Мы отправлялись за дровами с дедом
По холодку, перед сырым рассветом.
Из темной рощи, хворосту нашарив,
На свет зари, на мыканье коров
Я выносил свой черный накомарник,

Сплетенный из голодных комаров.
Накрыто поле скатертью широкой,
На ней туман, как белый каравай.
Такой густой, хоть режь его на ломти
И травяным настоем запивай.
А я облеплен комариным войском.
Тут солнце,
Сбросив красную зарю,
Свое жерло подымет огневое —
Во все лучи как даст по комарью!
И ночи нет. Осколки чаща втянет.
Лишь на траве росистые следы
Да белый клочок ушедшего тумана
Торчит у деда вместо бороды.

1965

ВАГОНЧИК

По сугробам, по синим распадкам
Дым закручивается винтом.
Тащит трактор, сверкая пятками,
Наш походный дощатый дом.
Дыры стеганками залатаны,
Зашпаклеваны куржаком.
Печь, присев на четыре лапы,
Красным дразнится языком.
И не слыша, как стужа щелкает,
И не видя, как сосны бегут,
Разговор — колобок краснощекий —
Ходит кругом от губ до губ.
И распахиваются полушубки,
И у путников, не спеша,
На припевочки да на шутки

Раскошеливается душа.
Снегом ноздри забьет мотору —
Помогаем ему плечом...
Только б дом не оброс забором,
Остальное все — нипочем!

1965

ЛИСТОПАД

Ведут нас осенние тропы
По роще, где думы светлей,
А листья на солнечных стропях
Спускаются к сонной земле.
Так медленно, так невесомо,
Как медленный сон наяву,
Нам под ноги падает солнце,
За лето впитавшись в листву.
Лучится расплавленной медью...
Молчу и тебя берегу:
По солнцу ходить не умею,
По солнцу ходить не могу.

1965

КЛАД

У озер, налитых холодом,
Где сентябрь траву поджег,
Положив на лапы голову,
Сопка клад мой бережет:

Стаи листьев над отавою,
Птиц, уснувших на лету,
Речку, бойкую, картавую,
С круглым камушком во рту,
Куст в малиновой окалине,
Да в душе соцветье слов,
Да костер ночной с оправою
Из мальчишеских вихров.

1967

* * *

С жизнью спор затеял археолог
И, земные позабыв пути,
Разбудить решил былинный холод,
Чтобы сказку о любви найти.

День-деньской срезал он пласт лежалый,
Сам себя слепым упорством зля,
Только тайну древнюю держала
Очень крепко мудрая земля.

А в ночи, когда, сгорев под зноем,
Он ничком бросался на кошму,
Смуглорукой девушкой степною
Сказка тихо ластилась к нему.

1969

* * *

Эх, давно я вдоль по Северу не ездил,
По земле моей покатою, сверху вниз...
Стрелы кранов —
На двенадцатом созвездье!
Погоняй свою машину, машинист!
Я слышался ретивых краснобаев,
Променял на сто улыбок желваки.
Мне успеть бы
До метелей
Прямо в баню,
В деревушку
С легким именем Житки.
Чтобы веник —
Единица кормовая —
Заманил бы на полок, и улестил,
И, овацию слегка напоминая,
Восемь шкур с меня,
Заблудшего,
Спустил...

1970

КУЗЬМИН
ЛЕВ ИВАНОВИЧ

Родился в 1928 году в селе Задорино Парфеньевского района Костромской области в семье железнодорожника.

С 1943 по 1945 год работал трактористом.

Окончил Ленинградский строительный техникум.

С 1950 по 1969 год работал на стройках Ленинграда, Новокузнецка, Казахстана, Перми.

Первая книжка стихов «Апрель» вышла в Перми в 1963 году.

Автор сборников стихов, сказок, детских повестей: «Кто что умеет» (1964), «Башмаки-простаки» (1967), «Капитан Коко и зеленое стеклышко» (1971), «Четверо в тельняшках» (1969), «Дом с колокольчиком» (1972), «Шагал один чудак» (1973) и других.

Член КПСС с 1959 года.

ЗВЕЗДОЧЕТ

В своем домишке древнем,
С трубою набочок,
Жил в сказочное время
Веселый звездочет.

И был он, между прочим,
Не очень-то богат:
Носил зимой и летом
Единственный халат.

Но дело не в богатстве...
Не тем он дорожил!
В одном прекрасном царстве,
В старинном государстве
Он звезды сторожил.

Лишь звездочка случайно
Сорвется с неба в пруд,
Чудаковатый сторож
Немедля тут как тут!

Он звездочку достанет
Коротеньким сачком,
Слегка ее почистит
Дырявым колпачком,

Подкинет ввысь и скажет:
— Лети! Свети смелей!
Чем больше звезд на небе,
Тем на земле светлей!

И год за годом славно
Трудился звездочет,
Но вот однажды ночью
К нему явился черт.

Явился, и расселся
На лавке у окна,
И тоненько хихикнул:
— Есть дело, старина!

Я тоже звездочетом
Желаю в пекле стать;
Мне звезд хоть штук сорок
Не сможешь ли продать?

Продашь — разбогатеешь!
Ты звезды не жалеешь...
Чем на земле темнее,
Тем лучше для чертей.

И звездочет промолвил:
— Ну что ж... Ответ мой прост!
Плати волшебный грошик,
Получишь сорок звезд.

Они вот здесь, в печурке.
Их ровно двадцать пар.
Выкладывай монетку —
И забирай товар.
Но дай мне обещанье:

Как только крикнешь: — Ой! —
Я грош возьму,
Но будет
Товар уже не твой!

Черт крикнул:
— Я согласен! —
Подпрыгнул черт:
— Давай,
Чугунную заслонку скорее открывай!

И сунулся к печурке,
Дугою выгнув хвост.
А там, в печурке, угли
Пылали вместо звезд.

Черт угли цап рукою,
Заверещал: — Ой-ой!
И в тот же миг услышал:
— Товар уже не твой!

И топнул черт с досады
И дверью хлопнул черт!
И в кошелек монетку
Припрятал звездочет.

Но только не считайте,
Что он богатым стал,
Что он халат атласный
Портному заказал....

Нет, нет!
На этот грошик
Волшебный, непростой
Купил он в магазине
Бумаги золотой.

И новых звезд наделал
Из той бумаги сам,
И ловко их приклеил
К высоким небесам.

Он был, как прежде, верен
Пословице своей:
— Чем больше звезд на небе,
Тем на земле светлей!

1972

ЗЕРНЫШКО

Может быть, недавно,
А может быть, давно
Лежало на тропинке
Пшеничное зерно.

Не мало, не велико —
Обычное собой,
Но с кожицею странной —
С ярко-голубой!

А полев по тропинке
Шагал один чудак,
Он зернышко заметил,
Он вслух подумал так:

— Чудесную находку
Смелю я на муку...
Я голубую булку
Ребятам испеку!

И к чудаку сейчас же —
Скорей! Скорей! Скорей! —
Примчался хмурый мельник,
С ним девять пекарей.

Примчались, осмотрели
Со всех сторон зерно
И хором заявили:
— Негодное оно!

Раз у него не желтый,
Не золотистый цвет,
То в нем большого проку
И не было, и нет!

Все пекари и мельник
Сказали чудаку,
Что голубые зерна
Не мелют на муку.

Но тот махнул рукою:
— Пускай!
Но все равно,
Я чувствую, я знаю —
Волшебное оно...

Настойчиво и громко
Он заявил в ответ:
— Я верю, что в находке
Есть сказочный секрет!

Он в узенькую грядку
За домиком своим
Воткнул зерно и начал
Ухаживать за ним.

Он зернышко водою
Из лейки поливал,
Он грядку, если холод,
Подушкой накрывал.

Он грядку очень прочным
Плетнем огородил,
Он от нее ни ночью,
Ни днем не отходил.

А зернышко лежало
В земле
И не росло,
И что ни день, то громче
Смеялось все село.

— Послушай, чудачина! —
Кричали там и тут.—
Чудес на свете нету!
К чему напрасный труд?

Но поливал упрямо
Чудак свое зерно,
Шептал он: — Урожая
Дождусь я все равно!

И вот однажды утром
Край грядки сам собой
Слегка зашевелился
И сверху появился
Росточек голубой!

Он рос и рос. Он вровень
С плетнем высоким встал,
А на макушке колос
Вдруг наливаться стал.

И в колосе не зерна
Светились от жары,
А зрели
Голубые

Воздушные
Шары!

Их сразу расхватала
Босая детвора,
И до небес взлетала,
И громко хохотала:
— Мы летчики!
Ура!

А наш чудак смеялся
И, голову задрав,
Кричал: — Ну вот, смотрите!
Я оказался прав!

Пускай все сомневались —
Я верил все равно,
И сказочную тайну
Открыло нам зерно!

Я верил, что на грядку
Вода не зря лилась,
И сказка получилась,
И наяву сбылась!

ДАГУРОВ
ВЛАДИМИР ГЕННАДИЕВИЧ

Родился в 1940 году в городе Нальчике в семье педагогов.

С 1949 по 1968 год жил в Свердловске, где окончил лечебный факультет и аспирантуру при кафедре фармакологии Свердловского медицинского института.

Кандидат медицинских наук. Преподает в 1-м Московском медицинском институте.

Первый сборник стихов «Мое поколение» вышел в Свердловске в 1963 году.

В Москве и Свердловске изданы книги «Солнечный ветер» (1965), «Гуси-лебеди» (1966), «Дыхание» (1969), «Планида» (1975).

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

А мне еще не стукнуло шестнадцати,
а я ее так сильно обожал,
что можно было запросто с ума сойти,
когда я на свидание бежал.

Я ждал в рубашке новенькой,
нейлоновой,

там, где сверкал жар-птицею фонтан,
держа букет акации наломанной
и два билета на «Фанфан-тюльпан».
Влюбленные фланировали парочки,
а я стоял, как истукан, один.

И вдруг она, как эскимо на палочке
возникла у неоновых витрин.

Мы шли в кино
проспектами свердловскими.

Я был из принцев,
а она из фей,

и были мы по-новому
серьезными
в таинственной смущенности
своей.

Мы шли в кино,
счастливые до дрожи.

Мы были очень взрослыми людьми.
Не признавали только билетерши.

Нас не пустили —
дескать, о любви!

1964

ВОЙНА

У пацанов свои порядки,
и нам не ставили в вину,
что мы играли,
нет, не в прятки,
а в беспощадную войну.

Надев отцовские пилотки,
набравши гильзы в котелки,
мы — партизаны и пилоты,
разведчики и моряки...

А среди нас была девчонка,
и славились на целый двор
ее мальчишеская челка,
ее мальчишеский задор.

Вели мы в штаб ее, толкая,
и говорили:

«Не таи!

А ну признайся,
кто такая
и кто родители твои?»

И вдруг на наше приказанье,
склонивши голову, она
с остекленелыми глазами,
внезапной строгости полна,
сказала: «Папы нет...
убили,
а маму...

немцы увели...»

Впервые взрослыми мы были
и ей ответить не могли.

Так, озорные дети улиц,
дыша бравадою одной,
впервые мы с войной столкнулись,
с большой,
взаправдашной войной.

Я знал войну не понаслышке,
она не рядом,
а во мне:
стоят молчащие мальчишки
немым проклятием войне.

1960

ТЕРПЕНИЕ

В терпенье что-то есть от наступленья
и от победы что-то есть.

Вот так
рассчитывает враг на нетерпенье,
идя в строю психических атак.

Терпенья нет и не было у трусов.
Терпенье только смелому дано.
«Терпенье...» —
говорил старик Кутузов
и видел там,
вдали,
Бородино!

1966

НА УЛИЦЕ НАШЕГО ДЕТСТВА

На улице нашего детства
стоял дощатый барак.
Его сколотили в эпоху
голода и революции.
Сто человек в нем жило
без всяких житейских благ,
с полным отсутствием мысли
жилье поменять на лучшее.
В единственном коридоре —
единственная плита.
И пламя в печи металось,
одно на всех, разумеется.
Не возникало обиды,
хотя была теснота —
хорошая поговорка
на этот случай имеется.
И если гуляли свадьбу,
то всех созывали к себе.
Драка случалась — мигом
кончали сие безобразие.
За годы совместной жизни
возникла общность в судьбе
жильцов, которые были
люди, в сущности, разные.
Для всех наигрывал вальсы
приемник у Фомина,
для всех занимала бабушка
очередь за продуктами.
И двадцать второго июня,
когда началась война,
одним родимым семейством
сгрудились у репродуктора.
И было мужское молчанье
и женский сдавленный вой,

и вскоре из-под Бобруйска
первая похоронка:
погиб смертью храбрых за Родину
гвардии рядовой
Роман Алексеевич Новиков —
семнадцатилетний Ромка
Вскипал Севастополь гневом,
пылал Сталинград в огне
Пеплом вздымались в небо
Майданек, Хатынь, Освенцим..
Среди насельня барака,
как и во всей стране,
осталось мало мужчин
и не было вовсе младенцев..
...На улице нашего детства
взмыли в небо дома,
и огласилась окрестность
шумными новосельями.
Бульдозеры сокрушили
старый барак (эхма!)
барак сровняли с землею,
с баракom сровняли землю.
Люди, справляйте праздники!
Желаю вам всяких благ.
Но свято храните в сердце,
но крепко храните в памяти
улицу нашего детства,
низенький тот барак —
высоты его не теряйте,
живя на его фундаменте!

ГАРИПОВ
РАМИ ЯГАФАРОВИЧ

Родился 12 февраля 1932 года в деревне Аркаул Салаватского района Башкирской АССР в семье колхозника.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Работал в редакциях республиканских газет и журналов. В последних сборниках — «Песни жаворонка», «Почет», «Завещание» — чувствуется тяготение к философской лирике.

Р. Гарипов — известный в Башкирии переводчик. На русском языке издана его книга «Горицвет» (Уфа, 1969).

СНЕГИРИ

Невзначай увидев их на ветках —
Села стая целая на клен,—
Удивился я картине редкой:
Клен мой, клен,
Стал яблонею он!

Разве мог я спрятаться куда-то,
Руки от соблазна удержать,
Но вспорхнули яблоки, крылаты,
Я ни одного не мог поймать...

Нет в душе желаниям предела,
Пусть иным дано лишь вспыхнуть в ней,
Только б к нам опять весна летела
В мартовской упряжке снегирей.

1969

ЖАВОРОНОК

Хоть снега в низинах, а на лужах лед,
Жаворонок в небе о весне поет.
Сердцу землепашцев мил его прилет:
Жаворонка песня за сердце берет.

То стрелой он взмоет очень высоко,
То падет, как камень, и в тот миг легко
Землю к небу взбросит... И когда, какой
Медному бубенчику будет дан покой?

А весна на поле не с его ль крыла
Падает лучами света и тепла,
Может быть, неслышен жаворонка взлет —
Собственное сердце о весне поет!

1969

МЕЛЬНИК

Клочья пота белеют под тучей,
Значит, древняя сила жива.
Море, море, ты мельник могучий,
Вон как ходят твои жернова.

Не кончается труд твой бессменный —
Снова зыбь,
Снова шумный бросок.
Как мука, белоснежная пена
На прибрежный ложится песок.

С вечной пеной
И с вечным волненьем
Ты выносишь на берег земной
Детям — чаек веселые перья,
А влюбленным — янтарь золотой.

1969

БОГДАНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ
1937—1975

Родился в деревне Васильевке Тамбовской области. После окончания школы ФЗО 16 лет работал слесарем-монтажником.

Первый сборник стихов вышел в 1964 году в Челябинске.

Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Сельская молодежь», «Урал».

Автор книг, выпущенных в Москве и Челябинске: «Голубой костер» (1968), «Гость полей» (1970), «Перезвон» (1972), «Светунец» (1974), «Избранная лирика» (1975).

ВОЗЫ

В моем краю стояло лето,
Ложился в копны сенокос.
Тянуло по полю с рассветом
Дегтярным запахом колес.
Воле сопели и качались,
Дымилось поле от росы.
Тринадцать лет мне.
Обучаюсь
Мужскому делу — класть возы.
О, первый воз — судьбы начало,—
Ходила кругом голова.
Мне сено снизу подавала
Тридцатилетняя вдова.
В моей работе непосильной,
Стремясь угнаться за людьми,
Навильник с шуткой подносила:
— «Подарок» Гитлера прими...
Вдова, она меня жалела.
Как не жалеть?!
Ведь знали все,
Что был навильник тяжелее,
Чем я в штанах и картузе...
Ровнял углы я с интересом,
И на глазах мой рос успех,
Да только под зайчиным весом
Пушился воз,
Как первый снег.
Вдова подбадривала лестно:
— Ну, молодец!
Вот это зять...
Потом на дроги грузно лезла,

Чтоб сено намертво примять...
Но с каждым возом
В травном шуме
Я рос
И крепнул, будто стог,
И приподнял свои раздумья
Развилкой жизненных дорог.
И за любовь к земле
И зрелость
Мне горизонт утер слёзу,
И долго мне в пути виднелось
Другое детство на возу...

1972

СВЕТУНЕЦ

Ходят ветры вечерние кротко.
Гнутся травы от росных колец...
Новый месяц обрамился четко —
Наполняйся огнем, светунец!
Восходя из росистой низины,
Из простора лугов и полей,
Зачерпни свет серебряно-синий
И обратно на землю пролей!
И замечутся тени в тревоге,
Ослепленные острым огнем,
И никто не собьется с дороги
В неподкупном свеченье твоём.

1973

НАЕДИНЕ С ПОЛЯМИ

Стоял июль, жарой распятый,
На желтом фоне спелой ржи.
В дали усталой и горбатой
Качались слепо миражи.

Вдали от речки и деревни
Мне привелось, как в давнем сне,
Под тишиной небес полдневных
С полями быть наедине.

Для каждого необходимо
Ветрами родины вздохнуть
И после домен, коксохима
В просторных далях утонуть.

Хлеба готовились к покосу.
И у тропинок полевых
Я рвал колючие колосья
И растирал в ладонях их.

И, как неписаная повесть,
Была мне полем вручена
Колосьев колкость
И медовость
Янтарно-звонкого зерна.

Судьбой мне вверено до гроба,
По праву сердца и сельчан,
Земную славу хлеборобов
Роднить со славой заводчан!

1973

ОТГУЛЯЕТ ЗИМА ПО УРАЛУ...

Отгуляет зима по Уралу
На своем белоногом коне.
И опять
Как ни в чем не бывало
Заторопится юность ко мне.

Заторопится дождиком,
Громом,
Майским лугом взойдет предо мной...
И под парусом белым черемух
Поведеет стороною родной.

Поведеет по равнинам,
Озерам,
Тишиной приласкает в краю,
Где о наши
Скуластые горы
Точит молния
Саблю свою.

Там рога запрокинули лоси,
Шаг далеко слышав чужой...
По озерам идущая
Осень
Карасиной рябит чешуей...

Там,
Тревожа вечерние села,
Зазывает огнями завод.
И в чашобах,
Как мудрый геолог,
Ищет клады уральские крот.

Донесло сквозняками из леса
Запах липы и свежесть росы.
Здравствуй,
Край красоты и железа —
Молчаливая гордость Руси!

1970

ЖЕЛЕЗО

Я гнул его,
Рубил зубилом
Под сводом заводских небес.
С железом я к высотам лез,
Когда плечом своим нехилым
Познал его удельный вес.
Оно покорно,
Словно глина.
Его секреты я постиг.
Оно певуче,
Словно стих.
А чья в нем гибкость?
Балерины.
Чья стойкость?
Рук мастеровых
В январский день,
Когда и птицы
К плавильной жмутся духоте...
Железом грелся я в труде,
Хоть примерзали рукавицы
К обледенелой высоте...
Зато всегда,
Зимой и летом,

В час перекура с высоты
Я видел:
Шли за мною следом
Цехов железные скелеты,
С монтажной выправкой мосты...
Была и стужа, и жара,
И вспомнить радостно и лестно,
Как покорялось мне железо
И что меня бесполезно
Учили делу мастера!

1973

* * *

Дождь отшумел,
Отбарабанил,
Увел грозу по небесам.
Пропах и хвоей и грибами
Уральский август по лесам.

Притихли рощи и озера.
А за озерами вдали
От синевы прогнулись горы
И, как верблюды, побрели.

Бредут спокойно, величаво,
Нелегко их извечный труд —
Несут они Европу справа,
А слева — Азию несут...

1973

В СИНЕМ ЦЕХЕ

Только утро разбрезжится синью,
Торопливо уйду со двора.
Я работаю в цехе — Россия,
В синем цехе огня и добра.

Пусть дороги круты,
Словно годы.
Глубине поучусь у сохи.
Мне,
Рабочему парню завода,
Так нужны до зарезу стихи.

Петь так петь!
Чтобы слабый с постели
Встал
И небо подпер головой,
Чтобы люди от песни добрели,
Заполнялись глаза синевой.

Но пока только версты да версты,
Да горит мой дорожный костер,
Да летят полуночные звезды
В голубые ладони озер.

И дрожит молодая осина,
Что погреться пришла у костра.
Я работаю в цехе — Россия,
В синем цехе огня и добра.

1968

ЧТО ТЫ СКАЖЕШЬ...

Мне припомнились давние ночи,
Коридоры пусты и глухи.
Я с кровати ребятам рабочим
Торопливо читаю стихи.
Мы горланим на все общежитье,
Как в гнезде молодые грачи.
Был мой самый внушительный критик
Петька,
Каменщик с пятой печи.
Скажет он:
— С задушевностью русской
Пишешь ты,
Не забудь второпях:
В кладке каждый кирпич под нагрузкой,
Так и слово должно быть в стихах...
Много песен за годы пропето,
Не забуду те споры в ночи.
Что ты скажешь сегодня на это,
Петька,
Каменщик с пятой печи?..

1968

ЖЕЛАНИЕ

В. Сорокину

За какими делами захватит
Час последний в дороге меня?
Я б хотел умереть на закате
На руках догоревшего дня.

Я с рожденья не верю в беспечность.
И за это под шум деревень
Впереди будет — тихая вечность,
Позади — голубеющий день...
Вам на память оставляю заботы,
Я не шел от забот стороной.
И покой на земле заработал —
День последний остался за мной!
И за мной — отшумевшие травы
И железных цехов голоса...
А во мне эту вечную славу
Приютили душа и глаза.
Приютили, взрастили, согрели
Всем, чем мы и горды и сильны...
И вплели в полуночные трели
Соловьиной сквозной тишины.
По дорогам нетореным,
Тряским
Из-под рук моих песня и труд
Далеко уходили, как сказки,
И, как сказки, со мною уйдут!..

1975

ПАЛЬ
РОБЕРТ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1938 году в Аургазинском районе Башкирской АССР.

Окончил Белорецкое педагогическое училище и Башкирский государственный университет.

В 1961—1962 годах работал учителем в сельской школе, с 1962 года — в издательстве, главный редактор Башкирского книжного издательства.

Первая книга стихов «Живые маки» вышла в 1964 году в Уфе.

Затем выпустил еще пять книг стихов «Горизонты романтики» (1966), «Третье свидание» (1968), «Высокое пламя» (1969), «Лебединое поле» (1972), «Испытай меня любовью» (1975) и повести «Иду до конца» (1973), «Железные люди» (1974), «Есть у неба земля» (1975).

Член КПСС с 1966 года.

* * *

О земле говорю с уважением,
По-крестьянски, тепло, не спеша.
Это ей я обязан рождением,
Это в ней моя бьется душа.

Я пришит к ней прозрачностью линий,
Свежим следом наивных лисят,
Золотыми иголками ливней,
Золотыми гвоздями опят...

Этой доброй землю возвращенный,
Как могу я ее не любить?
Мне березы ее, как знамена,
В самом сердце до гроба носить.

Мне дышать ее солнечной синью,
Мне беречь ее в трудном бою...
Опусти мне на плечи, Россия,
Материнскую руку свою!

1968

ДЕД

Это было на Урале,
На привале, у реки,
Под тальянку отбивали
Партизаны кабуки.

Сбились шапки на макушки,
Бились шашки на боку,
И веселые частушки
Отлетали за реку.
Говорят, что в этой буче,
Бросив под ноги кiset,
Бородатый и могучий,
Пуще всех плясал мой дед.
Разожгла его тальянка,
Ноги в пляс — не устоять!..
А потом к нему цыганка
Подоспела погадать.
В очи, в карты поглядела,
Посмотрела на ладонь,
И сказала, и пропела:
— Не мужик ты, а огонь.
Далека твоя дорога,
Нелегка твоя судьба,
Только скоро

много-много

Будет счастья у тебя...
Не закончила цыганка:
Налетели беляки —
И веселая тальянка
Захлебнулась у реки.
Ржали кони, бились кони,
Ружья грелись докрасна...
В этот вечер над рекою
Хоронили плясуна.
Хоронили на Урале,
Под раkitой, при луне...
Счастье деду нагадали,
А оно досталось мне.

1964

* * *

Груды развороченной породы.
Сосны набирают высоту...
Я люблю уральскую природу
За ее мужскую красоту.

Есть в ней то, что учит быть могучим,
Вольным, как уральская река,
Грозным, как нахмуренные тучи,
Светлым, как вода из родника.

Есть в ней то, что в памяти столетий,
Есть в ней то, чему недолго жить.
Есть в ней то, что ни за что на свете,
Никому на свете не убить.

1964

СОЛОВЬИНОЕ ГОРЛО УРАЛА

Соловьиное горло Урала...
Что за выдумка, что за мираж?
Точно в омут, легко и устало
Погружается в ночь Насибаш.

Тишина — как весенняя льдинка.
Спит земля, набирается сил.
Вдруг как будто упала росинка
Или бусинку кто обронил.

Что-то щелкнуло. Звонко и сочно.
Раз, другой... И затихло — молчок

Будто лопнула поздняя почка.
Будто в зарослях треснул сучок.

И в ответ прокатилось низами
Мелко-мелко, как полночи вздох,
Или кто-то споткнулся о камни
И на скалы рассыпал горох.

А потом в стороне, над откосом,
Где березам не спать до зари,
Вновь защелкало. Так, будто косы
Принялись отбивать косари.

Чистый-чистый, высокий-высокий,
Занимается звон у реки.
Звонкой дрожью исходит осокарь,
Медным звоном звенят тальники.

Чуть притихли — и снова, и снова,
Так, что стонут во тьме берега.
Будто горло водой родниковой
Перед песней полощет река.

Будто кто-то в неистовом буйстве
На виду у рябин и берез
Горсть за горстью стеклянные бусы
На хрустальный бросает поднос.

Сколько в звоне том страсти и света,
Ликованья и чистой любви!..
И не сразу поверишь, что это
В Насибаше поют соловьи.

По логам, по долинам, по скалам —
Так поют, что звенит небосвод.

Соловьиное горло Урала...
Не ошибся названьем народ.

...Будут в жизни и горечь, и нежность,
Но забуду все беды свои,
Чуть заслышав: светло и мятежно
На Урале поют соловьи!

1972

ГОДИНА
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1935 году на хуторе Шмайково Полтавской области в семье колхозника.

Окончил Коркинский горный техникум.

Работал в Каракумах, служил на Балтийском флоте.

Работал в Миассе машинистом экскаватора, руководил городским литобъединением, избирался членом Челябинского обкома ВЛКСМ.

С 1973 года — председатель профкома Тургорякского рудоуправления.

Первое стихотворение опубликовал в 1958 году в газете «Кронштадтская правда».

Автор книг «Белое, синее» (1967), «Дерево любви» (1970), «Неожиданность души» (1975).

За книгу «Белое, синее» удостоен звания лауреата премии Челябинского обкома комсомола «Орленок».

Член КПСС с 1958 года.

РАБОТА

От боли лопались мозоли,
Металл втирался в кожу рук,
Через года, как через поле,
Я зло тащил работы плуг,
Легко утрами — как с пригорка,
Как в гору — к ночи...
О, труды!
Я пел мальчишкой от восторга
Над каждым метром борозды.
В жару и в снег, зимой и летом
Потел и зяб, под ливнем мок.
Да, я пахал, чтоб кто-то следом
Без передышки сеять мог!
Смывая соль седьмого пота,
Усталость нудную кляня,
Я делал трудную работу —
Работа делала меня.

1964

УСТАЛОСТЬ

Я с ног валюсь,
Закрыв глаза, молчу.
Но просто так сдаваться не хочу.
Я не умру.
Я отдохну чуток.
Послушаю гуденье
Рук и ног...

О, как она кипела,
Кровь моя,
Когда рубил мерзляк
Лопатой я.
Когда, закончив смену,
Наконец,
Я нес домой
Усталости свинец!
Мне нравится
До жара уставать
И медленно, как солнце,
Остывать.

1965

ЗАЗИМОК

Не жаль заснеженного лета,
Как дня вечернего не жаль.
Поляна с тайнописью следа
Передо мною, что скрижаль.
Березы с явным интересом
Толпятся весело вокруг.
Я слушаю молчанье леса,
Как приближенье первых вьюг.
Иду, желанью не переча,
Сквозь белый шорох сушняка.
Снежинки падают на плечи,
На землю падают снега.

1965

* * *

Утки прилетели на болото,
Весело шныряют по куге.
А в осоке терпеливый кто-то
Держит нервный палец на курке.

Я с собою не ношу двустволки,
В сапогах не прячу по ножу.
Я брожу вдоль берега без толку,
Просто захотелось — и брожу.

У меня забота небольшая:
Распеваю песни, как в лесу...
Может быть, кому-то помешаю,
Может быть, кого-нибудь спасу.

1965

КУНИЦЫН
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1938 году в городе Нижний Тагил. После окончания средней школы работал разно-рабочим на стройке, слесарем на Челябинском металлургическом заводе, в районных и городских газетах Челябинской, Свердловской, Калужской и Рязанской областей. Печатал стихи в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия». Первую книгу стихов «Влюбленные» выпустил в Челябинске в 1964 году. Затем в Москве и Челябинске появились его книги «Зеленый ливень» (1968), «Огницвет» (1973), «Кладовуха» (1975).

* * *

А в Берлине
Горланит с нашеста
Золотистый драчливый петух!
Бабка Марфа заводит тесто.
Гонит стадо Иван-пастух.
А в Париже бредет по лужам
Пегий бык,
Бренчит брякунец.
Чинит в кузне совхозный
Предплужник
Коренной парижский кузнец.
Заносило на горе врагам
Казачков уральских, бывало,
И к морским чужим берегам,
И за горные перевалы.
Возвращались с победой домой
И в степях оренбургских рыжих
Называли хутор Чесмой,
Да Берлином,
Варной,
Парижем!
С заграницами я не знаком,
Да не раз на попутной машине,
На телеге
Или пешком
И в Париже бывал,
И в Берлине!

1970

* * *

Мхом обросший,
В хвойной стороне
Пень зеленый, как из малахита.
И вот-вот появится на пне
Старичонка щупленький да хитрый.
С белой бородой, зеленоглазый,
Может быть, какой-нибудь ведун,
Может быть, хранитель горных сказов.
Вон горушка прямо на виду!
У горушки ручеек-живун.
И не здесь ли от людского взгляда,
Охраняя каменные клады,
Золотые полозы живут?

Заклубится горный змей,
Лютуя,
Огненными кольцами горя,—
Сбей со змея
Шапку золотую,
Словно красный гребень с глухаря!

...Над еланкой солнышко печет.
Отчего опять сюда влечет?
Отчего легко и хорошо?
Край родной налево и направо!
Заманив, колдуют над душой
Листья, камни, солнышко и травы.

1971

* * *

Извечная забота у России:
Растить хлеба
И строить города.
Как хлеб и землю,
Свято чту простые
И сложные орудия труда.

Простые и мудреные ремесла,
И новые, и знаемые встарь.
Искусство отбивать стальные косы
И выплавлять космическую сталь!

Умение в полет пустить над крышей
Резного деревянного конька.
И вознести руками
К солнцу ближе
Позолоченный купол на века!

И чту я час,
Когда руда кусками
Идет в мартен.
Из камня-дикаря
В гранильной возникает чудо-камень,
Огнями самоцветными горя!

Ночами мучай мастеров, бессонница,
Мир обогрет
Огнем творящих рук.
Не зря ж напоминали
Форму солнца
Колесный обод
И гончарный круг!

1972

* * *

На сером волке вез царевну
Иван-царевич по лесам.
Вот было здорово, наверно!
Я верил этим чудесам.

Теперь повывелись все волки.
Да и какой от волка толк!
Я увезу тебя на «Волге»,
Такой же серой,
Как и волк!

1966

* * *

Тут свистит себе синица.
Белка прыгает в бору.
Тут за соболя куница
Вышла замуж поутру.
Глухомань бывает зла.
На пеньке зайчишка замер —
Вдруг с кровавыми глазами
Тут гадюка проползла.
На опушке у берез
Козодои
Доят коз.
Бродят бабкины поверья.
Рысь гуляет у ворот.
Темной полночью за дверью
Серый волк девчонку ждет.

Тут Гремячая поляна
Да еще Медвежья падь.
Тут встают в июле рано,
Чтобы солнце не проспять.
Лес да горы, поле с рожью,
Красноталы у ручья.
Тут и я по бездорожью
Шел в тяжелых кирзачах.
И мотало нас и гнуло.
Только все же повезло:
Ветром голову не сдуло
И в кусты не унесло!

1974

* * *

Подковами стуча,
По закоулку
Соловые, каурые прошли,
И только нету вещега Каурки
С аршинными ушами до земли.
Мы грезим чудесами звездных стран,
Готовимся к инопланетным встречам,
И у соседа в комнате с утра
Проводят газ
И разбирают печку.
Эй, печка,
Побеленные бока,
Несись сквозь вьюгу белую, как голуби,
Вези меня, Емелю-дурака,
Последний раз к студенной
Синей проруби!

1966

ЛИВЕНЬ

Пролился ливень хорошо!
Среди ухабин
Я по глубоким лужам шел,
Как бог по хляби.
Казалось, исчезает твердь
Под сапогами,
Такая муть и коловерт,
Вода кругами.

И чудилось:
Из мутных вод,
Почти кипящих,
Как в древности, произойдет
Вдруг рыбащер.
И, отрекаясь от воды,
Хватая воздух,
Земной не устрасась беды,
Увидит звезды.

И, заселяя берега,
Освоив сушу,
Копыта обретет, рога,
И кровь, и душу.
И вот уже и гвалт, и рев,
И птиц паренье.
Я брел по лужам средь миров,
Как в день творенья.
Плескалась мутная вода,
И было видно:
Земля-то, в общем, молода —
Аж мне завидно!

1974

ШУЛЬГИН
МИКУЛЬ ИВАНОВИЧ

Хантыйский поэт. Родился в 1940 году в Шурышкарском районе Тюменской области в семье охотника.

Учился в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена, служил в Советской Армии. Живет в Ханты-Мансийске, работает в окружном Доме творчества народов Севера.

Первые стихи опубликовал в газете Ханты-Мансийского национального округа «Ленин пант хуват» еще студентом.

В Свердловске вышла книга «Благодарность» (1975) в переводах Вячеслава Кузнецова.

УЛЕТАЮЩИМ НА ЮГ ПТИЦАМ

В шалаше уютно под густым навесом.
Тут ружье при деле, что ни говори.
Показались гуси над осенним лесом,
Золотые гуси в отблесках зари.

Я приклад приладил, взвел курки привычно,
Вот еще минута — и пальну в рассвет!..
Только — нет! Нарушу дедовский обычай.
Передайте, гуси, Африке привет!

Вы летите, гуси, не пугаясь дроби:
Только взгляд мой долгий полетит вам
вслед.

От высоких кедров, от лугов Приобья
Передайте, гуси, Африке привет!

Пролетайте гордо, как посланцы мира,
На широких крыльях донесите свет.
Голубому Нилу, древнему Каиру
Передайте, гуси, пламенный привет!

Не рассеют ветры вашей дружной стаи,
Пусть вам хватит солнца на десятки лет.
Чтобы все мы, люди, сердцем ближе стали,
Передайте, гуси, Африке привет.

А когда вернетесь на просторы наши,
Завершив нелегкий со стихией спор,
Как родных, вас встретят солнечные чаши,
Голубые чаши северных озер.

1962

СКВОРЦОВ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1939 году в Туле.
В Златоусте в 1956 году окончил среднюю школу.
После окончания Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства работал инженером-механиком в Тувинской АССР, на Челябинском трубопрокатном заводе, в изыскательских партиях Тюменьнефтегаза. В 1975 году окончил Высшие литературные курсы.
Первая книга стихов «На четырех ветрах» вышла в Челябинске в 1966 году.
Автор сборников стихов «Лунная река» (1968), «Стихи. Поэма» (1970), сборника драматических поэм «Ущелье Крылатых коней. Отечество мы не меняем», шести стихотворных пьес, среди которых «Павел Аносов», «Алена Арзамасская», «Кибальчич».

* * *

Опять сегодня с крыши каплет,
И ветер ходит по куге,
И старый глобус мокрой цаплей
Уснул на тоненькой ноге.

Ему, наверно, снятся тропы,
Стада оленей, облака.
И я боюсь рукою тронуть
Его потертые бока.

Прислушаюсь,
Как с крыши каплет,
Как ветер ходит по куге...
И мир предстанет
Чуткой цаплей,
Уснувшей на одной ноге.

1967

* * *

И слышно было за версту,
На все болото
В кочках рыжих,
Как обдирал я бересту,
На берегу оставив лыжи.

Качалось
Гнездо грача —

Весны
Забывтая папаха.
И грубо
С желтого плеча
Сползала белая рубаха.

Не дрогнула моя рука...
Вдруг рядом пень зашевелился,
Снег отряхнул,
Перекрестился
И превратился в лесника!

Топор мой на снегу блестел...
С поличным
Пойманный на месте,
Я засвистел на бересте
В долине найденную песню.
О юной таволге в глуши,
О черном дятле в белом лесе.
Старик вздохнул:
— Для песни если,
Оно ничё... Давай круши!

1967

МОНОЛОГ ПАВЛА АНОСОВА

Из драматической поэмы
«Отечество мы не меняем»

...Славою венчая,
Добра Россия!.. Главное ведь, чтоб
Успеть подставить под награду лоб!..
И вот несут лавровые венки,
А поглядишь — для многих велики!..

...Прошу вас, господа,
Ответить, где я?.. Как попал сюда?..
Я — пленник ваш, и, знаю, каждый день
Мне вас встречать, как собственную тень!
А вы свободны?.. Нет!.. Вы все в плену
У точной геометрии... А ну,
Взгляните на себя!.. Поймете вдруг
И удивитесь: ваша участь — круг!
По кругу вы стоите у дверей!
По кругу загоняете зверей!
По кругу взятки дарите друг другу!
Награды получаете по кругу!..
Вам этот круг — спасенье, господа,
Да не простит Россия никогда!..

1971

МОНОЛОГ ВОЖДЯ

Из драматической поэмы
«Легенды о белом дереве»

Какие звуки странные... То Идол
Меня в свое болото призывает...
А может, это перекличка духов,
Иль крик совы, пугающей мышей,
Иль всплеск луны — огромной желтой рыбы,
За звездами гоняющейся в небе?..
Звук поглощает звук, его настигнув!
И все летит в стремлении едином
Настичь и одолеть... Вот так и я
Всю жизнь стремился одолеть пространство
И все живое покорить вокруг...
Я начинал загонщиком в степи,
Участвуя в охотах рода... После
Гонялся за врагами по степи.

За властью гнался — стал вождем!..
Все мало!..
Я гнался за богатством — стал богат!..
Все — бег... Все — бег!.. Неудержимый бег!
То стук копыт, то топот ног босых —
Все барабанный бой, и все — погоня!..
И дума... дума, что погонщик ты
Могучий и жестокий... Что ты властен
Над мириадами планет и чудей,
Живущими под звездами... Но стóбит
Остановиться, чтоб на миг единый
Перевести дыхание, как видишь,
Что больше не погонщик ты!.. Что гонят
Уже тебя!.. Ты — жертва остановки!..

1972—1973

МОНОЛОГ АЛЕНА

Из народной трагедии
«Алена Арзамасская»

Проклятый мир!
Ведь вы пришли не на собор — на пир!
На нищий пир! — об этом вы не знали
И шарите голодными глазами!..
Вы правду погребли... Но чтоб она
Смирилась с тем, — ни в кои времена!
Да нам такое видеть не в нови,
Ведь вы от пят до темени в крови!..
В крови народа русского... Напрасно
Вы руки вытираете о рясы!
За стенами могучными не видно
Деяний лживых пастырей... Вам стыдно
Лишь глаз своих, но и глазам навеки

Стыд прикрывать господь добавил веки!
Никто не знает, что даны вам уши
Подслушивать, а не затем, чтоб слушать!
И к вам идут!.. Открыты алтари!..
Вы ловко научили говорить
Святых, как галок, скрытых в образах!
Забыли вы, что церковь — не базар!
Пируйте же!.. Расхватывайте зелье!..
Вас ложь пьянит!.. Что будет на похмелье?!

1973

МОНОЛОГ КИБАЛЬЧИЧА

Из драматической поэмы «Кибальчич»

Мы все несем один огромный груз,
Одну Идею, дружно, как варяги
Тащили посуху один корабль,
Взвалив его на плечи. Только мы
Все роста разного: одни, как гномы,
Ногами семят, и все; другие
Руками держатся, и не поймешь —
Они несут корабль иль их несет
Неведомая сила великанов
Двух-трех, напрягших мышцы до предела.
Но все — варяги. Все придут в греки!..

1973—1975

**СУЗДАЛЕВ
ГЕННАДИЙ МАТВЕЕВИЧ**

Родился в 1939 году в селе Целинном Курганской области в крестьянской семье.

В 1959 году окончил монтажный техникум. Работал слесарем, мастером, прорабом в строительных организациях Казахстана. После службы в Советской Армии окончил Казанский университет.

Работает в Челябинске прорабом.

В 1968 году опубликована подборка стихов в сборнике «Подснежник» в Южно-Уральском книжном издательстве, там же в 1969 году издан сборник «Песни деревянных журавлей».

В 1972 году опубликована подборка стихов в антологии «Молодая планета» в Софии.

ТАГАНАЙ

Трасса тает в дымке, как свеча.
Призрачна на соснах позолота.
Облака на уровне плеча,
и душа на уровне полета.

Таганай — таган с крылом огня,
и умельцев бронзовые лики,
ятаган над ржанием коня,
черных сосен вздыбленные пики.

Таганай — окаменевший звук
в переливах радужного света,
где в ущельях Полозы живут
и лежат под плитами заветы.

Путь к твоей вершине дик и крут.
Ствол сосны застыл под ней, как древко...
На ладони не холодный грунт —
кровь и пот,
и пепел наших предков.

1972

НА ОЗЕРЕ

Еще невинны луны по ночам,
еще прозрачны над водой рассветы,
еще чиста волна Кисегача
и в снах моих, и в продолженье лета,
она не оттолкнет, не позовет

и синевы в глазах не опечалит,
пока в нее звезда не упадет,
пока сама себя не укачает.
Пока звенит над ней голубизна,
пока вода полна небесным светом,
пока не побелела тишина
над вспышками уральских самоцветов.
Не упаду на белую траву
и не раскину безнадежно руки,
когда поземка выбелит тропу,
петляющую к сердцу от разлуки.
И песня оборвется надо мной,
когда такое в памяти случится.
И солнце над затихшею волной
закружит, словно раненая птица.
Пока еще такое не пришло,
пока еще такое не случилось,
влюбленно налегаю на весло
и принимаю жизнь свою, как милость.
А как тебе об этом рассказать?
А сделать как, чтоб все сама узнала?
...Бездонно отражается в глазах
и свет души, и красота Урала.

1974

ИЮНЬ

Замедляя шаги,
отдавая весне предпочтенье,
я, наверно, был в чем-то
и прав, и неправ.
На Урале июнь
в перевозданном цветенье,

в тихом говоре птиц,
в буйстве красок и трав.
Малахит — у сосны,
белый мрамор — у юной березы,
я у добрых людей
в неоплатном долгу.
Отбивает июнь
васильковые косы
на некошенном сроду
и волшебном лугу.
Над вершинами гор —
необъятные дали.
Над Уралом плывут
всех широт облака.
Нам от края дана
та особая прочность
бушуевской стали,
из которой и молот,
и щит — на века.
Золотыми лучами
расшиты рассветы.
Я не очень грущу,
что весна позади.
Созреванье мечты,
плодоносное лето,
у тебя, у меня,
у земли — впереди.

1973

АНДРЕЕВА
ЛЮБОВЬ ХАРИТОНОВНА

Родилась в 1942 году в селе Заложном Курганской области в крестьянской семье.

После окончания школы работала на новостройках Кургана, начала печатать стихи в уральских газетах и журналах.

Окончила Литературный институт имени А. М. Горького.

В 1968 году в Челябинске в коллективном сборнике «Подснежник» опубликована подборка ее стихов.

В 1970 году вышел сборник стихов «Стриженое лето» (Челябинск).

ИСКРЫ ЗЕМЛИ

Железо искрит, если молотом бить.
А может земля, как железо, искрить?
Мы землю копаем под новый «стакан».
Гудит под ногами земли барабан.

Четыре лопаты, а яма одна,
А может, четвертая в ней не нужна?
И, может, уйти мне на газобетон?
Там тоже не сладко, но там не в наклон.

Я знаю, что мне не уйти от друзей.
Я рядом с друзьями вдвое сильней.
Четыре лопаты, а яма одна,
И в яме любая лопата нужна.

Железо искрит, если молотом бить.
Земля, она тоже может искрить.
Она только сверху
Камень и лед —
Через полметра мягче пойдет.

1968

СВАДЬБА

Мы сегодня Люську «пропиваем»,
Замуж нашу Люську выдаем.
Яблоки ядерные кусаем
И вино хоть морщимся, но пьем.

Сколько вместе жито-пережито,
Сколько каши съедено одной.
Словно бабочка в сачке,
Сидит она
За столом перед его родней.

Исполняя ритуал женитьбы,
«Горько» белозубое кричим.
Гости за столом, по первой выпив,
Расшумелись, как весной грачи.

Грянули веселые баяны.
Мы уже не спорим, не грустим.
Поднимаем тонкие стаканы
И такие речи говорим:

— Только вы по-нашенски, по-русски
Так живите, чтоб всегда вдвоем.
Слышишь, парень?
А не то мы Люську
От тебя сейчас же уведем.

1965

СЕНОКОС

Спят копны у каждого колочка.
Надави — брызнет ягодный сок.
Сенокос хрустит хлебной корочкой,
Попивает холодный квасок.

По-хозяйски валок потрогаю,
Если высох, заворошу.

А потом постою немного я
И на солнышко погляжу.

Высоко оно? Высоко еще!
Летний день не усадишь в год.
Я поставлю такой зародище,
Что руками всплеснет народ.

Завершу его длинной вицею,
Чтобы ветер траву не раздул.
И под вечер усталой птицею,
Как в гнездо, на межу упаду.

Буду я родниковые росы
Из ромашковых блюдец пить.
И меня золотистые осы
Станут теплым медом кормить.

И зверюшки у кромки отавы
Спросят ласково: «Чем помочь?»
Разве могут звери и травы
Разлюбить пастухову дочь?

1965

* * *

Начинается день с утра,
Начинается день с работы.
В семь часов гудят скрепера,
МАЗы пробуют повороты.

В семь часов я прочно сижу
В тесном кузове тряской машины.

Я сижу, ни о чем не тужу,
Навалясь на стенку кабины.

И везет меня, и трясет,
И летят подо мной колеса.
А вокруг меня мой народ,
А вокруг меня мир белесый.

Так вчера и позавчера,
С понедельника до субботы:
Начинается день с утра,
Начинается день с работы.

1968

* * *

Опять кирка, опять лопата
И гачка — верная сестра.
Сидят веселые ребята
У догоревшего костра.

Под синим абажуром неба
Висит холодный свет луны.
Из нас никто на небе не был,
Мы больше
На земле нужны.

Бетонщики и мотористы —
Строители цехов и трасс.
К нам приезжают журналисты
И пишут очерки о нас.

В них все диковинно и ярко,
И только жаль, что ветра нет.
И нам ни холодно, ни жарко,
Когда мы смотрим из газет.

Да, мы ни разу не летали
На межпланетном корабле.
Мы в это время стены клали,
Носили землю по земле.

1969

Содержание

Львов Михаил Давыдович	5
«Я был на стройках Южного Урала...» .	6
Златоуст	7
«Был холод декабрьский, и я возле танка...»	7
«Чтоб стать мужчиной — мало им родить- ся...»	9
Время	10
У входа в Скалат	11
Высота	11
«На миг в прошедшее заглянем...» . .	12
«Как будто я за веком следом ездил...» .	12
«Сколько нас, нерусских, у России...» .	13
На станции Сергач	13
Впадали реки в реки	14
Песня	16
Гольдберг Александр Яковлевич	19
В степи за Салаватом	20
А помнишь?	21
А заря-то здесь какая!	21
На заре, под зарей...	22
Трутнева Евгения Федоровна	23
Дед Мороз	24
Скрипка	25
Уральские камни	26
Истомин Иван Григорьевич	28
В дороге. Перевод Г. Семенова	29
Коми Гал. Поэма. Перевод М. Макси- мова ,	30

Газ над речкой Таг. Перевод Л. Решетникова	36
Наджми Назар	38
Ленинский костер. Перевод К. Ваншенкина	39
Дитя. Перевод Е. Николаевской	39
«К счастью будней...» Перевод Н. Милованова	40
Березы. Перевод Я. Козловского	41
«Уж полночь. Один за другим...» Перевод Е. Николаевской	43
«Рождение и смерть — две крайних даты...» Перевод Я. Козловского	43
Разговор с деревьями. Перевод Е. Николаевской	44
Приглашение другу. Перевод Е. Николаевской	44
Сосед по огню. Перевод Е. Николаевской	46
Вавилин Михаил Дмитриевич	47
О звездах. Перевод В. Радкевича	48
Сосед. Перевод Н. Старшинова	48
Отец. Перевод В. Радкевича	49
Ранний снег. Перевод Н. Старшинова	51
«Еще роса на лепестках сирени...» Перевод Д. Смирнова	51
Фейерабенд Евгений Витальевич	52
Из цикла «Автобиография»	53
Соловей	54
Каменный Пояс	55
Примета	56
«Мотыльковые летние дни...»	58

«Весь день копилась туча грозовая...»	59
Черемуха	60
Чистые ключи	60
Шкавро Леонид Григорьевич	62
«Отошли бои... И на пригорке...» . . .	63
Степные озера	63
Ода горе Высокой	64
«Я на войне...»	66
«Заря теснит недюжий сон...» . . .	67
Плотогонич	68
Благодарность	69
Благость	71
Красный флаг	72
Сабитов Гай Сабитович	73
В лугах. Перевод Г. Пагирева . . .	74
Джами. Перевод Г. Пагирева . . .	75
Соха. Перевод Г. Пагирева . . .	77
Рамазанов Гилемдар Загандарович	79
«Ну чем, скажите, кичится он?...» Перевод В. Виноградова	80
Командарм. Перевод В. Виноградова . .	81
Воспоминание. Перевод В. Виноградова .	82
Край орлиный. Перевод В. Савельева .	84
Ветер из Башкирии. Перевод В. Савелье- ева	85
Счастье. Перевод В. Виноградова . .	86
Однофамильцы. Перевод В. Савельева .	88
Долинова Евгения Алексеевна	91
Узелок	92
Мне пять лет	92

Ручейки	93
Леночкины слова	95
Шмель-толстячок	96
Дижур Белла Абрамовна	97
Гармония	98
Юность	99
В лаборатории	100
Материнство	100
Источник жизни	101
Байтеряков Николай Семенович	103
Я счастлив. Перевод В. Семакина . .	104
Народная песня. Перевод Л. Хаустова .	104
Утро. Перевод О. Поскребышева . . .	105
Деревья, как люди, живут... Перевод О. Поскребышева	105
Домовитов Николай Федорович	107
Росси	108
Убежать бы мне в юность	109
Белый пароход	110
Плечо	111
Старые жернова	112
Муса Гали	113
«Уральский рассвет через горы шагнул...» Перевод Е. Николаевской	114
«О Родина моя! Меня согрей...» Перевод С. Кузнецовой	115
Поэзия. Перевод Е. Николаевской . .	115
«Если счастлив...» Перевод Е. Храмова .	117

Все, как было... Перевод И. Снеговой .	118
Черный снег. Перевод Е. Николаевской .	119
День медового дождя. Перевод И. Снеговой	120
Звезды горят над тобой, Салават. Перевод И. Снеговой	122
К себе я возвращаюсь. Перевод И. Снеговой	123
 Гиляжев Хаким	 125
Мундир. Перевод М. Дудина	126
Первое письмо. Отрывок из поэмы «Сорок шестой солдат». Перевод Я. Серпина .	126
В Мавзолее. Перевод Я. Серпина	128
Рябина. Перевод Я. Серпина	129
Кавказская калина. Из цикла стихов «У друзей». Перевод Я. Серпина	130
 Семакин Владимир Кузьмич	 132
На Урале	133
Дома	134
«Еще грозою пахли травы...»	135
«Пролетели весенние гуси...»	136
«Хлопотливые первые пчелы...»	137
«Было трепетно, буйно, зелено...»	138
«Рука в руке прошли мы спозаранок...» .	139
«Безымянные, я вам тезка...»	140
«Около песчаного закоска...»	141
«Не знаю, как я век свежую...»	142
«Нежный-нежный — не жжется...»	143
«Ты мне дорог, дорог хоть какой...»	144
Колос Колосович	145

Пилипенко Михаил Михайлович	147
Сталь и песня	148
Уральская рябинушка	148
«Небо темно-синее: время к ночи кло- нится...»	149
«Промчался ветер по лесу...»	150
Рассвет	151
Сосед	152
«Непрошенный ветер румянит лицо...»	153
Шариф Биккол	155
Колосья. Перевод Я. Козловского	156
Ак-Идель. Перевод Ю. Неймана	156
«День мой труден...» Перевод С. Кузне- цовой	157
Дерево, посаженное мною... Перевод Я. Козловского	158
Жду тебя. Перевод М. Борисовой	158
Внезапная молния. Перевод М. Борисо- вой	159
Тарабукин Игорь Иванович	160
Эпиграммы	161
Зовет гора Магнитная. Песня	164
Три города. Песня	165
Куликов Леонид Иванович	167
Задача	168
Мамин день	169
Кузнец	170
Я электрику помог	171
Зауралье	172

Минин Иван Алексеевич	174
Село Сума. Перевод В. Радкевича . . .	175
Тыгай. Перевод В. Радкевича	177
Предчувствие лета. Перевод В. Радке- вича	178
 Миронов Вадим Николаевич	 179
Искусство	180
«Манит издалека меня...»	181
Ведро воды	182
Я с Урала	183
Урман	184
 Сорокин Лев Леонидович	 186
Мой Урал	187
Сторож	188
У нашей школы	188
Парни	190
Майкор	191
Перед грозой	192
Сосны	193
Осеннее	193
У костра	194
«Крутятся без усталы колеса...»	195
«Себя считать я должев виноватым...» .	196
«Не перекрашивай седины...»	196
Я — сын России	197
 Яшин Даниил Александрович	 198
След Зэрпала. Перевод Л. Шкавро . . .	199
«Ответь лишь «да» на мой вопрос тре- вожный...» Перевод К. Арсеньевой . .	201

Пусть остается след. Перевод В. Радкевича	201
Голубой Дунай и белая Кама. Перевод О. Поскребышева	202
Елин Илья Михайлович	204
Песня на память	205
Пусти	207
Встреча	208
Радкевич Владимир Ильич	211
Соликамский сказ	212
Памяти Николая Куштума	213
В утренней электричке	215
Удача	216
Трактористка	216
Приехали финны	218
Я — с Урала	219
Покчи-Петров Михаил Петрович	222
Письмо к матери. Отрывок из поэмы. Перевод Г. Пагирева	223
Ночью. Перевод О. Поскребышева	224
Родина. Перевод О. Поскребышева	225
Васильев Флор Иванович	227
«В любой чашобе...» Перевод В. Савельева	228
«За речкой Моя вызрела пшеница...» Перевод Я. Серпина	228
«Чепецкие луга!..» Перевод В. Савельева	229
Рябина. Перевод В. Савельева	230
Черемуха. Перевод В. Савельева	230
«Костер прожег ночную темень...» Перевод Э. Балашова	231

«А поле спит давным-давно...» Перевод Т. Кузовлевой	232
«Я к деду приставал с вопросами...» Перевод А. Алдана-Семенова	232
Каримов Марат Набиевич	234
У карты Башкирии. Перевод А. Филиппова	235
Унесу в своем сердце. Перевод А. Кронгауза	236
Сапожник. Перевод С. Викулова	237
Аул с медными пуговицами. Перевод В. Цыбина	238
Награды. Перевод С. Викулова	240
Белоногов Александр Егорович	242
Другу. Перевод Л. Шкавро	243
Во время рождения дня. Перевод В. Щепотева	244
Трифонов Юрий Александрович	245
Москва	246
Березки	247
На мосту	249
Рабочий квартал	249
Восходящие потоки	250
В лесу	251
Тянусь к свету	252
«Дай искру мне — я запалю костер...»	253
Найдич Михаил Яковлевич	254
В горах Урала	255
О связях	255

Молодая трава	256
«Да! Земле достается...»	257
Под родным небом	257
«В напарники для главного рывка...»	258
Высокий стиль	259
«Порой бывало — люди на войне...»	261
Подъезжая к Уралу	262
Атнабаев Ангам Касимович	264
Стихи о черном цвете. Перевод Н. Милованова	265
Родной дом. Из поэмы «Мой современник». Перевод Н. Милованова	266
Сафин Рафаэль Ахметсафич	268
Пляска вдов и безногих калек. Перевод В. Цыбина	269
Когда летят журавли. Перевод В. Соколова	271
Возвращайтесь! Перевод С. Сущевского	272
Филиппов Александр Павлович	275
Сельский запах	276
«Как из сказки, пришла непрощенная...»	276
Истоки	277
«В меня пчела вонзила жало...»	278
Осень	278
Красное знамя	279
Домнин Алексей Михайлович	280
Дороги	281
Глухарь	282
«Блекнут в памяти встречи и даты...»	283
«Степной огонек на пути...»	283

Лапцуѝ Леонид Васильевич 284

- Людам радость я везу. Перевод Л. Шкавро 285
Ленинский меридиан. Перевод Н. Грудининой 286
Лук. Перевод Н. Грудининой. 288

Агеев Николай Егорович 290

- «Гремит салют...» 291
«Магнитогорское утро...» 292
«Хочу я снова о дорогах...» 293
«Весенней дымкой Зауралье...» 295
«Рассвет непуганую птицей...» 296
«Березники Березниками...» 297
«Я доверяю вам, Ракетные войска...» 298

Молодцов Геннадий Порфирьевич . 300

- «Живу на улице одноэтажной...» 301
Лето 301
Сон 302

Бояршинова Эмилия Ивановна 304

- Ты был проездом 305
Приезжай на листопад! 305
Поздравляю с рассветом! 306
Голос 307
Семейные альбомы. 308
Мои героини 309
Берег 311
Из странствий возвратясь... 311

Машковцев Владилен Иванович	313
Меня в лесу березка родила	314
Магнитогорск	315
Когда идет девятый вал	316
Дарья	317
Я тебе Россию завещаю	318
В лодке я и тишина	320
Емельян Пугачев 5 мая 1774 года	321
Марьев Борис Михайлович	323
Телефон	324
Выходной. Из цикла «Рабочий поселок»	325
Романтика	326
«Я работал в угрозыске...»	328
«Ночной грозы неистовый каток...»	330
Крашенинников Авенир Донатович	331
Овраги	332
Продавец корзинок	333
«Ты восторженно верила...»	334
Шесталов Юван	335
Я согрею. Перевод Н. Грудининой	336
Всесильный чай. Перевод Н. Грудининой	337
Миснэ. Перевод Д. Сухарева	338
Березовый сок. Перевод Вс. Рождественского	339
Песня пробуждения. Отрывок из поэмы. Перевод Н. Грудининой	340
Огонь на огонь. Перевод Н. Грудининой	342
Кавказ. Перевод А. Чистякова	344
Снежинки. Перевод Н. Грудининой	346

Баева Антонина Антоновна	347
«Видишь, видишь...»	348
Дорога на Кустанай	348
Тревога моя	349
«Я — как вишенка веселая...»	350
«Извела свою тоску...»	351
«Зажелтела листва, задубела...»	351
«В центре света..»	352
К северу гуси летят	353
Поскребышев Олег Алексеевич	354
Наши родословные	355
«Как торф в глуби земной...»	356
Отец	356
«Чтоб опостылела земля?..»	357
Повитуха	358
«Не далеко слышна окрест...»	360
«Не в легендах древних и не в сказках...»	361
«Отшумели мои соловьи...»	362
«Пусть будет нам не стыдно и не страшно...»	363
Сорокин Валентин Васильевич	364
Огонь. Поэма	365
Решетов Алексей Леонидович	387
Сны	388
Земля	388
«Я помню...»	389
Хозяйка маков	389
«Свет звезды, которой закатиться...»	393

Станцев Венедикт Тимофеевич	394
Мать. Поэма	395
Еранцев Алексей Никитович	406
Сосна	407
Земля	407
Начальник	408
Прощание	410
Рассвет	410
Вагончик	411
Листопад	412
Клад	412
«С жизнью спор затеял археолог...»	413
«Эх, давно я вдоль по Северу не ездил...»	414
Кузьмин Лев Иванович	415
Звездочет	416
Зернышко	419
Дагуров Владимир Геннадиевич	423
Первое свидание	424
Война	425
Терпение	426
На улице нашего детства	427
Гарипов Рами Ягафарович	429
Снегири. Перевод А. Решетова	430
Жаворонок. Перевод Н. Синцова	430
Мельник. Перевод А. Решетова	431

Богданов Вячеслав Алексеевич	432
Возы	433
Светунец	434
Наедине с полями	435
Отгуляет зима по Уралу	436
Железо	437
«Дождь отшумел...»	438
В синем цехе	439
Что ты скажешь...	440
Желание	440
Паль Роберт Васильевич	442
«О земле говорю с уважением...»	443
Дед	443
«Груды развороченной породы...»	445
Соловьиное горло Урала	445
Година Николай Иванович	448
Работа	449
Усталость	449
Зазимок	450
«Утки прилетели на болото...»	451
Куницын Александр Васильевич	452
«А в Берлине...»	453
«Мхом обросший...»	454
«Извечная забота у России...»	455
«На сером волке вез царевну...»	456
«Тут свистит себе синица...»	456
«Подковами стуча...»	457
Ливень	458

Шульгин Микуль Иванович	459
Благодарность. Перевод С. Мнацаканяна..	460
Тумбочка дневального. Перевод Л. Решетникова	460
Улетающим на юг птицам. Перевод В. Кузнецова	462
Скворцов Константин Васильевич	463
«Опять сегодня с крыши каплет...» . . .	464
«И слышно было за версту...» . . .	464
Монолог Павла Аносова. Из драматической поэмы «Отечество мы не меняем».	465
Монолог вождя. Из драматической поэмы «Легенды о белом дереве»	466
Монолог Алены. Из народной трагедии «Алена Арзамасская»	467
Монолог Кибальчича. Из драматической поэмы «Кибальчич»	468
Суздалев Геннадий Матвеевич	469
Таганай	470
На озере	470
Июнь	471
Андреева Любовь Харитоновна	473
Искры земли	474
Свадьба	474
Сенокос	475
«Начинается день с утра...»	476
«Опять кирка, опять лопата...»	477

П67 Поэты Урала. Антология в двух томах. Том 2. Свердловск. Средне-Уральское кн. изд-во, 1976.

496 с.

Предлагаемая читателям антология издается впервые в истории литературной жизни Урала. В ней представлены лучшие стихи поэтов, чья литературная деятельность была связана с Уралом как в дореволюционный период, так и в наши дни.

П 70402—063
M158(03)—76

С62

ПОЭТЫ
УРАЛА

АНТОЛОГИЯ В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 2

Редактор Н. Г. Кузин. Художественный редактор Г. И. Кетов. Технический редактор Т. В. Меньшикова, Корректор Л. А. Гупало.

Сдано в набор 16/III 1976 г. Подписано в печать 20/VII 1976 г. НГ 12339. Бумага типографская №1 Формат 70×90¹/₃₂. Уч.-изд. л. 18. Усл. печ. л. 18,1. Тираж 50 000 Заказ 176. Цена 1 р. 87 к.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24, Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.